

Именно такой
и должна быть фэнтези.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Дорога шаптана

СЫН
СОЛДАТА
Книга 1

РОБИН ХОББ

Сын солдата

Робин Хобб

Дорога шамана

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хобб Р.

Дорога шамана / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус», 2005 — (Сын солдата)

ISBN 978-5-389-20801-8

Королевство Герния расширяет свои владения, покоряя и принуждая к оседлости, а то и уничтожая кочевые племена. Жители равнин владеют природной магией; Герния же сделала ставку на современное оружие, и она уверенно одерживает верх. Но ей по-прежнему нужны профессиональные воины. Уже давно сложилась традиция: в благородной семье первый сын получает отцовское наследство, третий становится священником, а второму достается удел солдата. Невар Бурвиль, второй сын человека, за военные заслуги получившего титул лорда, поступает в престижную Королевскую Академию каваллы. Юноша смело рассчитывает на блестящую карьеру офицера-кавалериста, но вскоре открывает, что перед ним лежит далеко не прямая дорога. Он попадает в паутину несправедливости, интриг и грязных игр. И он еще не знает, что его ждет особая судьба – стать связующим звеном между древним магическим миром и бурно развивающейся цивилизацией.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20801-8

© Хобб Р., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	70
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Глава 1

Магия и железо

Я хорошо помню, как в первый раз увидел магию жителей равнины.

Мне было восемь лет, и отец взял меня с собой на заставу возле Излучины Франнера. Мы встали еще до рассвета, поскольку впереди нас ждал долгий переход, и в полдень увидели флаг, развевающийся над стенами форта, что стоял на берегу реки. Много лет назад его возвели на границе спорных земель, на которые претендовали жители равнины и быстро расширяющего свои владения королевства Герния. Теперь эти места находились далеко от границы, но прежняя военная слава осталась. Ворота охраняли две огромные пушки, однако вдоль покрытого грязью частокола расположились торговые ряды, и потому впечатление возникало не такое грозное. Дорога из Широкой Долины влилась в гораздо более наезженный тракт, берущий начало у развалин. Крыши и стены давно обвалились, остался лишь фундамент с зияющими дырами, похожими на впадины в черепе, лишенном зубов. Я с любопытством посмотрел на них и осмелился задать вопрос:

– Кто жил здесь прежде?

– Люди равнин, – ответил капрал Парт.

По его тону я понял, что больше он ничего говорить не намерен. Он не любил рано вставать и, судя по всему, сейчас винил меня в том, что ему пришлось подняться с постели ни свет ни заря.

Я решил придержать язык, но вопросы сами посыпались как горох:

– А почему дома разрушены? Почему они покинули эти места? Я думал, у жителей равнин не бывает городов. Но тогда откуда взялись эти равнины?

– У людей равнин нет городов. Они ушли потому, что ушли. Дома разрушены из-за того, что строители из жителей равнин ничуть не лучше, чем из термитов. – Негромкий ответ Парта прозвучал так, словно он разговаривал с человеком, глупее которого еще не рождалось на свет.

Мой отец всегда обладал превосходным слухом.

– Невар, – позвал он.

Я слегка прищипорил лошадь, чтобы догнать более мощного скакуна, на котором ехал мой отец. Он бросил на меня короткий взгляд, желая убедиться, что я его слушаю, и сказал:

– Большинство людей равнин не строят городов. Но некоторые, вроде народа беджави, живут в сезонных поселениях. Излучина Франнера – одно из них. Они сюда пришли вместе со своими стадами во время засухи, поскольку здесь имелись хорошие пастбища и вода. Однако они не любят долго оставаться на одном месте, поэтому их постройки не слишком надежны и быстро разрушаются. В другие времена года они уводят стада на равнины, а затем просто следуют за ними.

– Но почему они не захотели остаться здесь и построить себе более надежные жилища?

– У них другие обычаи, Невар. Сказать, что люди равнин не умеют строить, было бы неправильно, ведь они сумели возвести в разных местах несколько монументов, которые имели для них огромное значение, и эти сооружения прекрасно выдержали испытание временем. Когда-нибудь я отведу тебя к одному из них – он называется Танцующее Веретено. Но они не строят городов, как это делаем мы, не избирают правительство и не пытаются заботиться о своем народе. Вот почему они остаются бедными кочевниками, страдают от набегов кидона и капризов природы. Теперь, когда мы убедили беджави осесть на одном месте, стали учить их сооружать постоянные поселения и школы, а также делать запасы провизии, они заживут гораздо лучше.

Я задумался над словами отца. Мне уже приходилось встречаться с беджами. Некоторые из них поселились в северной части Широкой Долины, рядом с владениями моего отца. Однажды я побывал в их деревне. Довольно грязное место – несколько случайным образом построенных домов, без малейших намеков на улицы, повсюду мусор и нечистоты. Мне там не понравилось. Казалось, отец понял, о чем я думаю.

– Иногда людям требуется немало времени, чтобы начать жить по-человечески. Учение, познание нового всегда дается тяжело. Но в конце концов они многое выиграют. Народ Гернии считает своим долгом помочь жителям равнин приобщиться к цивилизации.

О, это я понимал. Моя неравная борьба с математикой должна была помочь мне стать хорошим солдатом. Я кивнул, и мы продолжали ехать дальше, почти касаясь стременами.

Город у Излучины Франнера стал местом встреч гернийских купцов, здесь они весьма недешево продавали скучающим по дому солдатам свои товары и покупали самые разные изделия жителей равнин и безделушки для городских рынков запада. Солдаты, как и прежде, жили в казармах, которые все еще оставались сердцем города, а торговля стала еще одним веским поводом для их существования. За пределами укреплений маленького военного поселения появилось множество новых домов, выросших вокруг речных причалов. Многие солдаты ухаживали на покой и селились здесь, где им могли оказать помощь более молодые собратья по оружию. Наверное, когда-то форт у Излучины Франнера имел стратегическое значение, теперь же он больше походил на тихую заводь. Впрочем, флаги до сих пор поднимались утром с военной точностью и торжественностью. Правда, отец сказал мне по дороге сюда, что служба у Излучины Франнера считается легкой, сюда направляют тех офицеров, кто уже немолод или так и не оправился после ранения, но еще не готов уйти в отставку и вернуться к своим семьям.

Мы прибыли в форт для того, чтобы выяснить, сможет ли отец получить военный контракт на овечьи шкуры, которые использовали для пошива седел. В то время моя семья только начинала заниматься разведением овец, и мы хотели оценить возможные рынки сбыта, прежде чем вкладывать крупные деньги в этих глупых животных. И хотя отцу совсем не нравилась роль купца, он как новоявленный аристократ вынужден был ради процветания поместья заниматься всеми хозяйственными вопросами.

– Я не хочу, чтобы твоему брату, когда он вырастет, достался в наследство только лишь титул. У будущего лорда Бурвиля с Востока должен быть доход, позволяющий ему поддерживать достойный образ жизни. Вероятно, ты полагаешь, будто это не имеет к тебе никакого отношения, юный Невар, поскольку второй сын всегда становится солдатом. Но дело в том, что, когда тебе придет время выходить в отставку, ты сможешь вернуться в поместье брата и будешь доживать свои дни в Широкой Долине. К тому же доходы поместья определяют, насколько хорошо выйдут замуж твои дочери, ибо долг старшего сына дворянина – обеспечить дочерей своего младшего брата. Тебе следует знать о таких вещах.

Тогда я мало понимал из того, что говорил мне отец. В последнее время он стал общаться со мной гораздо больше, нежели раньше, но я улавливал смысл хорошо если половины из того, что он пытался мне втолковать. Он совсем недавно разлучил меня с сестрами, и я скучал по их обществу и тихим играм. И еще мне очень не хватало маминой нежности. Расставание получилось слишком резким – как только отец обнаружил, что большую часть дня я играю в саду с Элиси и Ярил и что у меня даже есть собственная кукла. Подобное времяпрепровождение вызвало у отца тревогу, природу которой мой восьмилетний разум постичь не мог. Он отругал мою мать – из-за закрытых дверей до меня доносилась их приглушенная «дискуссия», – и в результате сам занялся моим воспитанием. Мои уроки были приостановлены до прибытия нового наставника. В последующие дни отец постоянно держал меня рядом с собой, давал скучные и неприятные поручения и пускался в долгие разговоры о том, какой будет моя жизнь, когда я вырасту и стану офицером королевской каваллы. Кроме того, меня почти постоянно сопровождал капрал Парт.

Такие резкие перемены в жизни выбили меня из колеи. Я чувствовал, что каким-то образом разочаровал отца, но не знал, в чем состояли мои ошибки. Мне хотелось вернуться к сестрам и при этом было стыдно, что я скучаю по ним, поскольку теперь я перестал быть ребенком – пришло мое время стать вторым сыном-солдатом, о чем мне все время напоминали отец и старый толстый капрал Парт. Моя мать говорила про Парта, что его «наняли из жалости». Старый, с солидным брюшком, он был вынужден уйти в отставку и, обратившись к отцу, получил должность сторожа. Теперь он временно замещал няню, которая прежде опекала сестер, а заодно и меня.

Парт должен был учить меня «основам военной выправки и выносливости» до тех пор, пока отец не найдет для меня более подходящего наставника. Парт мне не слишком нравился. Няня Сиси была более строгой и требовала от меня большего, чем капрал. Неуклюжий старик, даже в отставке цеплявшийся за свое звание капрала, он относился ко мне, как к обузе, и вовсе не рвался отточить мой ум и закалить тело. Довольно часто, вместо того чтобы учить меня верховой езде, он укладывался на часок вздремнуть, поручая мне «быть настоящим маленьким часовым», что означало сидение на ветке раскидистого дерева, пока он спал внизу. Конечно, я ничего не рассказывал отцу. Прежде всего Парт распределил между нами роли: он командир, а я солдат, и объяснил, что настоящий солдат никогда не ставит под сомнение приказы командира.

Моего отца хорошо знали в форте у Излучины Франнера. Мы проехали через город и остановились у ворот крепости. Здесь его встретили с почетом. Я с любопытством смотрел по сторонам – мы миновали бездействующую кузницу, пакгауз и казармы и придержали коней только перед домом командующего. Разинув рот, я таращился на роскошное трехэтажное каменное здание, а отец тем временем давал указания Парту:

– Пусть Невар осмотрит заставу, а ты объясни ему все. Покажи пушку и расскажи о выборе позиции и дальности стрельбы. Укрепления здесь построены в соответствии с классическими канонами. Невар должен понимать, что это означает.

Если бы отец, поднимаясь по ступеням, оглянулся, он увидел бы, как Парт закатил глаза. Настроение у меня испортилось. Я понял, что Парт не намерен выполнять указания отца и позднее меня обвинят в нежелании учиться – так уже случалось не раз. Однако я решил не допустить, чтобы это снова повторилось.

Капрал жестом велел следовать за ним, и мы прошли с десятков шагов по улице.

– Перед тобой казармы, здесь живут солдаты, – сообщил мне Парт. – А это таверна, где солдаты могут выпить пива и немного отдохнуть, когда свободны от службы.

Здесь и закончилось мое знакомство с фортом. Казармы и таверна были построены из плохо оструганных досок, выкрашенных в зеленый и белый цвет, – длинное низкое здание с открытой террасой, идущей вдоль всей его длины. Свободные от дежурств солдаты чинили форму, чистили сапоги, болтали, курили, что-то жевали, сидя в тени на жестких скамейках. Перед таверной собралась компания людей, подобных которым я видел множество раз. Слишком старые или получившие увечья, они больше не могли служить в армии. Одеты они были кто во что горазд: и в обноски военной формы, и в гражданскую одежду. За одним из столиков сидела одинокая женщина в выцветшем оранжевом платье, с увядшим цветком за ухом. Она выглядела очень усталой.

Отставные солдаты часто обращались к отцу, рассчитывая получить работу и крышу над головой. Если отцу казалось, будто они могут принести хоть какую-то пользу, он нанимал их, чем неизменно приводил в отчаяние мать. Но этих людей из таверны отец к себе на службу не взял бы ни за что. Их одежда была рваной, небритые лица грязны. Полдюжины мужчин сидели на скамейках, пили пиво, жевали табак и сплевывали вязкую коричневую слюну прямо на землю. Воздух наполнял острый запах табака и пролитого пива.

Когда мы проходили мимо, Парт с тоской посмотрел в сторону низких окон, а потом радостно поприветствовал старого приятеля, которого не видел много лет. Я со скучающим видом отошел в сторону, пока двое друзей через открытое окно таверны обменивались новостями. Приятель Парта опирался локтями на подоконник, а мы оставались на улице. Вев – так его звали – недавно прибыл в форт вместе с женой и двумя сыновьями, которые родились после того, как он вышел в отставку, повредив спину в результате падения с лошади. Как и многие другие солдаты, когда служба для него закончилась, он остался без гроша. Его жена шила, и благодаря этому они могли оплачивать жилье, но денег постоянно не хватало. А чем сейчас занимается Парт? Работает на полковника Бурвиля? Я увидел, как лицо Вева повеселело. Он тут же пригласил Парта присоединиться к нему, чтобы отпраздновать встречу. Когда я собрался последовать за ним, Парт бросил на меня суровый взгляд.

– А ты подожди снаружи, Невар. Я не задержусь.

– Вы не должны оставлять меня одного в городе, капрал Парт, – напомнил я ему.

Я слышал, как отец несколько раз повторял это по дороге сюда, вот почему я удивился, что Парт забыл его наставления. Более того, я рассчитывал на благодарность за то, что помогаю ему избежать неприятностей. Отец внушил мне, что всякий раз, когда он напоминает мне о правиле, которое я забыл, мне надлежит выразить свою признательность.

Однако Парт нахмурился.

– Ты и не будешь один, Невар. Я вижу тебя через окно, к тому же старые солдаты за тобой присмотрят. Тебе нечего бояться. Просто посиди возле двери и подожди меня, как я тебе сказал.

– Но я должен оставаться с вами, – упрямо возразил я.

Мне было велено не покидать Парта, вдобавок ко всему его распоряжение не имело ничего общего с приказом отца показать мне форт. У старого капрала могут быть неприятности из-за того, что он оставил меня одного на улице. А еще я боялся, что отец не ограничится обычным порицанием, если я расстанусь с Партом.

Но приятель Парта тут же нашел решение.

– Мои парни, Ворон и Дарда, тут неподалеку, за углом кузницы, играют с другими ребятами в ножички. Почему бы тебе не посмотреть, как это делается, и не поиграть с ними? Мы посидим здесь немного. Я поболтаю с дядей Партом о том, как найти такую легкую работу, какую он подыскал себе, – вытирать нос сыну старого полковника Бурвиля дело совсем несложное.

– Говори пристойно, когда рядом мальчик! Неужели ты думаешь, он не расскажет о том, что ты болтал? Заткнись, Вев, если не хочешь, чтобы я потерял работу.

– Ну, я не хотел сказать ничего плохого, ведь мальчик все понял, правда?

Я неуверенно улыбнулся. Вев явно дразнил Парта, возможно, заодно насмеялся надо мной и моим отцом. Но я не понимал причины. Разве они не друзья? И если Вев оскорбляет Парта, почему тот просто не уйдет прочь как джентльмен или не потребует удовлетворения, как это часто случалось в историях, которые моя старшая сестра читала младшей, когда родителей не было рядом? Все это показалось мне ужасно сложным, подобно многим другим взрослым разговорам, что велись в моем присутствии в последнее время, – из них почему-то следовало, будто я вырасту женоподобным неженкой. Так или иначе, но я не знал, как мне поступить.

Между тем Парт довольно резко подтолкнул меня в сторону больших парней, которые собрались возле пакгауза, и велел поиграть с ними, сказав, что он скоро вернется, а сам тут же исчез в таверне, оставив меня на улице одного.

Город, выросший при форте, – весьма суровое место, и я об этом знал, несмотря на свои восемь лет, поэтому подошел к большим парням с опаской. Они играли в ножички в переулке между кузницей и пакгаузом. Перед каждым броском они ставили медные монетки, после чего по очереди метали нож в землю. Ставки делались на то, воткнется ли лезвие в землю и как

близко к собственной ноге, не поранив себя, удастся это сделать. Поскольку все участники были босиком, игра вызвала интерес – вокруг столпились пятеро мальчишек. Даже самому младшему из них было лет девять-десять, а старшему – не меньше тринадцати. Все они – сыновья простых солдат – носили истрепанную отцовскую одежду и были грязны, точно бродячие собаки. Пройдет несколько лет, они подпишут бумаги и станут пехотинцами. Мальчишки не хуже меня знали, какое будущее их ждет, и с радостью пользовались отпущенной им свободой, развлекаясь дурацкими играми на пыльных улицах.

У меня не было монеток, чтобы присоединиться к ним, да и одет я был слишком хорошо для их общества, поэтому они немного потеснились, дав мне возможность наблюдать за игрой, но заговаривать со мной никто не стал. И все же из их болтовни между собой я узнал несколько имен. Довольно долго я с интересом наблюдал за происходящим, внимательно слушая, как они ругаются, когда выигрывают или проигрывают очередную ставку. Несомненно, их разговоры сильно отличались от тех, что велись во время чаепитий, которые устраивали мои сестры, и я спросил себя – не такую ли мужскую компанию имел в виду мой отец, когда отчитывал меня за участие в девчоночьих играх.

Солнце приятно припекало, игра все не кончалась, мелкие монетки и другие случайные сокровища переходили из рук в руки. Мальчишка по имени Карки порезал себе ногу, немножко повыл, попрыгал на здоровой ноге, но потом снова вернулся в игру. Ворон, сын Вева, посмеялся над ним и с довольным видом спрятал в карман два пени и три стеклянных шарика, которые тот поставил на кон. Я был настолько поглощен происходящим, что наверняка не заметил бы разведчика, если бы мальчишки не прекратили игру. Они молча наблюдали за ним, пока он проезжал мимо.

То, что он разведчик, я понял по его одежде, состоящей наполовину из военной формы, наполовину из вещей, которые носят обитатели равнин. Темно-зеленые штаны, как у настоящего кавалериста, каваллы и безусловно чистая льняная рубашка из гардероба кочевников. Волосы у него были заметно длиннее, чем у обычного солдата, и почти что касались плеч, а головной убор удерживала красная шелковая лента. День выдался теплый, и он закатал рукава рубашки, демонстрируя всем завитки татуировок, браслеты из серебра и бронзы и амулеты из пьютера¹.

Разведчик сидел верхом на хорошей вороной лошади с длинными сильными ногами, в гриву которой были вплетены амулеты, позвякивавшие при каждом шаге. Я с интересом наблюдал за ним. Говорят, что разведчиков обучают и готовят отдельно. Они являлись офицерами, чаще всего лейтенантами, многие имели благородное происхождение. Обычно они вели независимый образ жизни и подчинялись непосредственно командиру заставы. Разведчиков считали предвестниками всяческих неприятностей, будь то разливы рек, разбитые дороги или волнения среди обитателей равнин.

Вслед за разведчиком на гнедом мерине ехала девочка лет двенадцати или тринадцати. Невысокий скакун с благородно посаженной головой явно происходил от лучших лошадей кочевников. Она ехала верхом, чего никогда бы себе не позволили благородные гернийские девушки, вот почему я сразу решил, что в ее жилах течет смешанная кровь. К тому же об этом говорил и ее наряд. Вообще-то, смешанные браки не такая уж редкость, поскольку гернийские солдаты часто выбирают себе жен среди жительниц равнин, но к полукровкам принято относиться с жалостью.

Впрочем, разведчики редко опускались так низко. Я с нескрываемым любопытством смотрел на девочку. Моя мать часто говорила, что полукровки омерзительны нашему доброму богу, и я с удивлением обнаружил, что такое неприятное слово относится к столь прелестному существу с высоким лбом и удивительными серыми глазами. На ней было надето несколько

¹ Пьютер – сплав олова и свинца. – Примеч. перев.

ярких пышных юбок – оранжевая, зеленая, желтая, – они прикрывали бока лошади и колени девочки, но оставляли открытыми икры и шиколотки, затянутые в мягкие сапожки из кожи антилопы с позвякивающими серебряными амулетами на шнурках. Между юбками и сапожками виднелись свободные белые штаны. Длинные каштановые волосы девочки были заплетены в десяток аккуратных косичек, которые, несмотря на головной убор, спадали ей на плечи. Ее белая блузка с широким воротом не имела рукавов, и поэтому все окружающие могли любоваться черным ожерельем на ее шее и множеством браслетов, украшавших оба ее предплечья от локтя до запястья. Девочка с гордостью демонстрировала богатство своей семьи. Открытые руки были загорелыми и мускулистыми, как у мальчишки. Она дерзко смотрела по сторонам, чем сильно отличалась от моих сестер – те редко поднимали глаза, когда оказывались в обществе.

Наши взоры встретились, и мы оценивающе оглядели друг друга. Вероятно, она никогда не видела сына-солдата дворянского происхождения, и я невольно расправил плечи, прекрасно понимая, что выделяюсь из толпы грязных оборванных мальчишек своими темно-зелеными штанами, чистой рубашкой и черными сапогами. Я был уже не настолько мал, чтобы внимание юной девушки мне не польстило. Наверное, это разозлило мальчишек, поскольку они уставились на меня, как голодные собаки на пухлого котенка.

Девочка и разведчик спешили у того самого здания, куда вошел мой отец. У мужчины был чистый звонкий голос, и мы все услышали, как он пообещал вернуться, как только доставит донесение командиру. Он дал девочке несколько монет и добавил, что она может сходить на рынок и купить сластей, свежего сока или ленты для волос, но попросил ее дальше не ходить.

– Хорошо, папа, – откликнулась она, и в ее голосе прозвучало нетерпение – ей хотелось поскорее оказаться на рынке.

Разведчик бросил взгляд в нашу сторону и нахмурился, но потом поспешно поднялся по ступенькам и скрылся в доме.

Его дочь осталась на улице одна.

Я знал, что мои сестры, оказавшись в таком положении, пришли бы в ужас. Мои родители никогда не оставляли ни Элиси, ни маленькую Ярил без взрослой спутницы. Быть может, отец не слишком ее любит, подумал я. Но когда девушка с улыбкой двинулась мимо нас к рыночной площади, которая находилась у ворот заставы, я увидел, что она нисколько не напугана и чувствует себя уверенно. У нее была легкая изящная походка, и она явно собиралась получить удовольствие от посещения рынка. Я не спускал с нее глаз.

– Вы только посмотрите на нее, – прошипел один из старших мальчишек своему приятелю.

Ворон понимающе ухмыльнулся.

– Прирученная кобылка. Видишь черную штуку у нее на шее? Пока она ее носит, амулеты не действуют.

Я недоуменно переводил взгляд с одного хитрого лица на другое.

– Какие амулеты? – не выдержал я.

Только теперь Ворон соизволил меня заметить.

– Маленькие звенящие серебряные штуки, вплетенные в волосы, которые должны ее защищать. Магия равнин. Но кто-то ее укротил. Надень железный ошейник на шею женщине равнин, и она не сможет применить против тебя свои амулеты. Она вполне созрела, эта кобылка, можно брать.

– Что брать? – дерзко спросил я.

Я не видел никакой кобылки. Слова Ворона меня смущали, и я хотел получить объяснение. Тогда я еще не знал, что моя дерзкая самоуверенность, обусловленная чувством превосходства над этими мальчишками, сыновьями простых солдат, вызывает жуткую злость. Ворон громко расхохотался, а потом серьезно сказал:

– Ну, выбирать ей друзей, конечно. Ты ведь видел, как она на тебя посмотрела? Она мечтает стать твоим другом. А ты хочешь, чтобы она подружилась с нами, поскольку мы ведь твои друзья, верно? Почему бы тебе не подойти к ней, не взять за руку и не привести к нам?

Голос Ворона был сладок, точно патока, но за вкрадчивыми словами мне явственно послышался вызов. Парень жестом показал остальным мальчишкам, чтобы они отошли в сторону, и те тут же скрылись в глубине переулка между домами. Мой взгляд задержался на лице Ворона. Его щеки покрывал легкий пушок, в уголках губ собралась грязь. А еще я заметил, что он криво подстрижен и одежда его покрыта пылью. Но Ворон был старше меня, и он играл с ножом, поэтому мне хотелось увидеть уважение в его глазах.

Девушка шла, словно газель, устремившаяся к воде. Она торопилась попасть на рынок, но следила за тем, что происходит вокруг. Она не смотрела на нас, однако я знал, что девушка нас видит. Наверное, она понимала, что мы говорили о ней. Я выскочил из переулка, надеясь ее перехватить, а когда она взглянула на меня, улыбнулся. Девушка улыбнулась в ответ. Этого оказалось достаточно. Я быстро подошел к ней, и она остановилась.

– Привет. Мои друзья хотят познакомиться с вами. – Ничего лучше я придумать не смог. Тогда я не знал, что заманиваю ее в отвратительную ловушку.

Мне кажется, она это поняла. Ее взгляд скользнул в сторону мальчишек, прячущихся в переулке, а затем она снова посмотрела на меня. Надеюсь, она догадалась, что я не виновен в злом умысле. Девушка вновь улыбнулась, но ее слова прозвучали холодно.

– Я не уверена, что тоже этого хочу. А сейчас мне нужно на рынок. До встречи. – У нее был чистый голос без акцента, и она хотела, чтобы ее услышали мои приятели.

Они и в самом деле всё слышали, а затем и увидели, как она решительно зашагала прочь. Один из мальчишек пронзительно засвистел, после чего Ворон презрительно рассмеялся. Я этого не мог перенести. Бегом догнав девочку, я схватил ее за руку.

– Пожалуйста! Подойдем к ним, скажите моим друзьям всего пару слов.

Она совершенно не испугалась и даже не стала вырывать руку. Доброжелательно посмотрев на меня, она проговорила:

– Ты милый мальчуган, не так ли? Почему бы тебе не сходить со мной на рынок?

Ее приглашение показалось мне более привлекательным, чем компания мальчишек. К тому же я любил ходить на рынок ничуть не меньше, чем мои сестры. Экзотические товары, удивительные безделушки так и просились в руки. А еще я обожал кушанья, которые продавались на рынке; мне нравилась пища людей равнин: пряная сдоба с зернами терна, сладкие и одновременно перченые мясные палочки, маленькие краюшки соленого хлеба с кусочками каррада внутри. Я посмотрел в серые глаза юной девушки и почувствовал, что киваю и улыбаюсь. Я моментально забыл о мальчишках и их игре в ножи. И о том, что мной будет доволен не только Парт, но и отец, если узнает о моем походе на рынок с девочкой-полукровкой.

Однако мы не успели пройти и пяти шагов, как нас окружили мальчишки. Они улыбались, но мне показалось, что мы находимся посреди голодной волчьей стаи. Перед нами, заставив остановиться, возник Ворон. К нему присоединился Карки, успевший перевязать ногу грязной тряпкой. Пальцы девочки дрогнули в моей руке, и я с неожиданной ясностью понял, что ей страшно. Моя наивная самоуверенность заставила меня сделать шаг вперед и с важным видом заявить:

– Пожалуйста, отойдите в сторону. Мы идем на рынок.

Ворон ухмыльнулся:

– Нет, вы только его послушайте! Мы не стоим на вашем пути, сын полковника. Мы здесь для того, чтобы проводить вас. Есть короткий путь на рынок. Мы его покажем. Вон там, через переулок.

– Но вон же рынок, его даже видно! – глупо запротестовал я.

Девочка попыталась высвободить руку, но я ее не отпускал. Неожиданно я сообразил, в чем состоит мой долг. Джентльмен всегда защищает женщин и детей. Я инстинктивно догадался, что мальчишки хотят причинить ей вред. Будучи невинным, как младенец, я не мог даже предположить, что они задумали, в противном же случае я испугался бы куда сильнее. Так или иначе, но я был полон решимости охранять девочку.

– Уйдите с дороги, – приказал я.

Но они плотнее сомкнулись вокруг нас, и мы оба невольно отступили на шаг. Они подошли еще ближе, и мы вновь отступили. Нас оттесняли к переулку – так действуют собаки, заставляя овец двигаться в нужном направлении. Я посмотрел через плечо на мальчишек у меня за спиной, и Карки омерзительно засмеялся. И тогда девочка остановилась и аккуратно высвободила руку, которую я по-прежнему сжимал в своей ладони. Парни приблизились еще на шаг. Они вдруг показались мне гораздо выше и страшнее, чем когда я наблюдал за их игрой. Я уловил запах дешевой пищи и немых тел и быстро огляделся по сторонам, рассчитывая увидеть взрослых, которые могли бы прийти к нам на помощь, но солнце жарило вовсю, и эта часть улицы была пустынной. Люди либо сидели по домам, где было чуть более прохладно, либо толпились на рынке. Немного дальше, возле входа в таверну болтали между собой солдаты. Даже если бы я закричал, взывая о помощи, едва ли кто-нибудь из них обратил бы на нас внимание. Мы находились рядом с переулком, и я понимал, что еще немного – и нас затащат туда, а тогда уж нам никто не поможет. Собрав волю в кулак, я обратился к мальчишкам:

– Мой отец будет очень недоволен, если узнает, что вы не давали нам пройти.

Карки оскалился:

– Твой отец не найдет твоего тела, офицерский щенок.

Меня никогда так не обзывали, и никто мне не угрожал с такой злобой. Мой отец всегда утверждал, что солдаты любят и уважают хороших офицеров. И я считал, что все солдаты к офицерам относятся с почтением. Ненависть мальчишек меня поразила.

Однако девочка сохраняла присутствие духа.

– Я не хочу никому причинять вред, – негромко проговорила она.

Она старалась говорить спокойно, но ее голос слегка дрогнул.

Ворон рассмеялся:

– Неужели ты думаешь, что мы ничего не знаем, кобылка? Ты в ошейнике. Ты укрощена железом. Ты не можешь сделать больше, чем обычная женщина. Ну а если ты немножко покричишь или даже будешь лягаться, никого из нас это не напугает.

Должно быть, он подал своим друзьям какой-то сигнал. А возможно, подобно стае птиц или своре диких псов, парни действовали, повинаясь инстинкту. Двое младших в этой компании мальчишек – даже они были старше и крупнее, чем я, – схватили меня и с криками потащили к узкому проходу между домами. Ворон и Карки бросились на девочку. Я успел увидеть, как их грязные пальцы вцепились в ее белую блузку. В одно мгновение они подняли юную дочь разведчика и поволокли за мной. Остальные мальчишки, возбужденно смеясь и блестя глазами, толпой следовали за нами. На секунду девочка стала похожа на хрупкую испуганную птицу, а потом ею овладела ярость. Пока меня тащили все дальше, она резким движением высвободила одну руку. Я увидел, как ее изящные пальцы нарисовали в воздухе непонятный знак. Движение напомнило мне короткое заклинание, которое использовал отец, когда, седлая лошадь, застегивал подпругу. Но сейчас я стал свидетелем чего-то иного – куда более древнего и могущественного.

Магию описать трудно. Не было ни вспышки молнии, ни зеленых искр, ни даже удара грома, о чем непременно упоминается в старых гернийских легендах. Девочка лишь сделала едва уловимое движение пальцами. Нет, я не могу его описать или повторить, но тем не менее какая-то древняя часть моей души узнала это заклинание. И хотя девочка направляла свою магию против Ворона и его дружков, меня тоже задело. Все мои мышцы сократились, и на

один страшный миг мне показалось, что я утратил контроль над кишечником. Я извивался в руках своих врагов, и если бы не потерял самообладания, то легко вырвался бы на свободу, поскольку они дергались так, словно их кололи иголками.

Двоим парням, державшим девочку, пришлось гораздо хуже. В то время я еще не видел, как люди бьются в судорогах, и только спустя годы понял, что же на самом деле произошло. Оба потеряли контроль над своими телами, а затем Ворона и Карки в буквальном смысле отбросило от девочки, и они упали на землю в нескольких футах от нее, взметнув тучу пыли. Один из младших мальчиков, судя по внешнему сходству, брат Ворона Дарда, завопил от ужаса и бросился в сторону таверны.

Она пошатнулась, когда руки мальчишек резко разжались, и едва не упала на колени, но тут же выпрямилась и поправила блузку, которую нападавшие успели стащить с ее плеч, частично обнажив маленькую грудь. Приведя себя в приличный вид, девочка сделала несколько быстрых шагов вперед.

– Отпустите его! – сквозь стиснутые зубы приказала она двум юным оборванцам, по-прежнему удерживающим меня.

Ее голос прозвучал негромко, но угрожающе.

– Но... твой железный ошейник! – изумленно воскликнул один из мальчишек.

Он смотрел на нее, разинув рот, с испуганным и оскорбленным видом, словно она нарушила правила игры. Второй отпустил меня, и вся ватага бросилась бежать, завывая точно стая собак, которым крепко досталось, хотя я не сомневался, что никто из них не пострадал. Она ничего не ответила бессовестному мальчишке. Ее пальцы задвигались, и смельчак, задавший вопрос, не стал дожидаться, когда она закончит творить заклинание. Он, как и я, знал, что заклинания жителей равнин имеют ограниченную дальность действия. Он резко толкнул меня на девочку, повалив в пыль у ее ног, а сам помчался за своими друзьями. Карки уже исчез, скрывшись за углом в переулке. Пока Ворон поднимался на ноги, девочка помогла встать мне. Потом она повернулась к обидчику, словно намереваясь пожелать доброго дня, и сказала:

– Черная краска на бронзе, и никакого железа. Мой отец никогда не наденет железо на одну из нас. Он не приносит железо в наш дом.

Ворон медленно отступал от нас. Его лицо покраснело от злобы, в черных глазах сверкала ярость. Решив, что находится в безопасности, Ворон остановился и принялся обзывать девочку самыми отвратительными словами, какие только знал, – большинство из них я раньше даже не слышал. Напоследок он заявил:

– Твой отец опозорил себя, когда вставил свой член твоей матери. Уж лучше бы он проделал это с ослицей и произвел на свет мула. Вот кто ты есть – кобыла, лошачка. Мул. Помесь. Уродец. Ты можешь обрушить на нас свои гнусные чары, но наступит день, когда один из нас оседлает тебя. И прольется кровь. Ты еще заплатишься.

Ворон становился все смелее, – быть может, мой разинутый рот добавил ему уверенности. И тут разведчик, – совершенно бесшумно подошедший сзади к Ворону, схватил его за плечи. Одним стремительным движением он развернул мальчишку и тыльной стороной ладони ударил его по лицу. Он нанес удар, совершенно не сдерживаясь, похоже, даже не пытаясь сделать скидку на то, что перед ним подросток. Я услышал треск ломающихся костей и понял, что Ворон еще долго не произнесет ни одного бранного слова – до тех пор, пока у него не заживет челюсть. Казалось, этот звук послужил заклинанием, привлекающим любопытных, – люди срывались со своих мест в тени возле казарм и таверны и торопливо двигались к нам. Среди них я заметил Дарду, который за руку тащил Вева, своего отца. Тут же появился мой отец, яркий румянец гнева заливал его щеки.

Казалось, все заговорили одновременно. Девочка подбежала к отцу. Он обнял ее за плечи и, склонив к ней голову, негромко сказал:

– Мы уезжаем, Сил. Прямо сейчас.

– Но... Я так и не побывала на рынке! Папа, это была не моя вина!

Вев опустился на колени возле Ворона, затем посмотрел на разведчика и завопил:

– Проклятье, он сломал моему мальчику челюсть!

Из таверны выходили все новые люди, шурясь от яркого солнечного света, словно ночные животные, которых разбудили тревожные крики. Они злобно смотрели на разведчика, а потом с сочувствием на лежащего на земле мальчика.

– Невар, – резко обратился ко мне отец, – как ты оказался вовлечен в эту историю? И где Парт?

Парт, усы которого еще не успели просохнуть от пива, возник за спиной отца – он едва ли не последним вышел из таверны. Подозреваю, он распивал очередную кружку пива вместе с Вевом, когда тот выскочил из-за стола и бросился на улицу. Парт тут же закричал, заглушая остальных:

– Слава добрым богам! Вот мальчишка. Невар, немедленно иди сюда! Я тебя искал. Ты ведь знаешь, что нельзя убегать и прятаться от старого Парта. Форт – это не место для баловства.

Голос моего отца мог перекрыть шум битвы. Однако он не кричал. Все дело было в том, как он говорил.

– Можешь возносить хвалу, кому пожелаешь, Парт, но меня ты не обманешь. Ты больше на меня не работаешь. Забирай свое седло.

– Но, сэр, во всем виноват мальчишка! Он убежал, как только вы вошли в дом...

Парт смолк. Мой отец уже не обращал на него внимания. Впрочем, как и все остальные. Командир заставы спустился по ступенькам с крыльца и решительно направился к нам, а его помощник, старавшийся не отставать, что-то быстро ему говорил. Потом он вышел вперед, расчищая начальнику гарнизона дорогу в толпе зевак, и наконец они приблизились к нам. Следует отдать должное командиру – он выглядел совершенно спокойным, даже равнодушным.

– Что здесь происходит? – строго спросил он.

Все, кроме Вева, замолчали, а тот заявил:

– Он ударил моего мальчика и сломал ему челюсть, сэр! Это сделал разведчик! Подкрался к моему мальчику и ударил его!

– Разведчик Халлоран. Ты можешь объяснить свои действия?

Лицо Халлорана превратилось в маску. Во мне что-то сжалось, хотя я не смог бы объяснить, что означала такая перемена в лице. Разведчик ответил, тщательно подбирая слова:

– Сэр, он оскорблял мою дочь и угрожал ей.

Командир нахмурился.

– И все? – спросил он, дожидаясь более подробных объяснений.

Наступило долгое молчание. Я пришел в замешательство и поежился. Девочек нельзя оскорблять. Даже я это знал. И тогда я исполнил свой долг. Мой отец часто повторял, что мужчина обязан всегда говорить правду. Я откашлялся и проговорил:

– Они схватили ее за руки и попытались затащить в переулок. Потом Ворон назвал ее лошачкой, а после того, как она его отшвырнула, сказал, что оседлает ее. И прольется кровь.

Я повторил только те слова, что были мне знакомы, однако их взрослый смысл от меня ускользнул. Насколько я понял, он назвал девочку мулом. Мне было хорошо известно, что меня бы выпороли, если бы я осмелился обозвать так своих сестер. Ворон вел себя грубо, и его за это наказали. Я говорил громко и четко, а потом добавил больше для отца, чем для командира:

– Я пытался ее защитить. Ты говорил мне, что девочек бить нельзя. А они едва не сорвали с нее блузку.

Я замолчал, и вновь воцарилась тишина. Даже Вев прекратил свои жалобы, а Ворон стал стонать тише. Я огляделся по сторонам, все смотрели на меня. Меня поразило лицо отца, на котором гордость мешалась со смущением. Потом заговорил разведчик:

– Я бы сказал, в целом мальчик верно обрисовал то, что произошло, и я действовал в соответствии с обстоятельствами. Найдется ли среди вас отец, который сможет меня в чем-нибудь обвинить?

Никто не выступил в его защиту, все продолжали помалкивать, и тогда командир холодно заметил:

– Всего этого можно было бы избежать, если бы у тебя хватило здравого смысла оставить ее дома, Халлоран.

Похоже, слова начальника заставы позволили Веву вновь дать волю собственной злобе. Он вскочил на ноги, бросив мальчика, и тот жалобно вскрикнул. Вев приближался к разведчику, опустив руки и слегка согнув ноги в коленях, – все понимали, что он ждет малейшего повода, чтобы броситься на Халлорана.

– Это ты во всем виноват! – прорычал солдат. – Зачем ты привез девчонку в город и позволил ей гулять без присмотра, соблазняя парней? – Затем его голос поднялся до крика: – Ты разрушил жизнь моего мальчика! Его челюсть не срастется так, как положено, и он никогда не станет солдатом! И что ему тогда делать, скажите мне? Добрый бог объявил, что ему следует быть солдатом, – сыновья солдат всегда становятся солдатами. Но ты сломал ему жизнь из-за своей полукровки! – Кулаки Вева тряслись, словно безумный кукольник дергал за невидимые веревочки.

Я боялся, что дело вот-вот дойдет до драки. Люди опасливо подались назад, образуя круг. Разведчик бросил быстрый взгляд на командира. Потом мягко поставил дочь себе за спину. Я принялся в растерянности озираться по сторонам, но мой отец находился на противоположной стороне круга и даже не смотрел на меня. Он не сводил взгляда с командира, по-видимому ожидая от него какого-то приказа.

Однако командир молчал. Солдат набросился на разведчика, но тот уклонился и дважды быстро ударил Вева в лицо. Мне показалось, что солдат тут же упадет. Наверное, Халлоран подумал так же, но Вев нарочно прикинулся неуклюжим, чтобы разведчик расслабился. Халлоран совершил ошибку – солдат неожиданно развернулся и с силой саданул его под ребра. Разведчик потерял равновесие и повис на противнике, и тот успел нанести еще два удара. Оба получились сильными и точными. Девочка вскрикнула и закрыла лицо руками, когда глаза Халлорана закатились. Вев громко рассмеялся.

Он попался на собственную уловку. Разведчик и не собирался падать, больше того – внезапно он перешел в контратаку. Последовал молниеносный удар в лицо. Солдат пронзительно закричал. Халлоран сделал подсечку, и Вев упал в пыль. Несколько человек в толпе закричали и бросились вперед. Вев не смог сразу же подняться на ноги. Он с трудом повернулся на бок, прижимая руки к лицу. Между пальцев текла кровь. Солдат закашлялся.

– Стойте! – наконец вмешался командир.

Я не знал, почему он ждал так долго. Его лицо потемнело от прилившей к нему крови – никакой командир не захочет, чтобы подобные драки происходили у него на заставе. Конечно, Халлоран был всего лишь разведчиком, но еще сыном дворянина и офицером. Командиру не следовало разрешать простому солдату вроде Вева начинать драку. Откуда-то появились солдаты в форме. Я сообразил, что их привел помощник командира. Теперь, когда за его спиной появилась стена зеленых мундиров, начальник заставы отдал серию резких приказов:

– Окружите всех, кто здесь собрался. наших отведите в казармы. Пришлым следует покинуть город. Передайте часовым, чтобы их не пускали в течение трех дней. Сыновья должны следовать за своими отцами.

Я знал, что у командира было такое право. Наступит день, и сыновья солдат сами станут солдатами. И если он командовал отцами, то мог в случае необходимости отдавать приказы и сыновьям.

– Он ударил офицера, – негромко проговорил мой отец.

Он не смотрел ни на командира с разведчиком, ни на меня. Его взгляд был устремлен в пустоту. Отец произнес эти слова вслух, но оснований считать, будто они обращены к командиру, не было. Однако начальник заставы считал возможным их услышать.

– Эй, ты! – обратился он к Веву. – Собери вещи и своих щенков и покинь форт. Поскольку я человек милосердный, а последствия твоего проступка заденут твою жену и дочерей, я решаю показать сына лекарю, чтобы он вправил ему челюсть перед тем, как вы все покинете заставу. Но завтра к вечеру чтобы духу твоего здесь не было!

Толпа недовольно зароптала. Наказание было суровым. Другие поселения находились далеко, а это означало изгнание в засушливые равнины. Я сомневался, что у Вева имелся фургон или лошади. Солдата и всю его семью ждали серьезные лишения. Кто-то из его друзей подошел, чтобы помочь ему поднять сына. Они бросали злобные взгляды в сторону командира и разведчика, пока возились со стонущим Вороном, но молчали. Солдаты в зеленой форме выдвинулись вперед, чтобы никому не пришло в голову бунтовать. Толпа начала расходиться.

Разведчик молча стоял, положив руку на плечо дочери. От полученных ударов в живот его лицо слегка позеленело. И я не понимал, защищает ли он дочь или опирается на нее. Она рыдала, захлебываясь слезами. Я ее не винил. Если бы кто-нибудь так ударил моего отца, я бы тоже расплакался.

– Мы уезжаем домой, – успокаивающе сказал разведчик.

– Халлоран, – сурово проговорил командир.

– Сэр?

– Никогда больше не привози с собой дочь. Это приказ.

– Можно подумать, я собирался. – От досады разведчик даже забыл о субординации.

Однако опомнился, понизил голос и опустил глаза. – Сэр.

Только тогда я понял, как сильно Халлоран ненавидит командира. Но командир сделал вид, будто ничего не заметил, и я подумал, что он боится разведчика.

Больше ничего сказано не было. Для меня весь мир вдруг замер, и, погружившись в оцепенение, я пытался осмыслить то, чему стал свидетелем. Солдаты разгоняли толпу, сопровождая свои действия толчками и руганью. Мой отец молча стоял рядом с командиром. Они наблюдали за тем, как разведчик вместе с дочерью направляется к лошадям. Девочка перестала плакать. Теперь ее лицо сделалось спокойным, словно с него стерли все чувства, и если они и говорили между собой, то я ничего не услышал. Халлоран помог девочке сесть на лошадь, легко вскочил в седло сам, и они поехали прочь. Я долго смотрел им вслед. Когда я перевел взгляд на отца, то заметил, что возле переулка остались только командир, отец и я.

– Подойди, Невар, – позвал отец, словно я был потерявшимся щенком, и я послушно приблизился к нему. Он положил мне руку на плечо и спросил: – Как ты ввязался в эту историю?

Мне и в голову не приходило солгать ему. Я подробно рассказал все с той самой минуты, как Парт оставил меня на улице, и до появления отца. Взрослые молча выслушали меня. Когда я повторил угрозу Карки о том, что отец никогда не найдет мое тело, глаза полковника Бурвиля сверкнули. Он посмотрел на командира заставы, и тот заметно побледнел. Когда я закончил свой рассказ, отец покачал головой.

Я встревожился:

– Отец, я что-нибудь сделал не так?

Командир ответил прежде, чем успел заговорить отец.

– Взяв с собой дочь-полукровку, Халлоран привез в форт беду. Но, Кефт, пусть твой сын не беспокоится из-за нее. Если бы я знал, что Вев такой наглый негодяй, я бы не позволил ему и его семье поселиться на моей заставе. Сожалею, что твой сын видел и слышал все это.

– Я тоже, – мрачно согласился отец.

Слова командира его не удовлетворили.

– В конце месяца, – торопливо добавил командир, – я пришлю человека, который заполнит бумаги о закупке овечьих шкур. У вас не будет конкурентов, и вы получите заказ. Имея дело с вами, я знаю, что вступаю в сделку с честным человеком. Искренность вашего сына тому гарантия. – Казалось, для командира было важно заслужить уважение моего отца.

– Вы делаете мне честь, сэръ, – с некоторой неохотой ответил отец и едва заметно поклонился, принимая комплимент.

Они попрощались. Мы направились к нашим лошадям. Парт стоял неподалеку, седло лежало у его ног, лицо выражало отчаяние. Мой отец даже не взглянул в его сторону. Он помог мне сесть в седло, поскольку лошадь была для меня высоковата, привязал к луке своего седла поводья коня, на котором раньше ехал Парт, и мы молча тронулись в путь. Когда мы миновали часовых у ворот, я с грустью посмотрел в сторону прилавков на рыночной площади. Мне так хотелось побродить между ними с хорошенькой дочерью разведчика! Однако мы не остановились даже для того, чтобы поесть, и я понимал, что сейчас не стоит жаловаться. В наших седельных сумках лежали бутерброды с мясом и фляжки с водой. Солдат всегда должен о себе заботиться сам. Тут у меня возник вопрос.

– Почему Ворон назвал дочь разведчика лошачкой?

Отец не смотрел в мою сторону.

– Потому что она полукровка, сын. В ее жилах течет кровь жителей равнин и гернийцев, а таких полукровок всюду не любят. Так мул – помесь лошади и осла – не является ни лошастью, ни ослом.

– Она сотворила заклинание.

– Да, ты говорил.

Его тон показывал, что отец не хочет обсуждать со мной эту тему. Я почувствовал смущение, но не удержался от следующего вопроса:

– Я поступил неправильно?

– Тебе не следовало отходить от Парта. Тогда бы ничего не произошло.

Я немного подумал. Слова отца показались мне несправедливыми.

– Если бы меня там не было, они бы не послали меня к девочке. Но мне кажется, что они все равно попытались бы заманить ее в переулок.

– Весьма возможно, – неохотно согласился отец. – Однако в этом случае ты не оказался бы свидетелем этих событий.

– Но... – я попытался довести свою мысль до конца, – если бы меня там не было, девочка пострадала бы. А это очень плохо. – Верно, – согласился отец, и некоторое время тишину нарушал лишь цокот копыт наших лошадей.

Наконец отец остановил своего скакуна, и я последовал его примеру. Он вздохнул, облизнул губы – я видел, что он колеблется. Я молча смотрел ему в глаза. Еще раз глубоко вздохнув, он заговорил:

– Ты не сделал ничего постыдного, Невар. Ты защищал женщину и сказал правду. Я ценю оба этих поступка. После того как ты стал свидетелем происходящего, ты не мог поступить иначе. Однако твои слова поставили командира заставы в трудное положение. Было бы лучше, если бы ты остался с Партом.

– Но тогда девочка пострадала бы.

– Вполне вероятно. – В голосе отца появилось напряжение. – Но она пострадала бы не по твоей вине, и нас бы это не касалось. Скорее всего, никто не поставил бы под сомнение право ее отца наказать обидчика. А так разведчик сломал челюсть сыну солдата только за то, что тот угрожал его дочери, и столь жестокое наказание вызвало у людей недовольство. Хент не самый сильный командир. Он просит у своих людей разрешения вести их, вместо того чтобы требовать повиновения. Из-за того что ты вступился за девочку, а потом дал показания, командиру пришлось принимать решение. Отца нахального мальчишки и его семью изгнали с заставы.

Простым солдатам это не понравилось. Они понимают, что нечто подобное может произойти с любым из них.

– Командир позволил солдату ударить разведчика, – сообразил я.

– Да. Он сделал это для того, чтобы у него появился повод наказать солдата вовсе не за оскорбление, которое нанес его сын дочери разведчика. Однако командиру не следует действовать так трусливо, и тем самым он совершил постыдный поступок. А я стал тому свидетелем, значит часть стыда и ответственности за его неумение разрешить сложную ситуацию перейдет на меня и на тебя. К сожалению, я ничего не мог поделать, поскольку командир он. Если бы я поставил под сомнение его решение, то мог пошатнуть его авторитет. Офицеры не должны так поступать друг с другом.

– Но тогда... а достойно ли вел себя разведчик Халлоран? – Мне очень хотелось понять, кто в этой истории был прав.

– Нет. – Тут у отца не было ни малейших сомнений. – Поскольку он повел себя недостойно еще в тот день, когда выбрал себе жену из жительниц равнин. А потом совершил глупую ошибку, взяв дочь на заставу. Сын солдата отреагировал на появление полукровки самым естественным образом. Щеголяя яркими юбками и обнаженными руками, она всем продемонстрировала свое происхождение. Для мальчишек это стало своеобразным сигналом. Они знали, что она не сможет стать достойной женой гернийца, более того, и большинство жителей равнин не будут иметь с ней дело. Рано или поздно она попадет в солдатский бордель. Вот почему эти мальчишки так себя вели.

– Но...

Отец тронул поводья своего коня. Мы поехали дальше.

– Пожалуй, став участником сегодняшних событий, ты получил хороший урок. Мы больше не будем об этом говорить, и ты не станешь ничего рассказывать матери или сестрам. До заката нам предстоит проделать большой путь. И я хочу, чтобы, вернувшись домой, ты написал длинное сочинение о долге сына подчиняться отцу. Я считаю, это будет достойным завершением, ты согласен со мной?

– Да, сэръ, – тихо ответил я.

Глава 2

Предвестник

Мне исполнилось двенадцать лет, когда посланец принес первое сообщение о наступающей с востока чуме.

Как ни странно, тогда это известие не произвело на меня особого впечатления. Тот год не слишком отличался от всех прочих. Ранним утром мы с сержантом Дюрилом, моим наставником в искусстве верховой езды, как всегда, отправились на тренировку. У моего отца был мерин по кличке Гордец, которым он ужасно гордился. Тем летом мне впервые разрешили на него сесть. Гордец был прекрасным скакуном каваллы, его не нужно было обучать боевым ударам копыт или выезде, но я сам еще мало что умел и учился у лошади не меньше, чем у сержанта Дюрила. Любые ошибки, которые мы совершали, делались по моей вине. Всадник должен составлять единое целое со своим скакуном, предвидеть каждое его движение, ему не следует слишком приникать к шее или, наоборот, отклоняться в сторону.

Но в тот день не было ни прыжков, ни атакующих ударов. Я должен был расседлать Гордеца и снять с него сбрую, а затем продемонстрировать, что способен взобраться на него и скакать без седла и уздечки.

Конь был высоким и стройным, с прямыми ногами, похожими на железные прутья. Когда Гордец пускался галопом, казалось, будто он летит. Несмотря на его терпение и добрый нрав, мне было очень трудно взбираться на него с земли – попросту не хватало роста, – но Дюрил настаивал, что мне необходимо овладеть этим искусством. Раз за разом я повторял свои попытки.

– Кавалерист должен уметь скакать на любой лошади при любых обстоятельствах, в противном случае ему придется признать, что у него сердце пехотинца. Неужели ты хочешь спуститься с холма и сказать отцу о своем намерении записаться в пехоту, вместо того чтобы служить в кавалле? В таком случае я лучше останусь здесь, поскольку не хочу быть свидетелем того, что он с тобой сделает.

Подобным образом Дюрил изводил меня постоянно, и я льстил себе, полагая, что переносу его издевательства лучше, чем большинство парней моего возраста. Он появился у двери нашего дома около трех лет назад, рассчитывая получить работу – ему пришлось по возрасту выйти в отставку, и мой отец охотно принял к себе бывшего подчиненного. Сержант Дюрил достойно отслужил в армии и считал, что для него только естественно жить на земле лорда Бурвиля и служить ему так, как он прежде служил полковнику Бурвилю. Мне кажется, он получал удовольствие, обучая меня, второго сына своего бывшего командира, сына-солдата, которому предстояло пойти по стопам отца и стать офицером.

Сержант был высохшим маленьким человечком со смуглым и подвижным морщинистым лицом. Он ходил в немного потрепанной, но удобной одежде – по ней сразу было заметно, что ее хозяин большую часть времени проводит в седле, даже после стирки она имела цвет дорожной пыли. Он неизменно носил кожаную шляпу с обвисшими полями, украшенную стеклянными бусинками и клыками диких зверей. Светлые глаза моего наставника пристально смотрели на мир из-под ее полей. В его каштановых волосах виднелись седые пряди. От одного уха у старого сержанта осталась лишь половина да уродливый шрам. В виде компенсации он постоянно носил ухо кидона в кошельке на поясе. Я видел его всего один раз, но не сомневался, что это именно ухо.

– Я взял его за то, что он попытался забрать мое. Варварский поступок, но в то время я был еще слишком молод. Кровь текла по шее, и я не совладал с гневом. Поздно вечером, когда сражение закончилось, я посмотрел на дело своих рук, и мне стало стыдно. Однако было уже

слишком поздно, и я не смог его выбросить. С тех пор я ношу его с собой, дабы помнить о том, что война может сделать с молодым человеком, – сказал он мне. – И я поведал тебе эту историю не для того, чтобы ты поделился со своей маленькой сестричкой, а та со своей леди мамочкой, которая непременно пожалуется полковнику, что я учу тебя дикости.

Я хочу, чтобы ты подумал над моими словами. Прежде чем учить жителей равнин цивилизованному образу жизни, следует сначала показать им, что мы способны победить их в бою, причем не опускаясь до их уровня. Но когда человек сражается не на жизнь, а на смерть, об этом трудно помнить. В особенности если ты молод и тебя окружают одни дикари. Большинство наших парней были добрыми и честными, когда покидали дом, но со временем стали такими же жестокими, как жители равнин. Многие из них так и не вернулись домой. И не только те, кто погиб в сражениях, но и те, кто уже не имел больше права считать себя цивилизованными людьми. Они остались там, женились на женщинах равнин и стали частью того мира, который мы пытаемся укротить. Помни об этом, молодой Невар. Не забывай о том, кто ты есть, когда вырастешь и станешь офицером, как полковник.

Иногда он вел себя так, словно я был его собственным сыном, рассказывал истории из солдатской жизни, делился неприятной мудростью о том, как выжить на войне. Но гораздо чаще он обращался со мной как с новичком-рекрутом или глупым псом. Однако я никогда не сомневался, что он меня любит. У сержанта было три сына. Он вырастил их и отправил служить и только после этого пришел наниматься к моему отцу. Как это часто бывает с простыми солдатами, он потерял с ними связь – за год он мог не получить весточки ни от одного из них. И его это не тревожило, ибо ничего другого он и не ждал. Сыновья обычных солдат становились солдатами. Так говорится в Писании: «Пусть каждый сын идет по стопам отца своего».

Конечно, со мной дело обстояло иначе. Я был сыном аристократа. «А тем, кто преклоняет колени только перед королем, следует иметь много сыновей. Первый будет наследником, второй пусть носит меч, третий станет священником, четвертый озаботится прекрасным, пятый умножает знания...» – и так далее. Я так и не заучил эту цитату до конца. У меня было свое место в этом мире, и я его знал. Я второй сын, рожденный «носить меч» и вести людей в бой.

В тот день я сбился со счета и уже не знал, сколько раз взбирался на спину Гордеца и ездил на нем по кругу без седла и упряжи. Перед каждым кругом мне полагалось оседлать и взнуздать коня, а потом расседлать и снять с него сбрую. Спина и плечи у меня болели от тяжелого седла, которое я то снимал, то вваливал на спину мерина, пальцы почти онемели от повторения заклинания «Держись крепко» над подпругой. Я в очередной раз боролся с упряжью, когда сержант Дюрил неожиданно приказал:

– Следуй за мной!

С этими словами он пришпорил своего коня и поскакал вперед.

У меня не оставалось дыхания даже для того, чтобы выругаться себе под нос, но я поспешно закончил возиться с подпругой и, торопливо сказав: «Держись крепко», вскочил в седло.

Те, кто не скакал верхом по равнинам центральных графств, могут рассказывать о том, какие они плоские и однообразные и как бесконечно они тянутся. Быть может, они кажутся таковыми пассажирам небольших суденышек, что движутся по водным артериям, разделяющим и объединяющим равнины. Я вырос в центральном графстве и хорошо знал, насколько обманчивы здешние плавные подъемы и спуски. Для сержанта Дюрила это тоже не являлось секретом. Мирные овраги и расселины вдруг разевали свои жадные пасти, готовые поглотить неосмотрительного всадника. Даже небольшие ложбины часто оказывались настолько глубокими, что могли скрыть коня вместе со всадником или бегущего оленя. То, что неопытный глаз принимал за обычный кустарник, оказывалось зарослями серповидных ягод, практически непроходимыми для лошади.

Внешность обманчива, часто повторял сержант. Он нередко рассказывал мне о том, как люди равнин использовали подобные особенности местности для устройства ловушек и засад. Они обучают лошадей ложиться на землю, и орда ревущих воинов возникает словно бы из-под земли, атакуя ничего не подозревающих кавалеристов, которые, не видя опасности, растянулись в цепочку. Вот и сейчас, даже сидя на рослом Гордеце, я уже не видел сержанта Дюрила и его коня.

Степные просторы казались пустынными. В Широкой Долине почти нет деревьев – если не считать тех, что посадил отец. Деревца, которым удавалось вырасти самостоятельно, обычно располагались возле родников, иногда пересохших, а порой еще дающих воду. Но по большей части растительность в наших краях представляла собой всевозможные кустарники, украшенные скудной листвой пыльного серо-зеленого цвета. Они удерживали воду в кожистых листьях или покрытых колючками ветвях. Я не стал торопиться, внимательно оглядев линию горизонта, но так и не увидел сержанта. Остались лишь едва различимые на твердой почве следы копыт Хруща. И я поехал по ним.

Мне приходилось наклоняться к самой шее Гордеца, чтобы не потерять след, при этом меня раздражала гордость, что я так здорово справляюсь с задачей. Все это длилось до тех пор, пока мне в спину – весьма больно – не ударил камень. Я выпрямился, потирая ушибленное место – наверняка там появится новый синяк. Дюрил возник у меня из-за спины, держа в руках пращу.

– Ты мертв. Мы описали круг. А ты был настолько поглощен изучением следов, юный Невар, что перестал смотреть по сторонам. Этот камень вполне мог быть стрелой.

Я устало кивнул. Спорить было бесполезно. Бесполезно возражать, что, когда я вырасту, меня будет окружать отряд всадников и кому-то из них я поручу нести дозор, пока другие отыскивают след. Нет. Лучше уж смириться с синяком и молча кивнуть, чем часами выслушивать наставления.

– В следующий раз я не забуду, – пообещал я.

– Хорошо. Но хорошо только потому, что я метнул маленький камешек и у тебя *будет* следующий раз. А со стрелой следующего раза не жди. Поехали. Только прежде подними камень.

Он пришпорил Хруща и вновь ускакал прочь. Я спрыгнул на землю и довольно быстро отыскал камень. С тех пор как мне исполнилось девять лет, Дюрил «убивал» меня по нескольку раз в месяц. Поначалу я сам решил подбирать камни – наверное, слишком близко к сердцу принимал факт своей «смерти», мне даже казалось, что, если бы Дюрил был по-настоящему злым, моя жизнь действительно бы оборвалась. Когда Дюрил понял, что я делаю, он стал подыскивать для пращи снаряды поинтереснее. На сей раз это был отполированный временем кусочек красной яшмы размером с половинку яйца, который он нашел на берегу реки. Я засунул камень в карман, чтобы добавить его к коллекции на полке в классной комнате. Потом вскочил в седло и поскакал за Хрущом.

Вскоре я его догнал, и мы остановились на невысоком холме, откуда открывался вид на Тефу, лениво несущую свои воды. Перед нами расстилались поля хлопчатника, принадлежащие моему отцу. Их было четыре, но каждый год одно из них оставляли под паром. Я мог без труда отличить поле, засеянное третий раз подряд – на истощенной земле растения были чахлыми и низкорослыми. У нас в степях редко собирали хороший урожай на третий год. Следующим летом это поле оставят под паром – в надежде, что его плодородие восстановится.

Свои владения, Широкою Долину, мой отец получил в дар от короля Тровена. На многие акры простирались они по обоим берегам Тефы. Земли на северном берегу предназначались для нашей семьи и ближайших слуг. Здесь отец построил большой и удобный дом, разбил фруктовые сады, выделил место под поля хлопчатника и пастбища. Наступит день, и поместье

Бурвиль станет известно всей Гернии, его будут называть «владения старого Бурвиля». Однако дом, земли и даже деревья были моложе меня.

Моему отцу недостаточно было иметь хорошее поместье и ухоженные поля. На южном берегу реки он щедро выделил земли вассалам, которых выбирал из числа воинов, служивших прежде под его началом. Город стал настоящим раем для вышедших в отставку рядовых солдат и сержантов. Отец хотел, чтобы и в дальнейшем этот порядок вещей сохранялся. Без Приюта Бурвиля, или просто Бурвиля, как его нередко называли, многие старые солдаты вернулись бы в города на западе страны, где большинство из них были бы вынуждены вести нищенское существование. Отец часто сожалел о том, что в Гернии отсутствует система, которая позволяла бы использовать навыки и умения постаревших или получивших серьезные ранения солдат. Рожденный быть офицером, отец принял от короля мантию лорда, но носил ее как военный. Он по-прежнему считал себя ответственным за благополучие своих людей.

Приют Бурвиля имел идеально ровные границы и больше напоминал крепость. Пристань и маленький паром, ходивший между южным и северным берегами, работали строго по часам. Даже функционировал с военной четкостью, открываясь на восходе и закрываясь на закате шесть дней в неделю, рынок. Улицы были построены так, чтобы два фургона могли свободно разъехаться, а карета – повернуть на любом перекрестке. Прямые дороги, подобно спицам колеса, вели от поселения к тщательно отмеренным наделам земли, которые получал каждый вассал, трудившийся четыре дня в неделю на полях отца.

Поселение процветало, и никто не сомневался, что вскоре оно превратится в город, поскольку его жители получали немалую прибыль от торговли, процветавшей благодаря реке и хорошей дороге вдоль берега. Старые солдаты отца привезли с собой жен и детей. Сыновья, естественно, покидали селение, когда наступал их черед становиться солдатами. Однако дочери оставались дома, и моя мать заботилась о том, чтобы в городе постоянно появлялись молодые умелые ремесленники, желающие найти себе невесту, чье приданое включало в себя и надел земли. Приют Бурвиля рос на глазах.

Движение по реке между восточной границей и старым фортом Ренолкс на западе было довольно активным. Зимой, когда вода в Тефе поднималась, вниз по течению тянулись баржи, тяжело груженные древесиной, заготовленной в диких лесах востока. Позднее они возвращались обратно с товарами для фортов. Упряжки мулов, тянувших баржи, оставляли пыльный след на южном берегу. Летом, когда обмелевшая река становилась несудоходной, баржи заменяли фургоны, запряженные все теми же мулами. Наше поселение славилось своими честными тавернами и хорошим пивом, а потому возчики охотно у нас останавливались, чтобы переночевать.

Но сегодня движение на дороге было чересчур тоскливым. Медленно плетущиеся фургоны растянулись на полмили, и за ними вился шлейф пыли. Вооруженные всадники охраняли караван, и легкий ветерок, дувший со стороны реки, доносил до нас их крики и щелканье бичей.

Три или четыре раза за лето по дороге проходили такие вот большие караваны. Им не предлагали остановиться у нас. Даже охранникам каравана не разрешали переправляться на пароме в городок, которым так умело управлял отец. В нескольких часах пути от Приюта Бурвиля отец приказал построить шесть хижин, соорудить место для большого костра и протянуть желоба, чтобы поить лошадей. Отец не был жестоким человеком, но проявлял щедрость по своему.

Отец категорически запрещал моим сестрам глазеть на проходящие мимо караваны каторжников, поскольку среди преступников попадались насильники и извращенцы, не говоря уже о должниках, карманниках, шлюхах и мелких воришках. Его дочерям не следовало находиться рядом с подобным отребьем, но в тот день мы с сержантом Дюрилом почти час наблюдали за медленным продвижением каравана по пыльной дороге. Сержант даже не заикнулся о

том, что это отец велел ему показать мне, как выглядит вынужденное переселение на восток, но я подозревал, что дело обстояло именно так. Довольно скоро я стану кавалеристом, и мне придется встретиться с теми, кого король Тровен приговорил к поселению на самых дальних границах своих земель. Отец хотел, чтобы я отправился выполнять воинский долг, хотя бы немного представляя, с чем мне придется иметь дело.

Караван ссыльных еле полз в нашу сторону. Состоял он из двух больших фургонов, нагруженных съестными припасами и самым необходимым, что могло понадобиться в пути. За ними брела длинная колонна скованных между собой пленников, их охраняли кавалеристы. Последними в трех фургонах ехали жены и дети преступников. Когда порыв ветра доносил до нас звуки каравана, казалось, их издают животные, а не люди. Я знал, что преступники будут скованы днем и ночью до тех пор, пока не придут к месту нового поселения. Их держат на воде и хлебе, и им положено отдыхать только после шести дней изнурительного пути.

– Мне их жаль, – негромко проговорил я.

Жаркое солнце, позвякивание цепей и пыль; даже трудно поверить, как преступники не умирают за время долгого марша к восточным границам.

– В самом деле? – Сержант Дюрил презирал такое проявление мягкосердечия. – Мне гораздо больше жаль тех, кто остался в городах, – им предстоит до самой смерти жить в нищете. Взгляни на них, Невар. Добрый бог решает, что должен делать каждый человек. Но те, на кого ты сейчас смотришь, презрели свой долг и не пошли по стопам отцов. А король дал им второй шанс. Когда они покинули Старый Тарес, они были пленниками и преступниками. Ведь если бы их не поймали, то они так и жили бы, как жалкие крысы, а то бы и собственные дружки их прикончили.

Однако король Тровен отправил их на восток. Да, им предстоит пройти долгий и трудный путь, но там их ждет новая жизнь. К тому времени, когда эти ссыльные доберутся до границы, все они обретут выносливость, станут сильнее. Около года им предстоит работать на строительстве Королевского тракта, уходящего все дальше и дальше на восток, после чего они получат свободу и два акра земли. Не самая худшая награда за два года тяжелого труда. Король Тровен подарил им шанс стать лучше, он даст им землю и возможность жить честной жизнью, вернуться к профессии своих отцов. Их преступления будут забыты.

Тебе их жаль? А как насчет тех, кто отверг милость короля, кому отсекали руки, которыми они воровали, или тех, кого посадили вместе с женами и детьми в долговую тюрьму? Вот кого мне жаль – тех, кому не хватило ума принять королевскую милость. Нет. Я не жалею этих людей. Им предстоит трудный путь и суровые испытания, но эта дорога куда лучше той, что они сами выбрали для себя.

Я смотрел на скованных цепями мужчин и размышлял о том, насколько оправданным было их решение выбрать такую судьбу. А как насчет их жен и детей? Был ли выбор у них? Однако мои раздумья прервал Дюрил.

– Посланец! – с тревогой воскликнул он.

Я перевел взгляд на восток. Плавные изгибы Тефы были видны на много миль, а рядом с рекой повторяла каждый ее поворот дорога. По ней ехали кареты и фургоны, шли пешие путники. Обычно почту привозили в фургонах: с запада письма солдатам от их семей и любимых, с востока послания воинов, служащих на границе. Но крайне важные донесения с далеких застав и из столицы – Старого Тареса – доставляли курьеры короля Тровена. В обязанности отца как дворянина, получившего землю в дар, входило обеспечивать им смену лошадей и устраивать достойную встречу. Обычно после того, как курьеры передавали свои послания, их приглашали к нам в дом, поскольку отцу нравилось быть в курсе последних новостей с границы, и они всегда с радостью принимали его щедрое гостеприимство, ибо многодневная тяжелая скачка выматывала даже этих привыкших к суровой службе людей. Я рассчитывал,

что за ужином у нас будет интересная компания, а в таких случаях беседа всегда получалась оживленной.

По дороге вдоль реки галопом несся всадник, за ним легким облаком клубилась пыль. Лошадь явно устала, и наездник, очевидно, уже не раз использовал шпоры. Даже с такого расстояния я видел желтый развевающийся плащ, который означал, что всадник является королевским курьером и ему следует оказывать возможное содействие.

На почтовой станции уже заметили приближающегося гонца. Я услышал звон колокола, и тамошние служащие тут же принялись за работу. Один побежал в конюшню, откуда почти сразу же вывел длинноногую лошадь под легким курьерским седлом. Он держал свежего скакуна под уздцы, а его товарищ выскочил с фляжкой и пакетом еды для спешащего гонца. Следом за ним появился отдохнувший курьер в желтом плаще. Он встал возле своей лошади, дожидаясь, когда ему передадут пакет.

Мы смотрели, как курьер подъехал к станции, и тут события приняли совершенно непонятный характер. Курьер остановил своего коня только в тот миг, когда поравнялся со свежим скакуном. Его ноги даже не коснулись земли – а он уже сидел в седле свежей лошади. Что-то прокричав почтовым служащим, он наклонился вперед, схватил фляжку и пакет с едой и тут же прищпорил нового скакуна. Через мгновение он уже мчался по дороге мимо каравана ссыльных.

Скованные ссыльные и их охранники шарахались на обочину, когда курьер проносился мимо. Потом послышались злобные крики – несколько преступников, те, кому не хватило прыти увернуться, попали под копыта лошади одного из кавалеристов. Не обращая внимания на хаос у себя за спиной, курьер мчался вперед, и очень скоро мы могли различить лишь крошечную фигурку, удаляющуюся на запад. Я проводил его взглядом, а потом повернулся к почтовой станции. Конюх пытался увести оставленную курьером лошадь, но передние ноги животного неожиданно подкосились, и оно рухнуло в дорожную пыль. Бедный скакун так и остался лежать, слегка подрагивая длинными ногами.

– Он загнал коня, – мрачно заметил Дюрил. – Больше этому красавцу никогда не носить на себе курьеров. Хорошо, если несчастное животное выживет.

– Интересно, какое же сообщение он должен доставить, если загнал свою лошадь и не доверил пакет отдохнувшему курьеру?

Мое воображение уже рисовало самые разнообразные картины. Я представил себе атаки спеков на приграничные города Диких земель или новое восстание кидона...

– Королевские дела, – коротко ответил сержант Дюрил.

Мы увидели, как один из служащих, что-то сжимавший в руке, побежал к нашему дому. Отдельное сообщение для моего отца? Он знал почти всех командиров застав на восточной границе и был осведомлен обо всем, что там происходило, ничуть не хуже, чем сам король. Я увидел, как в глазах старого сержанта загорелось любопытство. Дюрил посмотрел на солнце и неожиданно заявил:

– Пришло время садиться за книги. Мы же не хотим, чтобы наставник Перо-и-Чернила косо смотрел на меня, верно?

Он развернул своего коня, и мы поскакали к дому.

Дом моего детства стоял на невысоком холме возле реки. В угоду матери отец посадил вокруг множество деревьев: тополя, дубы, березы и ольху. Благодаря близости к реке была создана весьма удачная система орошения, поэтому летом зеленые раскидистые кроны дарили нам благотворную тень и защищали дом от постоянных ветров. Так возник небольшой островок деревьев посреди бескрайней степи, очень ухоженный и привлекательный. Иногда мне казалось, что он слишком маленький и какой-то ненастоящий. В другое время он представлялся мне зеленой крепостью, возведенной для отдохновения посреди продуваемых всеми вет-

рами засушливых земель. Мы возвращались домой, и лошади ускорили бег, зная, что скоро получат воду и пищу в конюшне.

Как сержант Дюрил и предсказывал, мой учитель уже стоял перед домом и ждал нас. Руки наставника Риссела были сложены на тощей груди – он наивно полагал, что в такой позе имеет грозный вид.

– Надеюсь, он не слишком сильно накажет тебя за опоздание, юный Невар. Мне кажется, что он может быть весьма жестоким – такой большой и страшный, – презрительно бросил Дюрил, зная, что Риссел его не слышит.

Я постарался сохранять невозмутимость. Дюрил знал, что ему не следует насмехаться над моим учителем, честным, но совершенно физически неразвитым молодым ученым, который приехал из далекого Старого Тареса, чтобы учить меня письму, истории, арифметике и астрономии. И хотя Дюрил и не думал сдерживать свой язык, он всегда награждал меня подзатыльником, если я позволял себе смеяться над его едкими шутками. Поэтому я изо всех сил старался даже не улыбнуться. Я попрощался с сержантом Дюрилом, и он увел наших лошадей, небрежно махнув мне рукой.

Я ужасно хотел отыскать отца и узнать, какую новость принес курьер, но прекрасно понимал, что за любопытство буду наказан. Хороший солдат исполняет свой долг и ждет приказов командира, не позволяя себе строить предположения. Если я намерен когда-нибудь отдавать приказы другим людям, мне нужно научиться самому подчиняться. Вздохнув, я последовал за учителем в классную комнату. Науки показались мне в этот день особенно скучными. Я старался не отвлекаться, понимая, что полученные сейчас знания помогут мне в дальнейшем учиться в Королевской Академии.

Когда долгие занятия закончились и мой учитель наконец отпустил меня, я переоделся к обеду и направился вниз. Хотя мы жили далеко от городов и высшего общества, моя мать настаивала, чтобы мы соблюдали тонкости этикета, диктуемые высоким положением отца. Мои родители имели дворянское происхождение. И хотя, не будучи первенцами, они не могли претендовать на титул, их все же воспитали так, что они умели вести себя в соответствии с наградой, полученной отцом за верную службу королю. Лишь позднее я смог в полной мере оценить преимущество хороших манер, привитых мне стараниями матери, – именно они позволили мне чувствовать себя в Академии гораздо свободнее, нежели другие юноши из провинции.

Мы собрались в гостиной чуть раньше, чем появился отец. Затем он повел мать в столовую, и все дети последовали за ними. Я помог сесте младшей сестре Ярил, а Росс, мой старший брат, ухаживал за нашей старшей сестрой Элиси. Ванзи, третий сын, будущий священник – в то время ему было девять лет, – произнес за всех нас краткую молитву. Потом мать позвонила в маленький серебряный колокольчик, стоявший на столе рядом с ней, и слуги начали подавать.

Наша семья принадлежала к «новой аристократии», ибо король даровал отцу титул лорда за доблесть, проявленную в войнах с жителями равнин. В связи с этим у нас не было слуг, живущих в нашем доме из поколения в поколение. При этом мать боялась людей равнин, а отец не хотел, чтобы они терлись около его дочерей – в результате, в отличие от других новых аристократов, у нас не было прислуги из покоренных народов. Вместо этого отец предоставлял работу лучшим своим солдатам, вышедшим в отставку, их женам и дочерям. А это означало, что большинство слуг-мужчин были немолоды или увечны.

Мать предпочла бы нанять прислугу в западных городах, но в данном вопросе отец проявил настойчивость, поскольку считал, что обязан обеспечить своих людей, и самый простой способ это осуществить – поделиться с ними собственной удачей, ведь без них он не смог бы проявить ту доблесть, что привлекла благосклонное внимание короля. Моей матери ничего не оставалось, как склонить голову перед волей мужа и постараться обучить наших слуг так, чтобы они были достойны дома, в котором служат. Более того, она сама позаботилась о том,

чтобы найти подходящих мужей для солдатских дочерей, благодаря чему у нас появились двое молодых людей, способных умело прислуживать за столом, лакей для отца и дворецкой.

Мне удалось сдерживать любопытство почти до самого конца трапезы. Отец говорил с матерью о садах и урожае, а она с серьезным видом кивала. Потом она попросила разрешения послать в Старый Тарес за горничной для моих сестер, поскольку обе скоро превратятся в юных леди. Отец обещал подумать, но я заметил, с какой тревогой он посмотрел на дочерей, понимая, что Элиси – уже почти невесте – не помешает поработать над манерами поведения в обществе.

Как и всегда за вечерней трапезой, он спросил у каждого из детей о том, как они провели день. Росс, мой старший брат и наследник всех наших владений, ездил вместе с управляющим в деревню беджави, находившуюся на севере Широкой Долины, где отец разрешил поселиться остаткам этого кочевого племени. Когда отец позволил им поставить хижины на своей земле, нашими новыми соседями стали в основном женщины, дети и старики, слишком слабые и больные, чтобы участвовать в Войне Равнин. Сейчас те дети превратились в молодых мужчин и женщин, и лорд Бурвиль хотел, чтобы они имели возможность нормально существовать. Из областей, населенных спеками, приходили слухи о восстаниях кочевников, которым надоела оседлая жизнь. В планы отца не входило, чтобы подобные настроения охватили беджави, обосновавшихся в Широкой Долине. Недавно он подарил им небольшую отару молочных коз, и довольный Росс рассказал, что за животными хорошо ухаживают и они обеспечивают бывших охотников работой и пропитанием.

Следующей была моя сестра Элиси. Она научилась играть сложную пьесу на арфе и начала вышивать стихотворение на больших пяльцах. Кроме того, она отправила письмо сестрам Кесслер в Речную Излучину и пригласила их к нам на праздник летнего солнцестояния, планируя провести пикники, концерты и фейерверки, посвященные ее шестнадцатилетию. Отец согласился, что это будет превосходным праздником для Ярил, Элиси и их друзей.

Потом пришла моя очередь. Сначала я рассказал о занятиях с учителем, а потом о тренировке с Дюрилом. А в самом конце упомянул о курьере и осторожно добавил, что мне было бы интересно узнать причину такой спешки. Мои слова повисли в воздухе, и я заметил, что Росс и мать напряженно ждут ответа отца.

Отец неторопливо пригубил вино.

– На востоке, на одной из дальних застав, произошла вспышка неизвестной болезни. Геттис расположен у подножия Рубежных гор. Курьера отправили с просьбой прислать пополнение, ибо гарнизон заметно поредел, а также целителей, чтобы вылечить больных, похоронить мертвых и охранять кладбище.

Росс набрался смелости и заметил:

– Сообщение действительно важное, но мне кажется, не настолько, чтобы курьер не мог доверить его другому.

Отец бросил на Росса неодобрительный взгляд. Он явно полагал, что разговоры о страшных болезнях и смерти не самая лучшая тема для беседы в присутствии его юных дочерей и жены. Весьма вероятно, он считал, что это исключительно военный вопрос и его не следует обсуждать с нами, пока король Тровен не примет окончательного решения. Однако, к моему удивлению, отец все же ответил Россу.

– Старший лекарь в Геттисе человек суеверный. Он отправил отдельный отчет королеве, в котором, как обычно, распространяется о магии местного населения, и приказал, чтобы курьер лично передал послание ее величеству. Говорят, наша королева интересуется сверхъестественными явлениями и награждает тех, кто может рассказать ей нечто новое. Она обещала титул лорда тому, кто докажет, что существует жизнь после смерти.

Теперь отважилась заговорить мать, – как мне кажется, ее речь предназначалась исключительно моим сестрам.

– Леди не пристало интересоваться подобными вещами. И я не одинока в своем мнении. Я получила письма от сестры и леди Рохе, испытавших искреннее недоумение, когда королева настояла на их участии в сеансе вызова духов. Сестра полагает, что все это трюки так называемых медиумов, которые устраивают подобные представления, но леди Рохе написала, будто она стала свидетельницей невероятных и необъяснимых событий, однако в течение месяца ее преследовали кошмары. – Она перевела взгляд с Элиси, которая была должным образом шокирована, на Ярил, в чьих широко раскрытых голубых глазах загорелось любопытство. Для Ярил мать добавила: – Истинных леди часто считают взбалмошными и невежественными. И я была бы очень огорчена, если бы одна из моих дочерей начала интересоваться сверхъестественными явлениями. Если вы хотите изучать метафизику, то начать следует с Писания, ибо там есть все, что нужно знать о загробной жизни. Требовать доказательств ее существования значит проявлять дерзость и оскорблять доброго бога.

Слова матери произвели на Ярил впечатление. Она сидела с задумчивым выражением лица, пока мой младший брат Ванзи рассказывал, что он прочитал трудный отрывок из святых текстов, написанных на варнийском, а потом два часа провел в размышлениях. Когда отец спросил Ярил о том, как она провела день, она сообщила, что поймала трех бабочек для своей коллекции и сплела кружева для летней шали. Затем, не поднимая глаз от тарелки, она робко спросила:

– А зачем нужно охранять кладбище в Геттисе?

Отец нахмурился – Ярил вернулась к теме, которую он уже считал закрытой.

– Потому что спеки не уважают наших погребальных обычаев и осмеливаются осквернять могилы, – коротко ответил он.

Ярил тихонько охнула – не сомневаюсь, что только я это услышал. Ответ отца лишь раззадорил мое любопытство, но, поскольку он спросил у матери, как прошел ее день, стало ясно, что он не намерен обсуждать данную тему.

Обед подходил к концу, подали кофе и сласти. Спеки заинтересовали меня даже больше, чем таинственная чума. Никто из нас в то время не знал, что эта болезнь окажется не просто еще одной непродолжительной напастью, что она будет возвращаться на заставы каждое лето, постепенно все глубже и глубже проникая в западные районы страны.

В первый же год вспышки болезни чума спеков изменила мое отношение к приграничным землям. Я и раньше знал, что наши дальние заставы располагаются уже у подножия Рубежных гор. Кроме того, мне было известно, что строительство Королевского тракта, который должен был упереться в предгорье, продолжается, но ожидалось, что работы будут завершены только через четыре года.

С раннего детства я слышал легенды о таинственных и неуловимых спеках, пестрых людях, которые бывают счастливы только под сенью родного леса. Истории о них почти не отличались от сказок о феях и эльфах, столь любимых моими сестрами. Само название народа стало в нашем языке синонимом безалаберности: если про тебя говорили, что ты сделал дневную работу спека, это значило, что ты весь день бездельничал. Если наставнику казалось, будто я замечтался над книжкой, он спрашивал, не коснулись ли меня спеки. Я вырос с убеждением, что спеки безобидный и довольно глупый народ, обитающий в заросших густым лесом горах. Для меня, привыкшего к открытым пространствам степей, горы представлялись столь же удивительными и чудесными, как и сами спеки, обитавшие там.

Но тем летом мои представления о спеках изменились. Теперь они были связаны со страшной болезнью, чумой, которой можно заболеть, купив мех у торговца спека, или изящный веер, сплетенный из лиан, растущих в их лесах. Интересно, размышлял я, что они делают с нашими кладбищами, как оскверняют могилы. Теперь они казались мне не только неуловимыми, но и коварными. Их тайны стали зловещими, потеряли очарование, а образ жизни отныне виделся отвратительным, а не идиллическим. Болезнь, вызывавшая двухдневную лихо-

радку у ребенка спека, десятками уносила жизни молодых солдат, находившихся в расцвете сил.

И все же, хотя слухи о жутких смертях продолжали распространяться, нас все это не касалось. Истории, доходившие до нас, не слишком отличались от рассказов о суровых зимних бурях, которые иногда обрушивались на прибрежные города, расположенные на юге Гертнии. Мы не сомневались, что бури действительно случаются, но не испытывали настоящего страха. Мы знали, что все неприятности происходят только где-то очень далеко. Так же как и регулярные восстания среди покоренных людей равнин вспыхивают лишь на границах, где король, озабоченный поддержанием порядка, стремится оттеснить дикие племена подальше, чтобы принести в те края цивилизацию.

Нашим полям и стадам в Широкой Долине ничто не угрожало. Смерть от насилия, лишения и болезней считалась уделом солдат. Они поступали на службу, прекрасно понимая, что многие не доживут до отставки. А чума казалась новым врагом, с которым нашему народу необходимо вступить в схватку, но я не сомневался, что мы выйдем победителями в этой борьбе. И еще я знал, что сейчас должен учиться и тренироваться, не отвлекаясь на посторонние мысли. Проблемами, связанными с восстаниями людей равнин, чумой спеков или слухами о нашествии саранчи, следовало заниматься отцу, а не мне.

В последующие недели отец добился того, чтобы все разговоры о чуме прекратились, словно в обсуждении этой напасти было нечто непристойное или даже омерзительное. Однако его упорное молчание лишь еще больше усиливало мой интерес к запретной теме. Несколько раз Ярил пересказывала мне сплетни, принесенные ее подругами, истории о том, как спеки откапывают мертвых солдат, а потом устраивают дикие ритуалы, используя их тела. Поползли слухи о каннибализме и еще более чудовищных надругательствах. Несмотря на материнские запреты, мы с Ярил продолжали интересоваться спеками и их дикой магией. Иногда мы проходили в нашем тенистом саду целые вечера, пугая друг друга жуткими выдумками.

На следующее лето мне удалось частично удовлетворить свое любопытство, когда я подслушал разговор между отцом и моим старшим братом Россом. Мне было ужасно обидно, что меня исключили из общества мужчин. В то утро к нам наведалься разведчик и провел весь день с моим отцом. Я узнал, что наш гость, взяв отпуск после трех лет непрерывной службы, теперь намерен посвятить три положенных ему месяца путешествию по городам Запада. Разведчик Вакстон познакомился с моим отцом много лет назад, когда они вместе участвовали в кампании против кидона. Тогда они оба были молодыми людьми. Теперь отец стал аристократом и вышел в отставку, а старый разведчик продолжал оставаться на службе у короля.

Разведчики занимали особое место в королевской кавалле. Они были офицерами, не имея официального звания. Некоторые приходили в армию обычными солдатами, но благодаря выдающимся способностям получали офицерский чин. Другие, по слухам, являлись сыновьями дворян, покрывших себя позором, и им приходилось служить доброму богу рядовыми солдатами, отказавшись от своего имени. Разведчиков всегда окружал ореол романтики и приключений. Даже офицеры обращались с ними уважительно, а отец, как мне показалось, выказал Вакстону особое доверие, хотя и не посчитал его достойным обеда с женой, дочерьми и младшими сыновьями.

Седовласый старик заморозил меня, и я ужасно хотел послушать его рассказы, но лишь мой старший брат был приглашен разделить дневную трапезу с разведчиком Вакстоном и отцом. В середине дня удивительный гость покинул наш дом, и я с тоской посмотрел ему вслед. Его одежда была странной смесью армейской формы и облачения жителей равнин. Он носил шляпу офицера каваллы, хоть и устаревшего образца, и при этом яркий платок, который защищал его шею от солнца. Краем глаза я успел заметить проколотые уши и покрытые татуировкой пальцы. Быть может, он старался выглядеть как житель равнин, чтобы легче было втираться к ним в доверие и вызнавать их секреты.

Я знал, что он стал офицером, хотя начинал рядовым, что он не достоин общества моей матери и сестер, и все же надеялся как будущий офицер принять участие в предстоящей беседе. Однако мои надежды не оправдались. Спорить с отцом мне в голову не приходило, а вечером, во время обеда, он почти ничего не рассказал о разведчике, упомянув лишь, что Вакстон сейчас служит в Геттисе и что втереться в доверие к спекам гораздо труднее, чем к людям равнин.

Росс и отец перебрались после обеда в кабинет, намереваясь выпить бренди и выкурить по сигаре. Я все еще был слишком молод, чтобы к ним присоединиться, поэтому направился в сад, собираясь немного погулять. Проходя мимо высоких окон кабинета, по случаю теплого вечера распахнутых настееж, я услышал фразу отца:

– Если они потворствуют этим гнусным ритуалам, то заслуживают смерти. Все предельно просто, Росс, такова воля доброго бога.

Нескрываемое отвращение в его голосе заставило меня остановиться. Отца вполне удовлетворяла его жизнь: его устраивала полученная от короля земля и то, чем он занимался. Он пережил трудные времена, будучи сыном-солдатом и офицером каваллы, сумел стать одним из новых аристократов короля Тровена и достойно владел своим титулом. Я редко слышал, чтобы он говорил о чем-то с гневом, и еще реже он демонстрировал такое сильное отвращение. Я осторожно приблизился к самому окну и остановился около развевающихся занавесок. Мне не следовало подслушивать, но я не сумел совладать с любопытством. Теплый летний воздух был наполнен тихим стрекотом насекомых.

– Так ты думаешь, что слухи правдивы? И что чума распространяется из-за сексуальных связей с женщинами спеков?

Мой брат, отличавшийся спокойным нравом, явно был в ужасе. Я весь подобрался. В своем юном возрасте я имел крайне расплывчатое представление об интимной жизни, и меня потрясло, что отец и брат так спокойно говорят о сексуальных связях с низшей расой. Как и любому мальчишке моих лет, подобные вопросы не давали мне покоя. Затаив дыхание, я старался не пропустить ни единого слова.

– А как еще? – послышался суровый голос отца. – Спеки живут в грязи, скрываясь в густой тени деревьев, их кожа покрывается пятнами из-за недостатка солнечного света, как заплесневевший сыр. Даже под гнилым бревном в болоте чище и лучше, чем в тех местах, которые они считают своим домом. Однако их женщины в молодости бывают привлекательными, и некоторые из наших глупых солдат, те, кому недостает гордости и воспитания, находят их соблазнительными и пикантными. Когда я служил на границе, за подобные развлечения наказывали поркой. Мы держались подальше от спеков, и никакой чумы у нас не было.

А теперь, когда на восточной границе командует генерал Бродг, дисциплина заметно ослабла. Он хороший солдат, Росс, можно даже сказать, превосходный, но ему самому не хватает пресловутой гордости и воспитания. Он честно дослужился до своего звания, тут я ничего не могу сказать, хотя некоторые глупцы утверждают, будто король оскорбляет солдат дворян, когда жалуется чин генерала рядовому. Лично я считаю, что король имеет право возвышать того, кого пожелает, и что Бродг достоин генеральского чина. Но поскольку он выслужился из рядовых, то слишком уж сильно сочувствует простым солдатам. Подозреваю, он и сам вступал в связи с женщинами спеков и потому сквозь пальцы смотрит на подобные нарушения.

Мой брат что-то сказал, но я не разобрал его слов. Однако тон отца ясно дал понять, что он не согласен с Россом.

– Конечно, нужно сочувствовать тяготам простых солдат. Хороший командир обязан знать о том, что тревожит подчиненных, однако при этом не позволять им потворствовать своим низменным желаниям. Офицер должен стараться поднять уровень морали солдат до своего собственного, в противном случае им будет не к чему стремиться.

Я услышал, как отец встал, и отпрянул в тень под окном, до меня донесся звук его тяжелых шагов – он направился к буфету. Звякнуло стекло бокала.

– Половина наших солдат – новобранцы из трущоб. Некоторые считают, будто командовать такими людьми не слишком большая честь, но я скажу тебе, что хороший офицер способен сделать шелковый кошелек из свиного уха, если ему не будут мешать! В прежние времена любой второй сын дворянина был бы счастлив получить шанс служить королю и с радостью повел бы своих солдат в дикие степи, чтобы нести туда свет цивилизации. А теперь старая аристократия старается держать вторых сыновей поближе к дому. Они «служат», патрулируя территорию летнего дворца в Таресе, словно в этом и состоит долг офицера.

А солдаты просто распущены до предела, настолько, что на них и вовсе нельзя рассчитывать. Я постоянно слышу разговоры о том, что в приграничных поселениях воины каваллы погрязли в азартных играх, пьянстве и бесконечной возне со шлюхами – старый генерал Прод рыдал бы от ярости. Он никогда не разрешал нам иметь дело с жителями равнин – только торговать, – и пока мы их не покорили, они были хоть и диким, но достойным народом. Теперь некоторые полки используют их в качестве разведчиков, а новые аристократы берут в услужение их женщин в качестве горничных и нянек для своих детей. Ничего хорошего из такой ассимиляции получиться не может ни для людей равнин, ни для нас. Они захотят получить то, что им сейчас недоступно, возникнет зависть, которая приведет к бесконечным восстаниям. Но даже если до этого не дойдет, двум различным расам не следует смешиваться.

Отец все больше горячился. Я уверен, что он не заметил, как повысил голос. Теперь я отчетливо слышал каждое его слово.

– И это в еще большей степени относится к спекам. Они праздный народ, слишком ленивый, чтобы иметь собственную культуру. Если им удастся найти сухое место для сна и откопать достаточное количество жуков, чтобы наполнить желудок, они вполне довольны жизнью. Их деревни – всего лишь несколько гамаков и большой костер. Стоит ли удивляться, что у них столько болезней. Спеки обращают на них не больше внимания, чем на блестящих маленьких паразитов, которые гроздьями висят у них на шеях. У них чрезвычайно высокая детская смертность, но они продолжают беззаботно размножаться, как живущие на деревьях обезьяны. Однако когда их болезни перекинутся на нас... Произойдет то, о чем рассказывал разведчик: заражены целые полки, половина солдат умирает, чума распространяется среди женщин и детей. И все из-за того, что один из низкородных новобранцев захотел попробовать чего-то более экзотического, чем честные шлюхи из борделя в форте.

Мой брат что-то ответил, но я не разобрал слов, уловил лишь, что он задал вопрос.

– Толстые? О, я множество раз слышал эти сказки. Страшные сказки, которые рассказывают молодым солдатам, чтобы они по вечерам не заходили в лес. Я ни разу сам этого не видел. И если чума оказывает такое действие, что ж, тем лучше. Пусть она отмечает их таким образом, чтобы все знали или догадывались, чем они занимаются. Быть может, добрый бог в своей мудрости захочет сделать из них пример, дабы все знали, какая расплата ждет грешников.

Брат встал и подошел к буфету.

– Значит, ты не веришь, – начал он, и я понял, что он тщательно подбирает слова, словно боится суровой отповеди, – что это может быть проклятием спеков, злой магией, которую они используют против нас?

Я ожидал, что отец рассмеется и отругает брата, но он ответил со всей серьезностью:

– Я слышал легенды о магии спеков. Большая часть этих историй чепуха, сын мой, или глупые верования невежественных людей. И все же в них может крыться малая толика правды. Хранящий нас добрый бог не в силах справиться со всеми тенями, оставшимися от старых богов. И я видел множество проявлений магии равнин, чтобы сказать тебе: да, у них есть чародеи ветра, которые могут направлять дым туда, куда они пожелают, и я сам видел, как гаррота пролетела через заполненную людьми таверну и обвилась вокруг горла солдата, оскорбившего женщину-мага.

Когда старые боги покинули наш мир, они оставили немного магии тем людям, кто предпочитает обитать во мраке, не принимая света доброго бога. Но у них сохранились лишь крохи прежнего могущества. Холодное железо побеждает эту магию, сковывает ее, не давая вырваться на свободу. Достаточно выстрелить в жителя равнин железной пулей, и его заклинания полностью теряют силу. Эта магия передается из поколения в поколение, но мы имеем дело всего лишь с магией. Ее время прошло. Она оказалась недостаточно живучей, чтобы противостоять цивилизации и новым изобретениям. Мы на пороге новой эры, сын мой. И нравится нам это или нет, но мы должны двигаться вперед, иначе окажемся раздавленными колесами прогресса.

Когда нам удалось скрестить лошадей шира с нашими и выковать плуг из железа, урожай удвоился. В половине домов Старого Тареса уже есть канализация, и почти все улицы города вымощены. Король Тровен наладил сообщение между городами – дилижансы ездят по расписанию, регулярно доставляется почта. По всем большим рекам ходят торговые корабли. Теперь модно отправляться в путешествие вверх по Соудане до Кэнби, а потом обратно на быстроходных и очень комфортабельных пассажирских судах.

По мере того как все больше торговцев, исследователей и праздных туристов будет продвигаться дальше на восток, за ними потянутся и обычные люди. Небольшие поселения превратятся в города уже при твоей жизни. Времена меняются, Росс. И я намерен способствовать этим изменениям в нашей Широкой Долине. Болезнь спеков всего лишь болезнь. И ничего больше. Какой-нибудь лекарь найдет против нее средство, как это произошло с болотной лихорадкой или горловым гниением. От первой болезни теперь используют толченую кору кензера, от второй – полоскание джином. За последние двадцать лет медицина далеко продвинулась.

Я не сомневаюсь, что лекарство против чумы спеков будет найдено либо же люди научатся ее избегать. А до тех пор мы должны относиться к ней как к обычной болезни, а не выдумывать себе страхи, точно дети, принимающие забытый в постели носок за страшную буку. – Он помолчал, а потом добавил: – Жаль, что наш монарх не выбрал себе подругу, менее склонную к полетам фантазии. Интерес ее величества к чудесам и посланиям «с того света» привел к тому, что люди стали интересоваться подобной чепухой.

Я услышал более легкую поступь брата, когда он направился к окну. Он вновь заговорил, осторожно подбирая слова, поскольку знал, что отец не переносит даже малейшей критики в адрес нашего короля.

– Я уверен, что ты прав, отец. С болезнью должна бороться наука, а не заклинания и амулеты. И все же, мне кажется, часть вины за условия, способствующие возникновению болезни, лежит на нас самих. Кое-кто утверждает, будто наши приграничные города стали отвратительными рассадниками греха с тех пор, как король обязал должников и преступников искупать свою вину и начал их отправлять на восток. Я слышал, что там процветает преступность, люди живут в грязи, как крысы, среди собственных нечистот и мусора.

Некоторое время отец молчал, и я не сомневался, что брат затаил дыхание, ожидая резких упреков. Однако отец с большой неохотой признал:

– Вполне возможно, что король ошибся, когда проявил милосердие по отношению к преступникам. Логично было предположить, что человек, получивший шанс начать жизнь с чистого листа, на новом месте, оставит за спиной все прошлые грехи, станет строить дома, создаст семью и забудет о прежних привычках. С некоторыми так и происходит, и к ним следовало проявить милосердие и даже потратить деньги. Быть может, даже если один человек из десяти действительно сумеет побороть свои преступные наклонности, нам следует поступиться остальными девятью ради спасения этого одного. Но как всерьез рассчитывать на то, что король Тровен сумеет обратить в достойных граждан негодяев, которые не верят учению доброго бога? Что можно сделать для того, кто не желает протянуть руку для своего спасения?

В голосе отца появились жесткие интонации, и я прекрасно знал, о чем он сейчас будет говорить. Он был уверен, что человек сам определяет свою судьбу, в какой бы семье ему ни суждено было родиться. От отца, второго сына дворянина, все ждали, что он будет служить королю и стране. Так и произошло, но Кефт Бурвиль стал одним из избранных, кому его величество пожаловал титул лорда. И он не требовал от других людей больше, чем спрашивал с себя.

Я ждал, когда он пустится в рассуждения, но тут услышал голос матери. Мои сестры гуляли в саду, и она стала звать их домой.

– Элиси! Ярил! Возвращайтесь в дом, мои дорогие! Вас искушают комары, они испортят ваши личики!

– Идем, мама! – ответили сестры, привычка к послушанию и нежелание уходить из сада смешались в их голосах.

Я их не винил. Этим летом отец распорядился вырыть для них декоративный пруд, и он стал для сестер любимым местом вечерних прогулок. Множество разноцветных бумажных фонариков, которые, как ни странно, совершенно не затмевали свет звезд, делало беседку у пруда особенно уютной. Ее стены были увиты виноградными лозами, а тропинки, ведущие к ней, плутали меж кустов, окутанных по вечерам упоительными ароматами. Пришлось проявить немало изобретательности, чтобы в пруду не высыхала вода, к тому же один из молодых садовников дежурил около него по ночам, чтобы не позволить диким котам выловить оттуда безумно дорогих экзотических рыбок. Мои сестры с удовольствием сидели возле пруда, мечтая о своих будущих домах и семьях, и я часто проводил вечера вместе с ними.

Я знал, что, после того как сестры вернутся домой, мать вспомнит обо мне, поэтому бесшумно выскользнул из своего укрытия под окном и по усыпанной гравием дорожке подошел ко входу в дом, незаметно миновал парадную дверь и поднялся в свою классную комнату. На какое-то время я перестал думать о чуме спеков, но на следующий день попросил сержанта Дюрила сравнить нынешних солдат с теми, кто находился в его подчинении, когда они с отцом служили на границе. Как я и предполагал, сержант заявил, что выучка и моральные качества солдат прежде всего определяются достоинствами офицера, который ими командует, и что лучший способ быть уверенным в своих подчиненных – это самому всегда оставаться на высоте.

И хотя я уже слышал подобные изречения и раньше, я принял их как руководство к действию.

Глава 3

Девара

Я вырослел, одно время года сменялось другим. Тем долгим летом, когда мне исполнилось двенадцать, чтобы забраться в седло Гордеца, требовались его бесконечное терпение и вся моя мальчишеская ловкость. К тому дню, когда мне сравнялось пятнадцать, я уже мог положить руки на спину своего рослого скакуна и легко, не дрыгая бессмысленно ногами, запрыгнуть в седло. Эта перемена нравилась нам обоим.

Были и другие. С тощим, вечно недовольным мной учителем мы давно расстались. После него у меня сменились еще два преподавателя – наглядный пример того, что требования отца к моему воспитанию становились все более жесткими. Теперь по вечерам со мной занимался суровый наставник, на чьи уроки я не осмеливался опаздывать. Это был сухопарый старик со стянутыми в хвост седыми волосами и желтыми зубами, он обучал меня тактике, логике, а также письму и правильной речи на варнийском, официальном языке нашей древней родины. К сожалению, он не задумываясь использовал в качестве дополнительного аргумента очень гибкую линейку, которую, казалось, никогда не выпускал из рук. К тому же питался мастер Рортон, по-видимому, в основном чесноком и перцем, и его зловонное дыхание сводило с ума, когда я, сгорбившись, сидел за столом и аккуратнейшим образом выводил заданный урок, а он наблюдал за каждым движением моего пера, стоя у меня за спиной.

Днем своими знаниями и опытом со мной делился мастер Лейбсен, мрачный тип, приехавший к нам из далеких западных земель, он преподавал мне теорию и практику владения оружием. Я уже вполне прилично стрелял из пистолета и мушкета, стоя на земле и из седла. Он объяснял мне, как следует отмерять порох на глаз так же точно, как другие делают это при помощи весов, как самостоятельно отливать пули, поддерживать оружие в порядке и чинить его. Разумеется, мы тренировались, используя свинцовые пули. Более дорогие, железные, при помощи которых мы одержали победу над жителями равнин, естественно, отливали опытные кузнецы. Мой отец не видел необходимости тратить их на стрельбу по мишеням. Мастер Лейбсен научил меня также борьбе, боксу, владению палкой, фехтованию и, втайне от всех, после моих многочисленных просьб, метанию ножей и рукопашному бою кинжалом. Уроки Лейбсена я любил почти так же сильно, как ненавидел казавшиеся мне бесконечными вечерние занятия с мастером Рортоном с его вонью изо рта.

Весной того года, когда мне исполнилось шестнадцать, к нам приехал еще один учитель. Он пробыл у нас недолго, но запомнился мне больше остальных. Он поставил свой маленький шатер в низине у реки и ни разу не приблизился к нашему дому. Моя мать пришла бы в ужас и почувствовала себя оскорбленной, если бы узнала о том, что он находится менее чем в двух милях от ее юных дочерей, поскольку он был дикарем с равнин и исконным врагом моего отца.

В тот день, когда в мою жизнь вошел Девара, я, ничего не подозревая, выехал из дома вместе с отцом и сержантом Дюрилом. Отец время от времени приглашал нас на утренний объезд своих владений, и я решил, что так будет и на этот раз. Подобные прогулки всегда доставляли мне большое удовольствие. Мы никуда не торопились, останавливались, чтобы перекусить с кем-нибудь из отцовских воинов, заходили в дома и шатры, чтобы побеседовать с пастухами и садовниками. Я не взял с собой ничего лишнего, кроме того, что обычно может понадобиться во время неспешной прогулки верхом. Поскольку день выдался теплый, я не надел теплый плащ и остался в легкой куртке и широкополой шляпе, защищавшей от солнца. В той местности, где мы жили, только дурак выходил из дома без оружия. Я не стал брать пистолет, но на боку у меня висела старенькая, однако вполне надежная кавалерийская сабля.

Я ехал посередине между отцом и сержантом Дюрилом, и мне вдруг почудилось, будто они меня куда-то провожают. Вид у сержанта был недовольный. Он никогда не отличался веселым нравом, но в тот день в его молчании чувствовалось с трудом сдерживаемое осуждение. Сержант крайне редко расходился во мнениях с отцом, и его странное поведение вызывало в моей душе одновременно и страх и любопытство.

Когда мы отъехали от дома примерно на милю, отец сообщил, что мне предстоит встретиться с жителем равнин из племени кидона. Как и всякий раз, когда речь у нас заходила об отдельных племенах, он подробно рассказал мне о принятых у кидона правилах поведения и предупредил, что эта встреча касается только мужчин и мне не следует обсуждать ее с матерью или сестрами, даже упоминать о Девара в их присутствии.

На вершине холма, у подножия которого житель равнин раскинул свой шатер, мы остановились, и я с любопытством посмотрел на его странного вида жилище с непривычно круглой крышей, оно было покрыто оленьими шкурами, туго натянутыми на плетеную основу. Шкуры были выделаны таким образом, чтобы не пропускать внутрь влагу. Неподалеку паслись три лошадки с черными носами, большими животами и полосатыми ногами, каких разводили только кидона. Их черные гривы показались мне жесткими, как щетка для чистки очага, а хвосты скорее напоминали коровьи, а вовсе не лошадиные. На некотором отдалении от них около двухколесной повозки терпеливо чего-то ждали две женщины кидона. В их таратайку с огромными колесами была впряжена еще одна лошадка, в отличие от своих хозяек она уже потеряла терпение и начала перебирать ногами.

Перед палаткой горел маленький костер, но дыма почему-то не было. Сам Девара стоял, скрестив на груди руки, и смотрел на нас. Он знал о нашем появлении еще до того, как мы выехали на вершину холма, и замер в горделивой позе, обратив взгляд в нашу сторону. Его дар предвидения по-настоящему ужаснул меня, и я не смог сдержать дрожь.

– Сержант, можешь подождать нас здесь, – тихо проговорил отец.

Дюрил пожевал верхнюю губу, помолчал немного, а потом сказал:

– Сэр, я бы предпочел быть рядом с вами. На случай, если я вдруг понадобится.

Мой отец посмотрел ему в глаза и ответил:

– Есть вещи, которым ни ты, ни я не можем его научить. То, о чем тебе не расскажет друг, можно узнать только от врага.

– Но, сэр...

– Подожди здесь, сержант, – повторил отец, и вопрос был закрыт. – Невар, поезжай за мной.

Он поднял руку в приветственном жесте, и Девара ответил ему тем же. Затем отец тронул коня коленями и начал медленно спускаться по склону холма к шатру кидона. Я взглянул на сержанта Дюрила, но тот, поджав губы, смотрел мимо меня. Я все равно ему кивнул и последовал за отцом. У подножия холма мы спешили и бросили поводья, зная, что наши отлично обученные лошади не сойдут с места.

– Подойдешь, когда я тебя позову, – едва слышно распорядился отец. – А до тех пор оставайся здесь. И не своди с меня глаз.

Отец с торжественным видом подошел к жителю равнин, и старые враги, демонстрируя огромное уважение, поприветствовали друг друга. Чуть раньше отец объяснил мне, что я обязан вести себя с кидона так же почтительно, как с другими наставниками. Будучи моложе, во время нашей первой встречи я должен склонить голову к левому плечу, не плевать в его присутствии и не поворачиваться к нему спиной, поскольку так не принято у его народа. Выполняя приказ отца, я стоял не шевелясь около лошадей и ждал. Мне казалось, что я чувствую, как сержант Дюрил буравит нас взглядом, но я не посмел оглянуться на него.

Мой отец и кидона некоторое время о чем-то разговаривали, но очень тихо и на торговом языке, поэтому я почти ничего не понял, кроме того, что обсуждалась какая-то сделка.

Наконец отец позвал меня, и я вышел вперед, не забыв склонить голову к левому плечу. Затем я смутился, не зная, следует ли обменяться рукопожатием, однако Девара подобного желания не изъявил, и я замер на месте. Кидона принялся деловито меня разглядывать, словно я вдруг превратился в лошадь, выставленную на продажу. Я тоже воспользовался моментом, чтобы самому хорошенько его рассмотреть, ведь раньше с представителями этого племени наши пути не пересекались.

Он оказался меньше ростом и более жилистым, чем другие жители равнин, с которыми я встречался, но кидона были охотниками, нередко устраивали набеги на мирных кочевников и не брезговали копаться в мусоре и отходах. Они считали остальных жителей равнин законной добычей, и те их боялись. Из всех наших врагов справиться с кидона было труднее всего. Они вообще отличались крутым, даже жестоким нравом. Как-то раз, когда гернийский кавалерийский отряд одержал победу над племенем рью, кидона налетели на их разгромленное поселение и забрали все, что там еще оставалось. Отец всегда качал головой, когда упоминал их дикие обычаи, а сержант Дюрил до сих пор ненавидел.

Молодые кидона, принимающие участие в набегах, ели только мясо, а некоторые подпиливали передние зубы так, чтобы они становились острыми, точно кинжалы. Я заметил, что у Девара зубы именно такие. Он был в плаще, сплетенном из тонких полосок светлой кожи, возможно кроличьей, на который искусно нанесли рисунок, напоминающий отпечатки копыт, в широких коричневых штанах и белой рубаше с длинными рукавами, прикрывавшей бедра и подпоясанной ярким ремнем, украшенным бусинками. Обут он был в низкие сапожки из мягкой серой кожи. Голова оставалась непокрытой, и его седые короткие волосы напомнили мне спину ощетинившейся собаки или, что точнее, гриву его собственной лошади.

На боку у Девара висел короткий кривой клинок – «лебединая шея» – смертоносное оружие из бронзы, при необходимости кидона использовали его как хозяйственный инструмент. Рукоять клинка украшали заплетенные в косички человеческие волосы самых разных оттенков. В первую нашу встречу я решил, что это боевые трофеи, но позднее Девара развеял мои заблуждения. Оказывается, оружие у кидона передается от отца к сыну, а пряди волос, принадлежавшие предкам, являются их благословением. Клинок «лебединой шеи» был достаточно острым для сражения и крепким для разделки мяса к обеду. По сути, это диковинное оружие было самым лучшим, что могли создать кидона, не используя железа.

Девара некоторое время молча разглядывал меня, а затем повернулся к отцу, и они принялись торговаться на великолепном джидобе по поводу оплаты за мою учебу. Лишь тогда я впервые осознал, что эта встреча устроена ради того, чтобы кидона взялся меня обучать, вот только не мог взять в толк чему. Я довольно слабо владел языком торговцев, и мне пришлось слушать очень внимательно, чтобы понять, о чем они говорят. Сначала Девара потребовал пистолеты для своих соплеменников, но мой отец ответил ему отказом, прозвучавшим как комплимент, – он сказал, что кидона совершенно виртуозно владеют своими «лебедиными шеями» и народ моего отца разорвет в клочья того, кто даст столь могучим воинам дальнобойное оружие. Это было чистой правдой. Отец не стал упоминать о королевском указе, запрещающем продавать пистолеты жителям равнин. Девара перестал бы его уважать, если бы он признался, что выполняет чьи-то приказы и не является господином самому себе. К моему великому изумлению, отец ничего не сказал кидона о свойстве железа разрушать его магию. Впрочем, я не сомневался, что Девара не нуждался в подобных напоминаниях.

Вместо огнестрельного оружия и пороха отец предложил тканые одеяла, копченую свинину и медные горшки для приготовления пищи. Девара хмыкнул: мол, в последний раз, когда он проверял, выяснилось, что он не женщина и его не слишком беспокоят одеяла, еда и ее приготовление. Более того, его удивило, что отца интересуют хозяйственные мелочи. Вне всякого сомнения, уважаемый воин, коим является его собеседник, может достать столько пороха,

сколько ему потребуется. Отец покачал головой, а я помалкивал, зная, что тот же указ запрещает продавать жителям равнин еще и порох.

В конце концов они договорились: отец согласился заплатить за мое обучение один тюк лучшего табака с запада, дюжину ножей для разделки мяса и два мешка свинцовых шариков для пращи. Несмотря на показное равнодушие Девара к хозяйственным надобностям, мне представляется, что окончательную точку в сделке поставило обещание моего отца добавить большую бочку соли и такую же сахара. Многие жители равнин лишь с приходом цивилизации в их края узнали о существовании сладостей, а распробовав, ужасно их полюбили. Так что в результате, на мой взгляд, получилось весьма щедрое вознаграждение за несколько уроков. Я осмелился искоса посмотреть на женщин и увидел, как они радостно пихают друг друга и о чем-то тихонько переговариваются, закрывая лица ладонями.

Мой отец и Девара подтвердили сделку по обычаям племени кидона – завязали по узлу на торговом ремне. Затем Девара повернулся ко мне и добавил свое собственное условие к сделке, которое произнес на джидобе:

– Если будешь жаловаться, я отправлю тебя в материнский дом. Если откажешься что-то делать или не будешь слушаться, я тебе порежу ухо, а затем отправлю в материнский дом. Если будешь колебаться или бояться, я врежу тебе в нос и отправлю в материнский дом. Это будет конец урокам, но я оставлю себе табак, соль, сахар, ножи и пульки. *Твое* слово, юноша?

Отец молча смотрел на меня, он даже не кивнул, но по его глазам я понял, *что* должен сказать.

– Я согласен, – ответил я жителю равнин. – Я не буду жаловаться, стану слушаться и выполнять ваши приказы. А еще не буду колебаться и бояться.

Воин смерил меня взглядом. А в следующее мгновение сильно ударил по лицу. Я предвидел его намерения и мог бы увернуться или хотя бы наклонить голову, чтобы смягчить удар. Я не ожидал такого поворота событий, но инстинкт подсказал, что мне придется принять это оскорбление. Щека горела, на губах появилась кровь, но я не издал ни звука, продолжая глядеть Девара в глаза. Я видел, как помрачнел отец, стоявший у него за спиной, но в его взгляде я прочитал гнев и гордость одновременно.

– Мой сын не трус и не слабак, Девара. Он достоин твоих уроков.

– Увидим, – спокойно проговорил воин, посмотрел на женщин и что-то рявкнул на своем языке. Затем он снова повернулся к моему отцу. – Они пойдут с тобой, возьмут плату и вернуться в наш дом. Сегодня.

Он бросал отцу вызов, словно проверял, не усомнится ли он в его честности. А действительно, выполнит ли Девара свою часть сделки, когда получит обещанную плату? Отцу удалось изобразить на лице удивление.

– Разумеется.

– В таком случае твой сын останется со мной. – Он наградил меня еще одним оценивающим взглядом, но на этот раз мороз пробежал у меня по коже. Я подчинялся суровым приказам отца и вынес все наказания и физические испытания, которым меня подвергал сержант Дюрил, однако взгляд Девара обещал мне нечто по-настоящему ужасное. – Забери его лошадь, кинжал и саблю. Оставишь его со мной. Я буду его учить.

Думаю, если бы в тот момент я мог, не унизив нас обоих, попросить отца расторгнуть сделку с Девара, я бы это сделал. Когда я отстегнул ножны с кинжалом, у меня появилось ощущение, будто меня раздели догола. Все тело онемело, а в голове крутилась единственная мысль: чему такому особенному может научить Девара, если гернийский полковник оставляет меня безоружным со своим древним врагом. Отец взял мой кинжал без единого слова. Он всегда говорил, что кидона умеют выживать в самых сложных ситуациях и обладают поразительной способностью видеть врагов насквозь и что это самое могущественное оружие, о каком только может мечтать солдат. Но с другой стороны, о жестокости кидона ходили легенды, и

мне было известно, что у Девара на правом плече есть шрам от железной пули. Мой отец стрелял в него, потом надел кандалы и держал в качестве заложника несколько последних месяцев войны короля Тровена с кидона. Только благодаря усилиям врача каваллы Девара остался в живых после ранения и последовавшего за ним отравления. Я задавался вопросом, что сейчас им движет – долг отцу за проявленное им милосердие или желание отомстить.

Я расстегнул потрепанный ремень со старой кавалерийской саблей. Обмотав ножны ремнем, я протянул свое оружие отцу, но Девара неожиданно выхватил саблю у меня из рук. Я едва удержался от того, чтобы попытаться вернуть ее назад. Мой отец спокойно смотрел, как кидона вытащил саблю из ножен и провел большим пальцем по боковой поверхности клинка.

– Там, куда мы направляемся, она тебе не поможет, – презрительно фыркнув, сказал он. – Оставь ее здесь. Возможно, когда-нибудь ты за ней вернешься.

Ухватившись за рукоять, он с силой вонзил клинок в землю. Когда воин убрал руку, я подумал, что моя старенькая сабля похожа на надгробие. Девара бросил ножны в пыль, и внутри у меня все похолодело.

Отец попрощался со мной лишь взглядом, и в его глазах я прочел: «Надеюсь, что смогу тобой гордиться, сын». Затем он вскочил в седло Железноногого и взял в руки поводья Гордеца. Он выбрал более пологую тропу, чем та, по которой мы спускались к шатру Девара, потому что на сей раз за ним следовали женщины кидона с повозкой. Я же остался стоять рядом со своим новым учителем, в один миг лишившись всего, что у меня было, кроме одежды.

Мне ужасно хотелось посмотреть, оставил ли сержант Дюрил свой пост и последовал ли за отцом, но я не посмел. Прежде меня раздражало пристальное внимание сержанта, но теперь я мечтал только об одном – чтобы за мной кто-нибудь присматривал. Девара продолжал сверлить меня взглядом холодных серых глаз. Прошло довольно много времени, и я уже не слышал ни топота копыт, ни скрипа телеги, когда он наконец поджал губы и заговорил.

– Ты скакать верхом хорошо? – спросил он на ломаном гернийском.

– Отец учил меня, – ответил я на таком же неуверенном джиндобе.

Девара презрительно фыркнул и снова обратился ко мне на моем родном языке:

– Твой отец показать тебе сидеть в седле. Я научу тебя скакать на талди. Садись.

Девара показал на трех лошадок, и они, словно поняли, что речь идет о них, подняли головы и посмотрели на нас. Все три прижали уши, демонстрируя неудовольствие.

– На какого талди? – спросил я на джиндобе.

– Сам выбирай, сын-солдат. Думаю, еще я учить тебя разговаривать.

Последнее он сказал на языке торговцев, и мне стало интересно, оценил ли кидона мою попытку общаться на джиндобе, однако его лицо не выражало никаких чувств.

Я выбрал кобылу, решив, что она будет наиболее спокойной из всех троих. Она не подпускала меня к себе, но я сумел схватить ее за уздечку и заставил стоять на месте. Оказавшись рядом с талди, я понял, что это не совсем лошади, только похожи на них. Кобыла не ржала, а протестующе пищала, издавая звук, совсем нехарактерный для лошадей. Пока я на нее забирался, она умудрилась два раза меня укусить, за руку и ногу. Тупые зубы не поранили кожу, но я не сомневался, что получил пару солидных синяков. Кобыла фыркнула, резко дернулась и, едва я собрался потрепать ее по шее, развернулась. Затем она слегка наклонила голову, явно намереваясь снова меня укусить, но я отдернул ногу, и она до меня не дотянулась. Тогда она снова завертелась, стремясь избавиться от неудобного седока. Я молча сжал ее бока ногами. Талди предприняла еще две попытки меня сбросить, но я удержался у нее на спине, стараясь не обращать внимания на ее дурные манеры, поскольку не знал, как Девара отнесется к тому, что я попытаюсь воспитывать его животное.

– Кикша! – крикнул Девара, и она мгновенно успокоилась.

Но я не стал расслабляться. У кобылы был большой круглый живот и гладкая шкура, а вся ее упряжь состояла из одного недоуздка. Мне неоднократно приходилось скакать на лошади без седла, но именно на лошади, а не на существе, подобном этому.

Девара неохотно кивнул.

– Ее зовут Кикша, – сказал он. – Перед тем как сесть, произнеси имя, она знает, что должна слушаться. Если имя не назвать, она думать, что у тебя нет права. Все мои лошади такие. Сюда. – Он повернулся к одному из талди. – Дедем. Стоять.

Животное, к которому он обратился, дернуло ушами и подошло к хозяину. Девара легко взобрался на спину странного скакуна с большим животом.

– За мной, – приказал он и шлепнул Дедема по крупу.

Лошак тут же помчался вперед. Я несколько секунд удивленно смотрел им вслед, а затем повторил движение Девара – шлепнул Кикшу, и она сорвалась с места.

Сначала я изо всех сил цеплялся за гриву Кикши, потому как болтался у нее на спине, точно тряпичная кукла, привязанная к собачьему хвосту. Всякий раз, когда она касалась копытом земли, меня швыряло из стороны в сторону, и дважды я уже было решил, что сейчас свалюсь в пыль, но, как выяснилось, кобыла знала свое дело гораздо лучше меня, и в какой-то момент мне показалось, будто она сама меня удерживает. Когда эта мысль посетила меня вторично, я решил довериться Кикше, устроился поудобнее, и вскоре мы двигались точно единое целое. Она и до этого скакала более чем резво, но теперь у меня возникло ощущение, что мы стали мчаться в два раза быстрее.

Девара маячил далеко впереди, направляясь прочь от реки к пустошам, которые граничили с землями моего отца. Ландшафт изменялся, став более суровым – нас окружали каменистые холмы, крутые скалы и глубокие овраги, которые во время бурь заполняла вода. Ветер и дождь сотворили это необычное место. Тут и там из расщелин в камнях, покрытых темно-пурпурными лишайниками, торчали тощие кусты с серо-зелеными листьями. Копыта Дедема выбивали фонтанчики пыли из сухой земли, которая, словно шлейф, стелилась за ними, забивая мне нос и рот. Девара мчался по тем местам, куда я ни за что не рискнул бы сунуться на Гордеце. Я следовал за ним, не сомневаясь, что он вскоре прекратит эту бешеную скачку и даст своему талди передохнуть, но он даже и не думал останавливаться.

Моя маленькая кобылка заметно приблизилась к Девара с Дедемом. Когда мы оказались на еще более пересеченной местности и начали подниматься на плато, мне стало гораздо труднее держать их в поле зрения. Низины и холмы походили на скомканное одеяло, и мне вдруг пришло в голову, что Девара специально старается сделать так, чтобы я отстал и потерялся, и, сжав зубы, я твердо решил не допустить такого позорного финала. Я прекрасно понимал, что одно неверное движение – и мы с моей кобылкой свернем себе шеи, но не пытался замедлить ее бег, а она, несмотря на очевидную усталость, продолжала мчаться за скакуном Девара.

Мы постепенно поднимались все выше и выше и вскоре оказались на плато. Вдали виднелись красные и белые скалы, а изредка встречавшиеся тощие кривые деревья указывали на места, где когда-то была вода. Мы миновали старую разрушенную крепость, похожую на полу-сгнившие зубы черепа или истрепанные временем башенки ветряного замка. Мой отец называл такие руины «шаманами» и как-то рассказал мне, что некоторые жители равнин считают, будто это дороги в подземный мир.

Девара продолжал мчаться вперед. Я уже изнемогал от жажды и был покрыт пылью с головы до ног, когда, взобравшись на небольшой холм, увидел, что он наконец остановился и ждет меня, стоя рядом со своим талди. Я подъехал к нему и с наслаждением соскользнул на землю с потной спины Кикши. Кобылка отошла от меня на три шага и опустилась на колени. Я пришел в ужас, решив, что загнал талди, но она перевернулась на спину и принялась с удовольствием кататься в сухой жесткой траве, растущей в низине. Я же с тоской подумал о мехе с водой, притороченном к седлу Гордеца. Однако я понимал, что мои сожаления напрасны.

Если Девара и удивился, что мне удалось его догнать, виду он не подал. Он вообще не сказал ни слова, пока я осторожно не поинтересовался:

– И что мы будем делать?

– Мы здесь, – был его ответ.

Оглядевшись по сторонам, я не увидел ничего такого, что отличало бы эту низину от десятка ей подобных, по которым мы промчались сегодня на бешеной скорости.

– Мне нужно позаботиться о лошадях? – спросил я.

Я знал, что, если бы скакал на Гордеце, отец первым делом потребовал бы, чтобы я им занялся. «Кавалерист без своей лошади превращается в неопытного пехотинца», – часто повторял он мне. Однако Девара лишь облизнул губы и сплюнул на землю. Я понял, что он нанес мне оскорбление, но промолчал.

– Талди были талди задолго до того, как на них стали ездить люди, – бросил он с презрением в голосе. – Пусть сами о себе позаботятся.

По выражению его лица я понял, что продемонстрировал слабость, показав, что меня беспокоит благополучие лошадей.

Впрочем, я сразу понял, что животные кидона действительно гораздо более выносливы и самостоятельны. Покатавшись по земле, Кикша присоединилась к Дедему, самозабвенно щипавшему жесткую траву. Глядя на них, я бы никогда не сказал, что всего несколько минут назад они скакали во весь опор по абсолютно не пригодной для этой цели местности. Если бы я сотворил такое с Гордецом, мне пришлось бы некоторое время ходить с ним, пока бы он не успокоился, потом насухо вытереть и в несколько приемов напоить, старательно соблюдая интервалы. Талди казались довольными жизнью, и, похоже, их несколько не беспокоила грязь, впитавшаяся в пропотевшие спины.

– У животных нет воды. И у меня тоже, – через некоторое время напомнил я своему новому учителю.

– Они не умрут без воды. По крайней мере сегодня. – Он окинул меня оценивающим взглядом. – Ты тоже, солдатский сынок. – Затем холодно добавил: – Не разговаривай. Тебе нет нужды сотрясать воздух. Ты здесь, чтобы меня слушать.

Я собрался было возразить, но он резким жестом заставил меня закрыть рот, и я вспомнил, что он обещал со мной сделать в случае неповиновения. Я поджал губы и, поскольку ничего другого вокруг не было, опустил на жесткую землю. Мне показалось, что Девара к чему-то прислушивается. Затем он легко взобрался на холм, последние несколько футов преодолев ползком, и, стараясь не высовываться, прижался к земле. Закрыв глаза, он замер на месте, и если бы не выражение его лица, я решил бы, что он уснул. Его напряженная поза заставила и меня застыть в неподвижности. Через некоторое время Девара медленно сел и с довольной улыбкой повернулся ко мне. Ровный ряд острых, точно кинжалы, зубов немного меня пугал.

– Он заблудился, – заявил Девара.

– Кто? – удивленно спросил он.

– Человек твоего отца. Думаю, он решил за тобой присмотреть.

Мне не понравилась его жесткая улыбка, – наверное, он ждал возмущения с моей стороны, но я был озадачен.

Сержант Дюрил? Неужели отец приказал ему за мной приглядывать? Или он сделал это по собственной воле? Видимо, на лице у меня отразилось недоумение, потому что выражение глаз Девара немного смягчилось. Он поднялся на ноги и медленно спустился по склону.

– Теперь ты мой. Ученик более внимателен, когда от этого зависит его жизнь. Так?

– Да, – кивнул я, твердо зная, что это действительно так.

С другой стороны, я не понял, что он имел в виду, и мне стало не по себе.

Некоторое время я раздумывал над его словами, но глубинного смысла так и не уловил. Девара уселся на корточки неподалеку от меня, талди спокойно щипали жесткую траву, и единственными звуками, нарушавшими тишину, были шелест ветра, легкие шаги животных и нескончаемый стрекот мелких насекомых. Здесь, в низине, воздух был неподвижен, словно холмы укрыли нас в своей ладони. Девара, казалось, чего-то ждал, но я не знал чего. Мне не оставалось ничего другого, как набраться терпения. Я уселся поудобнее, скрестил ноги и постарался отвлечься от мыслей о том, что я ужасно грязен и зверски хочу пить. Девара не сводил с меня глаз. Время от времени я встречался с ним взглядом, но по большей части изучал мелкие камешки перед собой или смотрел по сторонам. Наконец он встал, потянулся и подошел к своему талди.

– Идем, – позвал он меня.

Я последовал за ним. Кобыла отскочила в сторону, но я сказал:

– Кикша. Стоять.

И тогда она подошла ко мне и позволила забраться ей на спину. Девара не стал нас ждать, однако на сей раз пустил Дедема шагом, а не давешним сумасшедшим галопом. Некоторое время я следовал за ним, а затем он раздраженным жестом велел мне ехать рядом, и я решил, что он хочет поговорить, но ошибся. Думаю, ему просто не нравилось, когда кто-то находился у него за спиной.

Наши талди неторопливо трусили по бесконечным неприятным холмам до самого позднего вечера, и я подумал, что Девара ищет воду или более подходящее место для ночевки, но когда мой учитель остановился, не сразу понял, зачем он это сделал. В прошлый раз мы, по крайней мере, могли укрыться от безжалостного ветра. Здесь же из земли кое-где торчали красноватые камни и больше не было ничего. Наши талди с печальным видом отправились к кустам с кожистыми листьями, – судя по всему, им тоже не понравился выбор стоянки. Я медленно огляделся по сторонам и по результатам осмотра пришел к неутешительному выводу: спать мне сегодня предстояло на голой жесткой земле. Девара сел, прислонившись спиной к большому валуну.

– Собрать хворост для костра? – спросил я.

– Мне костер не нужен. А тебе следует помалкивать.

Вот и весь наш разговор. Девара неподвижно сидел возле своего камня, а тени постепенно становились все длиннее, и вскоре землю окутала тьма. Той ночью луна так и не показалась, а далекие звезды едва заметно мерцали на черном небе. Когда я понял, что Девара останется там, где сидит, я нашел место, где из песка торчал плоский камень, выкопал себе ямку и лег спиной к камню, надеясь на то, что он сохранит тепло солнечных лучей и ночью. Я подложил под голову свою шляпу, а руки скрестил на груди. Некоторое время я прислушивался к голосу ветра, звукам, которые издавали талди, и пению насекомых.

Ночью я просыпался дважды. Первый раз мне приснился кусок копченого мяса, причем сон был столь ярким, что мне показалось, будто я чувствую его запах. Во второй раз – от холода. Я поглубже зарылся в песок, поскольку ничем другим помочь себе не мог. Перед тем как вновь провалиться в сон, я спросил себя: чему же все-таки Девара пытается меня научить?

Перед самым рассветом меня неожиданно что-то разбудило. Я замерз, хотел есть и пить, но дело было не в этом. Не поворачивая головы, я скосил глаза и осмотрелся. Девара проснулся и стоял, выделяясь темной тенью на фоне серого неба. Затем он сделал осторожный шаг по направлению ко мне. Я наблюдал за ним сквозь маленькие щелочки и терзался вопросом, насколько хорошо он видит и понял ли, что я не сплю. Еще один шаг в мою сторону. Этот человек умел скользить по песку, точно змея.

Я взвесил свои возможности. Если я не стану шевелиться и притворюсь, будто еще не проснулся, на моей стороне будет элемент неожиданности. Но в этом случае Девара окажется прямо надо мной со смертоносным клинком в руке. Я незаметно проверил, в каком состоянии

находятся мои мышцы, и вскочил на ноги. Девара замер на месте, а на его лице застыло самое невинное выражение. Я постарался придать своему такое же, а затем склонил голову к левому плечу, приветствуя его, и сказал:

– Уже почти утро. – Мой голос походил на скрип несмазанного колеса. – Мы найдем сегодня воду?

Он взмахнул руками – мой отец в такой ситуации пожал бы плечами.

– Кто знает? Это как пожелают духи.

Я совершил бы святотатство и показал себя трусом, если бы не ответил на его слова.

– Добрый бог, возможно, сжалится над нами, – ответил я.

– Твой добрый бог живет за звездами, а мои духи здесь, на земле.

– Мой бог наблюдает за мной и защищает от беды, – возразил я.

Девара наградил меня уничижающим взглядом.

– Твоему доброму богу, наверное, ужасно скучно, солдатский сынок.

Я набрал в легкие воздуха, хотя мне совсем не хотелось спорить на теологические темы с дикарем. Но потом решил, что оскорбление он нанес мне, назвав мою жизнь скучной, а не доброму богу, и посчитал, что могу пропустить его замечание мимо ушей. Я промолчал, и через некоторое время Девара откашлялся. – Нам нечего здесь больше делать, – заявил он. – Уже достаточно светло, чтобы ехать дальше.

Я вообще не видел никаких причин тут находиться, но снова оставил свое мнение при себе. Впервые я сел в седло в раннем детстве, но сейчас вдруг обнаружил, что у меня болит все тело, причем в самых неожиданных местах – до сих пор мне не приходилось скакать верхом на талди. Однако, не говоря ни слова, я послушно забрался на спину Кикши и последовал за Девара, по-прежнему гадая, чему этот человек должен меня научить. Меня беспокоило, что, если так пойдет и дальше, ожидания отца вряд ли оправдаются.

Девара указывал путь, я ехал рядом с ним. К полудню я уже не мог думать ни о чем, кроме воды. Моя кобылка весело трусила рядом с Дедемом, но я знал, что ей тоже нужна вода. Я уже испробовал все, что знал, чтобы справиться с жаждой. Гладкий камешек во рту теперь уже не помогал, а только раздражал меня. Я подобрал его, когда спрыгнул на землю, чтобы сорвать несколько сочных листьев растения под названием ослиные уши. Немного пожевав, я выплюнул мякоть, и его сок слегка смочил пересохший рот. Губы и внутренняя поверхность носа уже потрескались, язык распух настолько, что едва помещался во рту. А по-прежнему молчавший Девара выглядел так, будто жажды не существует в природе. Через некоторое время я почувствовал муки голода, но жажда была сильнее. Я усиленно искал какие-нибудь признаки воды, о которых мне рассказывал сержант Дюрил – длинная линия деревьев, низина, где растения гуще и зеленее, или следы животных, – но видел только, что местность становится все более голой и каменистой.

Мне оставалось только не отставать от Девара, надеясь на то, что он преследует какую-то цель. Когда тени снова начали удлиняться, а мы так и не нашли воды, я осмелился заговорить, с трудом разлепив потрескавшиеся губы.

– Мы скоро доберемся до воды?

Девара посмотрел на меня, а затем демонстративно огляделся по сторонам.

– Вряд ли.

Затем он улыбнулся, и я понял, что он действительно нисколько не страдает от жажды. Мы молча поехали дальше. Я чувствовал, что силы у моей кобылы убывают, но она не отставала от Дедема. Когда вечер опустился на равнину, Девара остановил своего коня и огляделся по сторонам.

– Спать будем здесь, – объявил он.

Место нашей новой ночевки оказалось еще хуже предыдущего. Здесь даже не нашлось камней, которые хранили бы солнечное тепло, лишь сухие ветки, и никакой травы для уставших талди.

– Вы спятили! – проскрипел я, прежде чем вспомнил, что должен продемонстрировать Девара почтение.

Впрочем, в те минуты я вообще ни о чем не мог думать, кроме воды.

Девара уже прыгнул на землю. Он окинул меня равнодушным взглядом и заявил:

– Ты должен меня слушаться, солдатский сынок. Так сказал твой отец.

Пришлось подчиниться. Я слез со своей кобылы и принялся озираться по сторонам, однако ничего особенного не увидел. Я решил, что если меня подвергли какому-то испытанию, то, похоже, я его не выдержал. Как и предыдущим вечером, Девара, скрестив ноги, уселся на сухую землю. Мне показалось, что он всем доволен и с удовольствием наблюдает за тем, как спускается ночь.

Голова у меня болела, я до тошноты хотел есть, но понимал, что если сумею уснуть, то все пройдет. Я решил, что на сей раз постараюсь устроиться удобнее, нежели прошлой ночью, и выбрал место подальше от Девара, где, как мне показалось, было больше песка, чем камней. Я не забыл, как он подкрадывался ко мне утром. Я вырыл руками в песке небольшое углубление размером с собственное тело, чтобы свернуться внутри калачиком, рассудив, что таким образом сумею сохранить чуть больше тепла. Я вынимал из ямки мелкие камни, когда Девара встал и потянулся. Затем он подошел к моей «постели» и окинул ее презрительным взглядом.

– Собираешься снести парочку яиц? Отличное гнездо для мудрой курицы.

Чтобы ему ответить, мне пришлось бы разлепить непослушные губы, поэтому я оставил его насмешку без внимания. Я никак не мог понять, почему жажда и голод, терзающие меня, его словно бы не касались. Словно в ответ на мои мысли, Девара пробормотал:

– Слабак.

Затем он отвернулся и снова уселся на прежнее место. Чувствуя себя ужасно глупо, я забрался в ямку, закрыл глаза, в которые, казалось, кто-то насыпал по пригоршне песка, и молча произнес молитву, попросив доброго бога дать мне силы и помочь понять, чему, по мнению отца, этот человек может меня научить. Вероятно, лишения нужны для того, чтобы проверить, на что я гожусь. Или враг моего отца решил нарушить условия сделки и будет издеваться надо мной, пока я не умру.

Возможно, мой отец ошибся, когда поверил ему.

А может быть, я действительно слабак и предаю отца, сомневаясь в правильности его решения. «Надеюсь, что смогу тобой гордиться, сын», – сказали его глаза на прощание. Я снова попросил доброго бога дать мне мужества и отваги, а потом попытался уснуть.

Глубокой ночью я проснулся, потому что почувствовал запах колбасок. Нет. Запах копченого мяса. Какая глупость! И тут я различил едва уловимый звук: булькала вода, переливаясь в мехе. Я решил, что у меня начались галлюцинации. Но я вновь услышал тот же звук, а затем легкий плеск, когда Девара убрал мех от губ. Мне пришло в голову, что в его широкой одежде легко можно спрятать мех с водой и несколько кусков сушеного мяса. Я с трудом разлепил веки и открыл глаза. В мире нет ничего чернее, чем ночь в Средних Землях. Далеким звездам наплевать на то, что происходит внизу, на земле. Я не видел Девара.

Сержант Дюрил часто говорил мне, что голод, жажда и недостаток сна заставляют человека принимать неправильные решения. Он сказал, что, став немного старше, я смогу добавить к этому списку еще и похоть. Я задумался. Что это – проверка моей выносливости и стойкости? Или старинный враг обманул отца? Должен ли я подчиняться Девара даже в том случае, если он ведет меня к смерти? Следует ли верить в правильность решения отца или принять собственное? Мой отец старше и мудрее меня. Но его здесь нет, а я есть. Я слишком устал и

измучился от жажды, чтобы мыслить связно. И все же мне нужно принять решение. Подчиниться или нет? Верить или нет?

Я закрыл глаза и обратился к доброму богу за советом, однако услышал лишь тихую песню ветра, звучащую над равниной. Я крепко заснул, и мне приснился отец. Он сказал, что если я хочу быть достойным сыном, то должен все выдержать. Потом сон изменился, и сержант Дюрил заявил, что он всегда знал, какой я дурак, ведь даже маленький ребенок никогда не отправится на равнину без воды и пищи. А идиоты заслуживают смерти. Сколько раз он мне это говорил? Если человек не в состоянии сам о себе позаботиться, пусть его убьют, чтобы он не навлек беду на весь полк. Я проснулся и несколько минут лежал без сна. Я оказался во власти дикаря, который явно испытывает ко мне неприязнь. У меня нет ни воды, ни пищи. Более того, вряд ли мне удастся найти воду на расстоянии одного дня пути от нашей стоянки. Да и продержаться еще один день без воды я не смогу. Меня охватило уныние. Потом я принял решение, однако счел лучшим подождать до утра.

При первых проблесках рассвета я выбрался из своей ямки и подошел к Девара. У него были открыты глаза, и он внимательно за мной наблюдал. Попытка открыть рот причинила мне невероятную боль, но я все равно умудрился прохрипеть:

– Я знаю, что у вас есть вода. Пожалуйста, дайте мне немного.

Он медленно сел.

– Нет. – Его рука уже лежала на рукояти «лебединой шеи», у меня же не было никакого оружия. Девара ухмыльнулся и добавил: – Попробуй отнять ее.

Я стоял перед ним, физические страдания, усугубленные ненавистью, боролись во мне со страхом. В конце концов я решил, что хочу жить.

– Я не дурак, – ответил я, отвернулся и направился к талди.

– Говоришь, не дурак, да? Значит, трус? – крикнул он мне в спину.

Его слова ударили меня, словно предательский кинжал, но я сделал вид, что не слышал их.

– Кикша. Стоять.

Кобыла подошла ко мне.

– Иногда человеку, чтобы выжить, приходится драться. И он должен драться, вне зависимости от обстоятельств. – Девара встал и вытащил из ножен свое оружие. Бронзовый клинок в лучах восходящего солнца казался золотым. Лицо дикаря потемнело от гнева. – Отойди от моего животного. Я запрещаю тебе к нему прикасаться.

Я схватился за гриву и забрался на спину Кикши.

– Твой отец сказал, что ты будешь меня слушаться. Ты сказал, что будешь меня слушаться. А я сказал, что, если не будешь, я тебе порежу ухо.

– Я найду воду. – Не знаю, почему я ответил именно так.

– Ты бесчестный человек. И твой отец тоже. А я всегда свое слово держу! – крикнул он мне вслед, когда я тронул кобылу коленями. – Дедем. Стоять!

Услышав это, я пустил Кикшу галопом. Отсутствие воды ослабило ее не меньше, чем меня, но она не возражала, и мы помчались прочь. Я слышал громкий топот копыт Дедема у себя за спиной. «Это безнадежно», – подумал я, изо всех сил стараясь удержаться на спине Кикши.

Скакун Девара был сильнее моей кобылы, и я не сомневался в том, что они нас догонят. Передо мной стояли две цели: уйти от Девара и отыскать воду, прежде чем силы окончательно оставят Кикшу, ибо без нее мне домой не добраться. Я сжал ее бока коленями и направил назад по нашим следам, смутно понимая, что, выбрав этот путь, через два дня смогу найти воду. Человек может обходиться без воды и пищи в течение четырех суток – так мне говорил сержант Дюрил. Однако по доброте душевной он всегда добавлял, что в действительности это маловероятно, поскольку в игру вступают усталость и напряжение, а тот, кто полагается на свой

рассудок, не сделав за два дня и глотка воды, скорее всего, умрет от собственной глупости. Мне было совершенно ясно, что моя лошадка не выдержит обратного пути, как, впрочем, и я сам. С другой стороны, в голове у меня царил полная неразбериха – впервые в жизни я пытался спасти свою жизнь и, делая это, нарушил приказ отца. Оба этих соображения были для меня одинаково пугающими.

Мне не удалось уйти далеко, поскольку кидона почти сразу же бросился вдогонку за мной. Как я ни понукал Кикшу, ничего у нас не вышло, и вскоре Девара уже скакал рядом со мной. Я отчаянно цеплялся за гриву кобылки и прижимался к ее шее – а что еще я мог сделать? Увидев, как Девара вытащил свой клинок, я шлепнул Кикшу по крупу, но она уже не могла бежать быстрее.

Смертоносное оружие пронеслось у меня над головой, и я попытался лягнуть Девара, больше чтобы его отвлечь, нежели с какой-либо еще целью, но чуть сам не свалился с талди, когда она запнулась. Сверкающий в лучах солнца клинок снова возник у меня над головой, и Девара, верный своему слову, мастерски отсек мне кусок уха. При этом он задел кожу на голове, и я тут же почувствовал, как по шее потекла теплая кровь. Я взвыл от боли и ужаса, и воспоминание об этом вопле навсегда останется со мной. Охватившая меня паника мешала оценить, насколько серьезно ранение. Мне оставалось только, прижавшись к Кикше, продолжать мчаться вперед. Я знал, что мне не спастись и следующий удар «лебединой шеи» будет для меня последним.

Как это ни удивительно, но Девара меня отпустил.

Мне потребовалось совсем немного – или много? – времени, чтобы это понять. Я скакал вперед, рана отчаянно болела, а сердце с такой силой колотилось о ребра, что мне казалось, будто оно сейчас выпрыгнет из груди. Каждую секунду я ждал удара, который навсегда погасит для меня свет жизни. Кровь грохотала в ушах, и поначалу я не сообразил, что топот копыт Дедема постепенно стихает вдаль. На всякий случай я с опаской посмотрел вбок, а затем оглянулся. Девара, не шевелясь, сидел на своем талди и смотрел мне вслед. Он смеялся надо мной. Я не слышал его хохота, даже не видел улыбки, но знал, что это так. Его презрение обожгло меня, а он поднял над головой свое страшное оружие и с надменным видом помахал другой рукой в воздухе.

Охваченный стыдом, весь в крови, я бросился прочь от него, словно дворняжка, которую пнули ногой. В моем организме уже не осталось жидкости для слез, иначе я бы разрыдался от охватившего меня стыда и унижения. Рана на голове довольно скоро затянулась и покрылась коркой, наполовину состоящей из пыли. Я продолжал двигаться вперед, не останавливаясь ни на минуту. Кикша теперь бежала медленнее, а у меня не осталось сил, чтобы заставить ее прибавить шаг. Некоторое время я пытался направлять ее по нашим следам, ведущим к шатру Девара, но мы почти сразу сбились с пути, а маленькая талди твердо решила, что будет так, как она считает нужным. Я не стал спорить, найдя себе оправдание в словах сержанта Дюрила, часто повторявшего мне, что я должен доверять лошади, если нет другого выбора.

К концу дня я полностью отдался на волю Кикши и был озабочен лишь тем, чтобы с нее не свалиться. Она едва передвигала ноги, а у меня кружилась голова. Над нашими головами с ярко-голубого неба проливалось свое тепло неутомимое солнце. Голод, на время отступивший, вернулся, меня тошнило, и от этого пересохшее горло болело еще сильнее. Когда я следовал за Девара, мне казалось, что мы направляемся в какое-то определенное место, и, несмотря на все сомнения, я чувствовал себя в безопасности. Но вот теперь день сменился ночью, на небе показались звезды, и я понял, что заблудился.

Хуже того, я запутался в собственной жизни. Я послушался и отца, и Девара. Я, не имевший их жизненного опыта, посчитал, что лучше, чем они, знаю, как следует поступить. Если я здесь умру, мне некого винить, кроме себя самого. Возможно, меня подвергли испытанию, желая проверить, на что я способен, а я сбежал. И если бы я попытался силой отнять у Девара

воду, тот стал бы уважать меня за храбрость и дал бы мне напиться. Может быть, мое бегство показало, что я трус и заслуживаю смерти. Я останусь на этой равнине навсегда, мое тело станет добычей насекомых и птиц, а кости превратятся в пыль. Отцу будет больно и стыдно, когда Девара расскажет ему о моем малодушии. Охваченный безнадежностью, я продолжал ехать вперед.

На следующее утро Кикша нашла воду. Моей заслуги в этом не было никакой.

Тот, кто говорит, что на наших равнинах нет воды, правы лишь наполовину. Вода есть, но по большей части она течет под поверхностью земли и выходит наружу, только когда ее вынуждают особенности местности. Кикша нашла такое место. Каменистое русло, по которому она упорно шла, этой весной высохло, точно давным-давно обглоданная кость, но маленькая кобылка не сворачивала с выбранного пути, и в конце концов мы вышли к небольшому скоплению камней, выдавивших наружу воду. Я увидел крохотный заболоченный прудик размером не больше двух лошадиных стойл. Зеленая вода кишела жизнью.

Я сполз на землю, проковылял два шага и плюхнулся на живот прямо в эту жижу. Потом, опустив лицо в тонкий слой воды, начал потихоньку втягивать ее в себя, осторожно пропуская между зубами. Напившись, я продолжал неподвижно лежать, стараясь пропитать влагой разбухший язык и потрескавшиеся губы. Рядом со мной пила Кикша, время от времени она громко вздыхала и снова опускала голову в прудик. Наконец я услышал, как она с громким плеском вышла из воды и остановилась на заболоченном берегу, занявшись жалкой травой, растущей вокруг. Я ей позавидовал.

Медленно поднявшись на ноги, я стер с лица и рук липкую грязь. Я чувствовал, как внутри у меня булькает вода – ее было столько, что меня едва не стошнило. Тогда я решил изучить наше крошечное убежище и сразу понял, что оно находится чуть ниже раскинувшейся вокруг равнины. Я даже слышал неумолчный шепот ветра у себя над головой, но сюда, вниз, он не залетал. Я замер на месте, и в пруду вновь закипела маленькая жизнь – завели свою нескончаемую песнь насекомые, над водой повисла стрекоза, красные лягушки, сбежавшие при нашем появлении, снова выбрались на поверхность. Яркие, точно капли пролитой крови, они украшали плавучие растения и толстый тростник на берегу. Они страшно ядовиты, и я обрадовался, что они прятались, пока мы пили. Когда я был совсем маленьким, одна из наших собак умерла только оттого, что взяла такую лягушку в рот. Даже трогать их опасно, после этого долго зудит и болит кожа.

Я сорвал и съел несколько знакомых растений – хоть что-то, чтобы притупить голод, но мне не удалось обмануть свой желудок, и он тут же начал жалобно ворчать. Я не смог найти ничего подходящего, чтобы прихватить с собой воду, и меня приводила в ужас мысль о том, что, пока я доберусь до дома, мне снова придется испытать мучительную жажду. Но настоящим кошмаром стало для меня видение неизбежной встречи с отцом, чьи ожидания я обманул. Эти печальные размышления снова привели меня к пруду. Я смыл запекшуюся кровь с шеи и уха, которое больше никогда не станет прежним и до конца дней станет служить напоминанием о моем бесчестии. До самой смерти, если кто-то спросит меня об изуродованном ухе, я буду вынужден рассказать, что это память о том, как я не выполнил волю отца и не сдержал собственное слово.

Маленький пруд окружали участки жесткой, пропеченной солнцем земли, свидетельствовавшие о том, как усох пруд после зимы. Я принялся изучать следы и увидел, что, когда земля была еще сырой, здесь побывал маленький кустарниковый олень, две другие цепочки следов указывали на большую кошку и дикую собаку. На краю потрескавшейся голой земли в тени мертвого деревца торчала сухая трава. Я набрал две горсти и подошел к Кикше. В первый момент, когда я принялся стирать с ее спины и боков грязь и пот, она испугалась, но довольно скоро решила, что ей эта процедура нравится. Я же уверился в том, что мое прежнее воспита-

ние было правильным и я должен заботиться о своей лошади. Мне вообще не следовало слушать Девара – ни в чем.

Закончив, я устроился среди жесткой травы, решив проспать до вечера, встать, выпить как можно больше воды и отправиться в путь, полагаясь на свет звезд. Я сломал мертвое деревце, а затем ободрал с него сухие ветки – не слишком надежное оружие, но ночью к воде мог прийти кто угодно. Все-таки это лучше, чем ничего. Я положил палку рядом с собой и улегся спать. Я боялся встречи с отцом, но отчаянно хотел снова оказаться дома. Я закрыл глаза, слушая дружную песнь насекомых и верещание красных лягушек.

Глава 4

Переправа по мосту

Я проснулся и обнаружил, что уже наступили сумерки и ночь собирается спуститься на равнину. Я лежал не шевелясь и напрягал все свои чувства, чтобы понять, чем вызвано мое пробуждение. И тут сообразил: тишиной. Я заснул под немолчный гомон насекомых и лягушек. Теперь же они затихли и куда-то попрятались.

Во сне я продолжал держать свою палку и теперь, сжав ее посильнее, скосил глаза, чтобы посмотреть, где Кикша. Она стояла неподалеку, напряженно к чему-то прислушиваясь. Я поднял взгляд, чтобы выяснить, что же ее так заинтересовало, и сначала ничего не заметил, но уже в следующее мгновение увидел на фоне темнеющего неба силуэт Девара. Я моментально вскочил на ноги и, повернувшись к нему лицом, принял боевую стойку, выставив вперед палку, словно она была самой настоящей пикой. Я сам поразился тому, какие страх и ненависть проснулись в моей душе. Оружие Девара оставалось в ножнах у него на боку. Я вдруг подумал, что он, наверное, даже не позаботился стереть с него мою кровь. В моем арсенале была жалкая палка и неполные шестнадцать лет, и мне предстояло противопоставить их сильному, опытному воину.

Не сказав мне ни единого слова, Девара начал спускаться по склону к пруду. Я приготовился к поединку, неожиданно почувствовав, как на меня снизошло невероятное спокойствие – я знал, что умру здесь и сейчас. Он встретился со мной глазами и обнажил зубы в хищной улыбке.

– Ты, думаю, выучить урок, – насмешливо проговорил он.

Я молчал.

– Красивое ухо, – продолжал он. – Так женщины помечают козлов.

Девара расхохотался, и я понял, что ненавижу его всем сердцем. Он это знал, но ему было все равно. Присев на корточки, он почесал плечо, словно я не представлял для него никакой опасности, а затем засунул руку куда-то внутрь своего свободного одеяния и вытащил сверток, из которого вытряхнул маленькую палочку. Мой нос сразу же сообщил мне, что это копченое мясо. Девара демонстративно покрутил его в пальцах, чтобы я мог хорошенько его рассмотреть, и мой несчастный желудок жалобно заурчал. Кидона засунул палочку в рот и, облизнув губы, принялся громко чавкать.

– Есть хочешь, солдатский сынок? – Он помахал в воздухе свертком с мясом.

– Дайте мне, – потребовал я.

Собственные слова удивили меня до крайности, и я тут же пожалел, что произнес их. Я был бессилен заставить его подчиниться моему приказу. При виде еды рот у меня наполнился слюной. Я должен был получить это мясо. Да, я буду за него драться, поскольку лучше умереть в бою, чем от голода и унижения. Выставив перед собой свое жалкое оружие, я медленно направился к Девара. Он понял, что я собираюсь сделать, и, снова улыбнувшись, приготовился к нападению. Не отводя глаз от его «лебединой шеи», я продолжал наступать.

Когда до кидона оставалось примерно десять футов, он вдруг резко вскочил на ноги. Я даже не заметил, как он вытащил свой смертоносный клинок, но в следующее мгновение он сверкнул в лучах заходящего солнца.

– Хочешь мяса? Иди и возьми, солдатский сынок, – насмешливо проговорил Девара.

Не знаю, кто из нас удивился больше, когда я бросился на него, попытавшись сбить с ног палкой, но она оказалась слишком хрупкой и тут же сломалась. Девара зарычал – больше от гнева, нежели от боли, – размахнулся «лебединой шеей» и разрубил остатки моего «оружия» пополам.

Я швырнул их кидона в голову, не попал и тогда набросился на него, надеясь успеть причинить ему хоть какой-нибудь вред, прежде чем он меня прикончит. К моему удивлению, Девара перехватил оружие и нанес мне короткой рукояткой сильнейший удар в живот. Я потерял равновесие и, отлетев на несколько шагов, упал на жесткую землю. От удара из глаз у меня посыпались искры, перехватило дыхание, внутренности обожгло нестерпимой болью.

Я бессмысленно открывал рот, пытаясь втянуть в легкие хоть немного воздуха, перед глазами поплыли черные круги. Лежа на песке, я даже не чувствовал унижения, так я был напуган. Девара отошел от меня на пару шагов и убрал оружие в ножны. Все это он проделал, повернувшись ко мне спиной. Я, конечно же, понял, что он хотел мне показать – я не тот враг, которого ему следует бояться.

Когда кидона снова повернулся, я увидел, что он смеется, словно над веселой шуткой, а затем он достал из свертка кусок мяса и швырнул его мне. Я перекатился на бок и попытался его поймать, но промахнулся, и оно упало в грязь.

– Ты выучил урок. Ешь, солдатский сынок. Завтрашний урок будет гораздо труднее.

Прошло несколько минут, прежде чем я смог сесть. До сих пор мне не доводилось испытывать такой страшной боли. По сравнению с этим синяки от метательных снарядов сержанта Дюрила были все равно что материнский поцелуй. Я вздохнул: теперь в моче у меня появится кровь, и оставалось надеяться, что внутренности остались более-менее в целости и сохранности. Девара же, не обращая на меня внимания, обошел пруд, потом подобрал кусок моей палки и задумчиво помешал воду, видимо, чтобы разогнать лягушек.

Никогда еще я не испытывал такого унижения, я страстно ненавидел жестокого кидона, но еще сильнее презирал свою слабость. Я смотрел на кусок мяса, лежащий в грязи, отчаянно хотел его поднять и стыдился того, что собираюсь принять еду из рук врага. Через некоторое время я взял мясо, вспомнив слова сержанта Дюрила, что в трудной ситуации человек должен сделать все для поддержания в себе сил и сохранения ясного рассудка. Предательские мысли о том, что я просто придумываю оправдания, меня, конечно же, посетили, но я побыстрее их прогнал. Опасаясь, что Девара решил сыграть со мной очередную шутку, я понюхал мясо, прикидывая, смогу ли уловить запах яда. Но как только я поднес мясо к носу, мой несчастный желудок жалобно застонал, и я почувствовал, как у меня закружилась голова. Девара фыркнул.

– Ешь, солдатский сынок. Или ты еще не слишком хорошо выучил свой урок? – поинтересовался он.

– Я ничему у вас не научился, – прорычал я и впился зубами в мясо.

Оно оказалось очень жестким, и мне пришлось сначала хорошенько его пожевать, чтобы оторвать хотя бы маленький кусочек. Я жадно заглатывал сухие волокна, и они оцарапали мне горло. Мясо закончилось слишком быстро. Я жевал, не сводя с Девара глаз, и меня покорило, когда я увидел в его взгляде одобрение. Он издал необычный звук, словно пощелкал зубами, и я услышал тяжелый топот копыт Дедема – лошак появился на холме и начал быстро спускаться вниз. Войдя в воду, он принялся с шумом пить.

Девара подошел к противоположному берегу пруда и опустил на колени. Затем очистил руками поверхность от мелких растений и тоже приник к воде.

Напившись, он вышел на сухой участок земли и начал устраиваться на ночь, благо та уже вступила в свои права. С трудом преодолевая охватившую меня ярость, я не сводил с Девара глаз. А его непоколебимая уверенность в том, что я не представляю для него никакой опасности, и равнодушие к тому, что он меня изуродовал, стали самым жестоким оскорблением за всю мою жизнь. Но я заставил себя проглотить обиду и спросил:

– Зачем вы сюда приехали? – выпалил я, однако мое возмущение прорвалось-таки наружу, но даже мне самому показалось каким-то детским.

Он даже не открыл глаз.

– У тебя моя талди. Я тебе сказал. Кидона держат свое слово. Я должен вернуть тебя живым в дом твоей матери.

– Мне не нужна ваша помощь, – прошипел я.

Тогда он приподнялся и, опираясь на локоть, посмотрел на меня.

– Даже моя Кикша, на которой ты едешь, она тоже тебе не нужна? И мясо, что ты сейчас съел? – Он улегся на спину и, почесав грудь, собрался отойти ко сну, но не удержался и язвительно добавил: – Хорошо. Завтра будешь есть свою гордость. У тебя ее полно. Очень сытно. Завтра мы начнем делать из тебя кидона. – Делать из меня кидона? Я не хочу быть кидона.

Девара коротко рассмеялся:

– Конечно хочешь. Каждый мужчина хочет стать тем, кто его победил. Каждый юноша, в ком есть хоть капля воина, в глубине души желает быть кидона. Даже те, кто не знает, кто такие кидона, стремятся быть на них похожими, это будто сон, который еще только должен присниться. Ты мечтаешь стать кидона, и я разбужу в тебе эту мечту. Так пожелал твой отец, даже если побоялся сказать вслух.

– Мой отец хочет, чтобы я стал офицером и джентльменом в кавалле его королевского величества, чтобы я следовал рыцарским традициям и прославил наш род, как это делали все Бурвили с тех пор, как начали служить королям Гернии. Я солдат, второй сын лорда и мечтаю только об одном – быть полезным королю и своей семье.

– Завтра мы сделаем тебя кидона.

– Я никогда не стану кидона. Я знаю, кто я есть!

– И я тоже, солдатский сынок. А теперь спи.

Девара прочистил горло, откашлялся и замолчал. А вскоре его дыхание стало ровным и глубоким – он уснул.

Не в силах справиться с гневом, я подошел к нему и остановился. Он приоткрыл глаза, посмотрел на меня, демонстративно зевнул и снова опустил веки. Девара не боялся, что я могу прикончить его во сне. Он использовал мою честь в качестве оружия, направленного против меня. Это было вдвойне оскорбительно, поскольку я бы и так никогда не опустился до подобной низости. Я стоял над ним, больше всего на свете желая, чтобы он сделал какое-нибудь угрожающее движение в мою сторону, тогда я мог бы на него броситься и попытаться прикончить. Напасть на спящего человека, который только что не воспользовался возможностью разделаться со мной, когда я валялся у его ног, – это хуже, чем бесчестье. Да, я чувствовал себя униженным, но не мог и не стал бы этого делать.

Я устроился как можно дальше от Девара, свив себе гнездо из сухой травы. Мне казалось, что ненависть и гнев не дадут мне уснуть, но на удивление быстро провалился в сон. В пятнадцать лет тело требует отдыха вне зависимости от того, как сильно болит душа. Каким-то непостижимым образом я забыл о своих планах отправиться в путь ночью и отыскать дорогу домой по звездам. Лишь много лет спустя я осознал, насколько ловко Девара вернул контроль надо мной, но так и не понял, как это ему удалось.

На следующее утро Девара радостно приветствовал наступление нового дня, добродушно поздоровался со мной и вел себя так, словно никаких разногласий между нами и не было. Я не понимал, что происходит. У меня болело все тело, и я, тайком от него изучив свою грудь и живот, обнаружил огромный синяк. Рана на ухе весьма чувствительно ныла, и я ни за какие блага мира не собирался идти на примирение. Я почти надеялся, что Девара каким-нибудь образом оскорбит меня и тогда я смогу с ним поквитаться. Однако он весело шутил и болтал о пустяках. А когда я отнесся к таким переменам с подозрительностью, он похвалил меня за осторожность. Когда я продолжил хранить мрачное молчание, он принялся превозносить мою сдержанность настоящего воина.

Иными словами, как бы я ни старался продемонстрировать ему свое отношение, он находил в моем поведении что-нибудь достойное доброго слова. Если я сидел совершенно непо-

движно, упорно отказываясь ему отвечать, он начинал восхищаться моей выдержкой и говорил, что мудрый воин бережет силы, пока не сможет окончательно оценить ситуацию, в которой оказался.

В общем, Девара стал совершенно другим человеком по сравнению с тем, каким был накануне. Я разрывался между радостным удивлением и уверенностью, что в глубине души он продолжает надо мной издеваться. Его дружелюбное поведение делало мою враждебность смешной и детской даже в моих собственных глазах. Он вел себя крайне любезно и вежливо, и мне было трудно сохранять неприязнь к нему, особенно учитывая, что он старался подключать меня ко всем своим делам, а заодно подробно объяснял, чем и для чего он занимается. Мой жизненный опыт не подготовил меня к тому, что сейчас происходило. Я то и дело спрашивал себя, не безумец ли он, а потом сомневался в здравье собственного рассудка.

Сбитым с толку юношей легче манипулировать.

Утром Девара предложил мне мяса, не дожидаясь, пока я его попрошу, и показал, как он использует водяные растения в качестве фильтра, когда набирает воду в свои продолговатые бурдюки. Думаю, они были сделаны из кишок каких-то животных. А еще он поймал несколько красных лягушек, ловко избежав прикосновения к ним голыми руками, и положил их на большой плоский камень довольно далеко от пруда. Они почти сразу изжарились и усохли на солнце. Тогда Девара сделал сверток из плоских жестких листьев сворта, единственных кустов, что здесь росли, и аккуратно засунул их в один из карманов своего свободного одеяния.

Вскоре я начал понимать, что, хотя мы покинули его лагерь с пустыми руками, на самом деле Девара прекрасно подготовился к нашему путешествию и у него было все необходимое, чтобы выжить. Но, обращаясь к нему с просьбами, я буду вынужден признать, что завишу от него.

Он вел себя со мной так добродушно и жизнерадостно, что мне было неловко за свою сдержанность, однако я никак не мог заставить себя ему поверить. Совершенно неожиданно для меня Девара превратился в настоящего наставника, словно наконец решил, что станет учить меня тому, о чем просил его мой отец. Когда мы сели на талди в то первое утро у пруда, я решил, что мы поедем к его шатру, который остался стоять неподалеку от моего дома. Девара, как всегда, указывал дорогу, а я следовал за ним. В полдень мы остановились, и мой учитель, протянув мне маленькую рогатку, показал, как ею пользуются кидона, а потом велел потренироваться. Затем мы оставили наших талди и отправились в заросли кустов на краю оврага. Он сбил первую же увиденную нами куропатку, и я поспешил свернуть ей шею, пока она не оправилась. Второй птице он сломал крыло, и мне пришлось за ней погоняться, пока я ее не поймал. Я сумел сбить свою единственную куропатку только ближе к вечеру, да и то швырнув в нее довольно большой камень.

Ночью мы развели костер, приготовили мясо и разделили воду, словно были настоящими друзьями. Я почти ничего не говорил, но Девара неожиданно стал ужасно болтливым. Он принялся рассказывать мне бесконечные истории из тех времен, когда сам был воином и кидона нападали на своих живущих на равнинах соседей. Они изобиловали кровавыми подробностями, живописующими изнасилования и мародерство. Девара весело смеялся, вспоминая эти «победы». Затем он перешел к «небесным легендам», повествующим про созвездия. Лейтмотивом большинства его героических баек был обман, воровство и кража чужих жен. Я понял, что удачливый вор вызывает у кидона восхищение, а тот, кому не повезло, платит за свои ошибки собственной жизнью. Мне все это было странно, а мораль кидона удивляла. Я заснул в разгар истории про семь красавиц сестер и шутника, который соблазнил всех семерых, сделал им детей и умудрился ни на одной не жениться.

У кидона нет письменности, и потому свою историю они передают изустно из поколения в поколение. Сейчас Девара передавал мудрость своего народа мне, и я многое узнал за это время. Порой, когда мой наставник начинал что-то рассказывать, я слышал в его историях эхо

бесконечных повторений. Самые древние из них относились к тем временам, когда кидона были оседлым племенем и обитали у подножия гор. Пятнистый народ прогнал их с обжитых земель, лишив крова, а проклятие захватчиков сделало кидона кочевниками, которые вынуждены кормиться за счет набегов и воровства, вместо того чтобы ухаживать за садами и полями.

То, как Девара говорил про пятнистых, называя их могущественными колдунами, которые живут, наслаждаясь своими несметными сокровищами, озадачивало меня несколько дней. Кто же эти люди с пятнистой кожей, чья магия способна напустить на своих врагов ветер смерти? Когда я наконец сообразил, что Девара имеет в виду спеков, то испытал чувство сродни тому, что возникает, когда видишь портрет знакомого тебе человека.

Мое представление о спеках как о примитивном племени, живущем в лесах, неожиданно сменилось нарисованным моим наставником образом сильного и очень опасного врага. Я решил, что, поскольку спеки каким-то образом сумели заставить кидона покинуть свои земли и стать кочевниками, народ Девара наделил их огромным и легендарным могуществом, чтобы тем самым оправдать свое поражение. Такой вывод меня немного беспокоил, ибо я знал, что он не может быть верным. Что-то вроде досок, которыми заколачивают выбитое окно. Холодный ветер другой правды проникал внутрь, и мне становилось не по себе.

Я никогда не испытывал тепла искренней дружбы или настоящего доверия к Девара, но в последующие дни он учил, а я учился. Благодаря его стараниям я стал ездить верхом, как это делают кидона: садиться на талди на бегу, прижиматься к гладкой, голой спине лошадки, направлять ее едва заметными движениями пяток, соскальзывать на землю даже во время бешеного галопа, свернувшись в клубок, чтобы либо распластаться на земле, либо быстро вскочить на ноги. Мой джиндобе – язык, изначально созданный, чтобы все народы, населяющие равнины, могли торговать между собой, – стал более беглым.

Я никогда не был упитанным юношей и благодаря отцу и сержанту Дюрилу всегда оставался стройным и сильным. Но за те дни, что провел с Девара, стал мускулистым и жилистым, точно кусок вяленой оленины. Мы ели только мясо или кровь. Сначала я постоянно страдал от голода и мечтал о хлебе и сладостях, я бы даже от репы не отказался, но все прошло, словно наваждение, уступив место диковинной радости от мысли о том, как мало еды мне нужно. Это удивительное ощущение, и описать его очень трудно. На пятый или шестой день после отъезда из дома я потерял счет времени и стал принадлежать только Девара. Потом мне ни разу не удалось описать состояние моего ума и тела в те дни даже тем немногим близким людям, с кем делился впечатлениями о своем обучении у воина кидона.

Почти каждый день мы охотились из рогаток на фазанов и кроликов, а когда нам не удавалось добыть хоть что-нибудь на обед, пили кровь наших лошадей. Девара делился со мной вяленным мясом и водой, но и то и другое приходилось экономить. Мы часто разбивали лагерь в местах, где не было воды, и далеко не всегда разводили костер, но меня это больше не трогало. Каждый вечер перед сном Девара рассказывал мне истории, и я постепенно начал постигать представления его народа о добре и зле. Сделать ребенка чужой жене, чтобы другой воин его кормил и растил, считалось отличной шуткой. Если ты украл и тебя не поймали, значит ты исключительно умен. В противном же случае ты дурак и не заслуживаешь ни сочувствия, ни великодушия.

Если у тебя есть талди, жена и дети, то ты богат и боги к тебе благоволят, а потому остальные соплеменники должны прислушиваться к твоему мнению. Если же человек беден или его талди, жена или дети умирают, значит он либо глуп, либо проклят богами, и тогда обращать на него внимание – пустая трата времени и сил.

Мир, в котором жил Девара, был жестоким и безжалостным, в нем не оставалось места состраданию. Я не мог его принять, но в определенном смысле сумел посмотреть на жизнь глазами кидона. Следуя его бескомпромиссной логике, мой народ победил их и теперь вправе требовать повиновения. Кидона презирали и ненавидели нас, однако по их законам получа-

лось, что мы смогли их одолеть потому, что боги были на нашей стороне, а потому они обязаны нас слушаться.

Попросив его стать моим наставником, мой отец оказал Девара честь, и кочевник гордился этой честью. То, что в ходе обучения он мог задирать меня и жестоко со мной обращаться, тешило его самолюбие и наверняка должно было стать предметом зависти соплеменников. Девара получил сына своего врага в полное распоряжение и не собирался проявлять ко мне милосердие. Он множество раз с гордостью заявлял, что мне до конца дней суждено носить знак, оставленный его оружием.

Девара часто меня дразнил, повторяя, что я не так плох для гернийского щенка, но ни один гернийский щенок не может стать таким же сильным, как равнинный медведь кидона. Он каждый день надо мной потешался – пожалуй, так стал бы вести себя добродушный дядюшка, – но никогда не подпуская меня к себе слишком близко. Думаю, я заслужил некоторое уважение, когда он начал учить меня сражаться при помощи «лебединой шеи». Девара даже неохотно признал, что мне удалось добиться определенных успехов, хотя он всякий раз добавлял, что мои «руки, касавшиеся железа», испорчены этим злым металлом, и поэтому мне не суждено обрести мастерство истинного воина.

– Я слышал, как ты просил отца дать тебе пистолеты в уплату за мое обучение, – возразил я. – А ведь они сделаны из железа.

– Твой отец причинил мне вред, когда выстрелил в меня железной пулей, – пожав плечами, сказал он. – Потом он сковал железом мои запястья, с тех пор вся моя магия заперта внутри меня. Она так ко мне и не вернулась до конца. Наверное, небольшой кусочек его железа по-прежнему живет во мне. – Девара показал на свое плечо, где остался шрам от выстрела моего отца. – Он умный человек, твой отец. Он отнял у меня магию. Поэтому я попытался его обмануть. Если бы мне это удалось, я бы забрал у него его магию и направил ее против вашего народа. Но он сказал «нет». Он думает, что так будет всегда, но торговать можно и с другими людьми. Посмотрим, чем все закончится.

Он кивнул каким-то собственным мыслям, и мне это очень не понравилось. В тот момент я во всех смыслах был сыном своего отца, сыном офицера каваллы короля Тровена, и решил, что по возвращении непременно должен предупредить его о планах, которые вынашивает Девара.

Чем дольше я оставался с моим наставником и жил как самый настоящий кочевник, тем сильнее было охватывавшее меня ощущение, будто я нахожусь сразу в двух мирах и совсем скоро полностью погружусь в мир кидона. Я слышал, что такое не раз случалось с солдатами или с теми, кто слишком много общался с жителями равнин. Наши разведчики постоянно прятались за языком, одеждой и обычаями дикарей. Странствующие торговцы продавали жителям равнин инструменты, соль и сахар, а взамен получали меха и самые разные вещи ручной работы и тем размывали границы между нашими культурами.

Мы нередко слышали истории о гернийцах, зашедших слишком далеко и принявших законы жителей равнин. Они брали в жены их женщин и начинали носить одежду кочевников. Про таких говорили, что они стали дикарями. Никто не спорил с тем, что эти люди до определенной степени полезны в роли посредников между двумя мирами, но их не слишком уважали, еще меньше доверяли и практически не принимали в приличном обществе. А их детей-полукровок и вовсе туда не допускали. Иногда я задавал себе вопрос, что стало с разведчиком Халлораном и его хорошенькой дочерью.

Раньше у меня не укладывалось в голове, как цивилизованный человек по собственной воле может стать дикарем, но теперь я начал понимать скрытые мотивы подобных поступков. Находясь рядом с Девара, я испытывал почти непреодолимое желание сделать что-нибудь такое, что произведет на него впечатление – в соответствии с его системой ценностей. Одно время я даже обдумывал, не украсть ли у него что-нибудь, дабы продемонстрировать свою лов-

кость, после чего ему пришлось бы признать, что я не такой уж дурак. Воровство находилось далеко за гранью моральных принципов, на которых меня воспитывали, однако я часто ловил себя на обдумывании деталей преступления, призванного завоевать уважение Девара. Иногда я выплывал на поверхность таких размышлений и не узнавал самого себя.

А потом мне в голову пришло новое соображение – если я украду что-нибудь у Девара, это не будет плохим поступком, потому что в его собственных глазах воровство является состязанием двух умов. Он провоцировал меня стремиться к тому, чтобы переступить границу. В мире Девара только воин кидона считался цельным человеком. Только воин кидона обладал сильным телом и был наделен мудростью и смелостью, превосходящей инстинкт самосохранения. Но при этом умение выживать ценилось кидона очень высоко, и любую ложь, жестокость или кражу можно было оправдать, если они совершались, чтобы остаться в живых.

И вот как-то раз ночью Девара предложил мне пересечь границу, разделявшую два мира.

Каждый день нашей бродячей жизни приближал нас к владениям моего отца. Я скорее чувствовал, чем знал это. Однажды мы разбили лагерь на уступе скалистого плато, расположенном над крутым обрывом. Отсюда открывался отличный вид на равнины, а вдалеке я разглядел Тефу – река горделиво несла свои воды через Широкую Долину. Я развел костер, как учил меня Девара и как это принято у кидона – при помощи полоски кожи и кривой палочки. Теперь я справлялся с этим заданием значительно быстрее, чем раньше. Вокруг нашего лагеря в изобилии росли кусты с узкими длинными листьями. И хотя их ветви были упругими и зелеными, горели они хорошо. Огонь вспыхнул, разгорелся, и над ним поднялся сладковатый дым. Девара наклонился над ним, глубоко вдохнул и с довольным видом выпрямил спину. – Так пахнут охотничьи уголья Решамеля, – сообщил он мне.

Я узнал имя мелкого божества из пантеона кидона, поэтому немного удивился, когда Девара продолжил:

– Я тебе говорил, что он положил начало моему роду? Его первая жена рожала только дочерей, и он ее прогнал. Вторая жена рожала только сыновей. Его дочери стали женами его сыновей, таким образом получается, что в моих жилах дважды течет кровь бога.

Он с гордостью стукнул себя по груди и посмотрел на меня в ожидании ответа. Но он сам научил меня искусству торговли, когда каждый из нас пытался обесценить ставку другого. Вот только на сей раз я не знал, чем ответить на его заявление о том, что он произошел от бога.

Тогда Девара придвинулся к огню, вдохнул сладковатый дым и сказал:

– Я знаю. Твой «добрый бог» живет далеко, среди звезд. Вы произошли не от его плоти, а от его духа. Это плохо для вас. Потому что в ваших жилах не течет кровь бога. – Он наклонился ко мне и сильно ущипнул за руку. Девара часто так делал, и я к этому уже привык. – Но я могу показать тебе, как тоже стать отчасти богом. Ты настолько кидона, насколько я смог тебя воспитать, герниец. Теперь Решамель будет испытывать тебя и решит, захочет ли он, чтобы ты стал одним из нас. Это очень суровая проверка. Ты можешь потерпеть поражение. Тогда ты умрешь, и не только в этом мире. Но если ты ее выдержишь, ты завоеешь славу. Во всех мирах.

В его голосе звучало лихорадочное возбуждение, какое появляется у иных людей, когда они говорят о золоте.

– Как? – против собственной воли спросил я, и он принял мой вопрос за согласие.

Девара долго на меня смотрел, и выражение его глаз, которое я и так-то далеко не всегда мог правильно понять, теперь, в темноте, казалось по-настоящему загадочным. Затем он кивнул, думаю, скорее каким-то своим мыслям, нежели мне.

– Идем. Следуй за мной туда, куда я тебя поведу.

Я встал, собираясь выполнить его приказ, но он не спешил уходить. Вместо этого он велел мне собрать побольше веток с листьями и развести огромный костер. Всякий раз, когда я подбрасывал новые охапки, вверх взлетали столбы ослепительных искр, было так жарко, что я начал истекать потом, ароматный дым окутывал меня с головы до ног. Девара сидел и наблю-

дал за тем, как я работаю. Потом, когда огонь принялся рычать, точно разъяренный зверь, он кивнул и медленно поднялся на ноги. Подойдя к ближайшему кусту, Девара оторвал толстую ветку и аккуратно вплеп в ее листья веточки поменьше. В результате у него получилась палка с зеленым шаром на конце. Он сунул ее в огонь, и она почти сразу загорелась. Держа факел над головой, Девара подвел меня к краю уступа и на некоторое время замер, глядя на раскинувшуюся внизу равнину. На горизонте земля медленно заглывала солнце. А потом, когда чернильный мрак до краев залил овраги, испещрявшие равнину до самого горизонта, Девара повернулся ко мне. Огонь факела танцевал на ветру, и по лицу кидона метались свет и тени, превращая его в жуткую маску безумного шамана. Он заговорил певучим голосом, не похожим на его обычный.

– Ты мужчина? Ты воин? Пригласит ли Решамель тебя в свои охотничьи угодья или скормит псам? Сильнее ли твои храбрость и гордость желания жить? Потому что именно это и делает кидона воином. Только настоящий воин предпочтет остаться храбрым и гордым, чем согласится жить. Ты хочешь быть воином?

Он замолчал, дожидаясь моего ответа, и я шагнул в его мир.

– Я хочу стать воином.

Широкое плато и степь внизу, казалось, затаили дыхание. Они словно чего-то ждали.

– Тогда следуй за мной, – сказал Девара. – Я покажу тебе дорогу.

Он поднял руку и, как мне показалось, прикоснулся к своим губам, а потом на мгновение замер, и свет факела высветил его орлиный профиль на фоне ночи.

А потом он шагнул в пропасть.

Потрясенный, я наблюдал за его падением, вернее, за летящим вниз светом факела, который держал в своих ладонях ветер, устремившийся вслед за ним. На протяжении нескольких ударов сердца я видел сияние факела, а потом он превратился в едва различимую блестящую точку. Девара пропал.

Я стоял один на краю уступа, и меня со всех сторон окружала черная ночь. Ветер, пропитанный теплом и ароматом костра, толкал меня в спину – настойчиво, но не слишком сильно – к самому краю обрыва. Я не могу объяснить, как сделал этот шаг, просто Девара медленно привел меня в свой мир, наделив своей верой и образом мыслей. То, что показалось бы мне абсолютно невыносимым всего месяц назад, теперь представлялось единственно возможным. Лучше упасть и разбиться насмерть, чем позволить другим назвать меня трусом. Я шагнул в пропасть.

И начал падать. Я не кричал, я вообще не издал ни единого звука, только ветер с ревом налетал и рвал мою потрепанную одежду. Вряд ли я смогу теперь сказать, как долго продолжалось падение, но наконец мои ноги ударились обо что-то жесткое и колени подогнулись. Я принялся дико размахивать руками, скорее пытаюсь взлететь, чем сохранить равновесие. В темноте чья-то рука схватила меня за рубашку и куда-то потянула. Голос, который не принадлежал Девара, промолвил:

– Ты прошел первые ворота. Открой рот.

Я подчинился.

В тот же миг во рту у меня оказалось что-то маленькое, плоское и очень жесткое. Сперва я не почувствовал никакого вкуса, а затем слюна смочила диковинный предмет, и я ощутил горечь. Она была такой невыносимой, что мне казалось, будто я улавливаю ее аромат. Слюна наполнила рот, из носа потекло. А в следующую секунду я *услышал* вкус, в ушах у меня звенело, кожа покрылась мурашками. Меня коснулся мрак и начал сдавливать со всех сторон. Неожиданно я понял, что эта абсолютная тьма рождена отнюдь не отсутствием света, что она пришла, дабы заполнить все пространство вокруг, включая и то, где находился я.

Рука, державшая за рубашку, потянула меня, и я, спотыкаясь, сделал несколько шагов вперед. И каким-то непостижимым образом вышел из мрака в другой мир, где меня окутал

свет и сладкий запах горящего факела. Я попробовал свет на вкус и услышал запах факела. Я знал, что Девара где-то рядом, но не видел его. Я вообще не видел ничего, кроме окружавшего меня равномерного голубого цвета, однако все мои чувства были обострены до предела.

– Открой рот, – сказал мне бог.

И снова я подчинился.

Я почувствовал во рту пальцы, которые вынули лягушку. Человек, запах которого мог принадлежать только Девара, положил лягушку в пламя факела, и оно превратилось в крошечный костер, разведенный в очаге, окруженном семью плоскими черными камнями. Лягушка с шипением горела, посылая в воздух тонкие нити огненно-красного сладкого дыма. В следующее мгновение человек подтолкнул мою голову вперед, и я наклонился над огнем, вдыхая его аромат. Дым ел глаза, и я их закрыл.

А потом закрыл еще раз.

Но пейзаж, появившийся перед моим взором за секунду до этого, не исчез. Я не мог отгородиться от этого мира, потому что он жил во мне. Мы находились на крутом склоне холма. Нас окружали гигантские деревья, их кроны почти не пропускали света, а земля была сплошь покрыта толстым многовековым ковром из листьев. Сверху падали капли росы, мимо, не обращая на нас внимания, скользнула толстая желтая змея. Воздух здесь был прохладным и влажным, а еще сладким и полным жизни.

– Это иллюзия, – проговорил я, обращаясь к Девара, который стоял рядом со мной в этом сумеречном мире.

Я знал, что это он, хотя он оказался на несколько футов выше меня, а на плечах красовалась голова ястреба.

– Герниец! – Он выплюнул это слово, словно оно жгло ему рот. – Это ты здесь не настоящий. Не оскорбляй охотничьи угодья Решамеля своим недоверием. Убирайся.

– Нет, – взмолился я. – Нет. Позвольте мне остаться. Позвольте быть здесь настоящим.

Он посмотрел на меня, его круглые ястребиные глаза отливали расплавленным золотом, а острый клюв, казалось, был выточен из топаза. Черные ногти походили на кривые когти. Я знал, что если он захочет, то без труда может пронзить мне грудь и вырвать сердце. Но он ждал, давая мне время подумать.

Неожиданно я понял, какие слова должен произнести.

– Я буду мужчиной. Я буду воином. Я буду кидона.

Где-то в глубине души я испытал стыд за то, что сам, по собственной воле, отказался от своего происхождения, пожелав стать дикарем. А потом словно лопнул мыльный пузырь, и моя прошлая жизнь перестала иметь для меня значение. Я стал кидона.

Мы путешествовали по самым невероятным местам этого удивительного мира. Не знаю, сколько прошло времени, и одновременно мне это известно. По большей части я не могу воспроизвести, что мы видели, делали или о чем говорили. Так пытаешься вспомнить сон, когда окончательно проснулся. Однако до сих пор иногда, вдруг уловив упругий аромат или услышав далекий гул водопада, я вновь на короткое мгновение оказываюсь в том мире и том времени. Меня, помню, совершенно не удивлял облик Девара, оставшегося полуястребом-получеловеком, я иногда скакал верхом на лошади с двумя головами – одна, с жесткой пышной гривой, принадлежала Кикше, а другая – моему Гордецу. Мои воспоминания отчетливы, будто высвечены яркой вспышкой, но тут же исчезают, словно круги на воде. Порой я просыпаюсь, исполненный печали оттого, что даже во сне не могу вернуться в тот мир.

В моей памяти остался четкий след лишь одного переживания. Были сумерки, не ночь и не день, словно это место знало только призрачный свет. Мы с Девара стояли на голой скале темно-синего цвета. Именно сюда мы с ним все время и стремились. Лес на крутых склонах холмов у нас за спиной представлялся мне хранителем, наблюдавшим за нами. Впереди простиралась пропасть, а на дне ее, словно диковинные крепости или церкви, посвященные безум-

ному богу, высились стройные каменные башни, созданные никогда не утихающим ветром, который украсил их спиралями и наростами – так опытный мастер-краснодеревщик вытачивает изящную ножку для стула. Из пропасти перед нами высились синие шпили, отчего складывалось впечатление, будто мы стоим на краю каменного леса. Вдалеке я заметил раскачивающиеся подвесные мосты, соединявшие вершины башен, – не слишком надежные тропы над пропастью.

– Вон там ты видишь дом, ставший воплощением мечтаний моего народа, – прокричал Девара, стараясь перекрыть завывания ветра, пропитанного изысканными ароматами. – Чтобы туда попасть, нужно сначала совершить прыжок, а потом одолеть шесть мостов, созданных из душ моих умерших соплеменников. Все, что когда-то являлось сущностью кидона, стало частичкой этих переправ. Тот, кто пройдет по ним, докажет нашим богам, что он истинный кидона.

Это никогда не было легким делом и требовало огромной храбрости, но мы смелый народ. И мы знали, что за Переправой Шамана находится наша родина, место, где возникли из небытия наши души, дом нашей мечты, куда в конце концов наши души возвращаются. Умерло много поколений с тех пор, как кому-нибудь из нас удалось завершить это путешествие. У нас украли мост. Пятнистые захватили переправу и не подпускают к ней ни одного из нас.

Прежде у нас была традиция: каждый юный воин и каждая девушка, достигнув определенного возраста, должны были совершить это путешествие. Отсюда они уходили в царство грез и оставались в нем, пока какой-нибудь из зверей, обитавший там, не изъявлял желания взять молодого кидона под свою опеку, становясь его хранителем и советчиком. Наши воины были могучими, а поля плодородными. Зеленые холмы принадлежали нам, и мы благоденствовали. Наш скот хорошо плодился каждый год, и вскоре его стало столько, что стад было не счесть, как гальку на речном берегу. Воины совершали дальние походы и возвращались с честью и богатой добычей. Нам не требовалось заботиться о пропитании, потому что наш дом давал нам все необходимое.

Кидона были сильным народом, довольным жизнью и благословлявшим своих богов. Но пятнистые отняли у нас все, и мы стали скитальцами, пастухами пыльных ветров. Кидона сеяли свои тела и собирали урожай смерти.

Девара уронил руку и, охваченный печалью, склонил птичью голову. Он стоял и с тоской смотрел на пропасть, лежащую перед нами.

– А что произошло с вашим народом? – спросил я наконец, когда понял, что он не собирается продолжать.

Девара тяжело вздохнул:

– В те дни мы жили далеко на западе, у подножия гор, которые гернийцы окрестили Рубежными. Дурацкое название. Они никакой не рубеж, эти горы – мост. В них много дичи и деревьев, усыпанных цветами и плодами, дающими сладкий сок. В тенистых лесах царит прохлада даже в самые жаркие летние дни. Когда же наступает период зимних бурь, деревья защищают землю от снега и ветра. Леса давали нам все необходимое. Реки, сбегаящие по склонам, изобиловали рыбой, лягушками и черепаками.

Когда-то эти леса принадлежали нам, там мы охотились и добывали корм для своих животных. Кидона были богаты и счастливы. А потом в наши прекрасные леса пришел пятнистый народ. В теплое время года кидона спускались на равнину, под ослепительно-яркое солнце, а они этого не могли, потому что их глаза и кожа не терпят дневного света. Они существа сумерек и теней. На равнине, у подножия гор, кидона летом пасли свой скот. Мы построили там города и дороги, возвели памятники. Зимой пастухи отводили стада в лес, под защиту деревьев. Мы процветали. Наши стада множились. Наши мужчины и женщины были полны жизни, и детей рождалось так много, что нам приходилось каждый год строить новые храмы, чтобы было где воспитывать их и обучать.

Все было бы хорошо, если бы пятнистые не поселились в лесах над нашими землями. Им не нравилось, что наши стада растут, и они старались помешать нам расширять пастбища и рубить деревья для строительства городов. Они говорили, что наши овцы и коровы слишком много едят, а талды вытаптывают лес, превращая узкие тропинки в широкие дороги. Они возмущались, когда мы расчищали землю под поля, и оплакивали каждое срубленное нами дерево. Они утверждали, что лес принадлежит только им, и хотели, чтобы он оставался в своем первоначальном виде, словно под его сенью никогда не ступала нога человека. А мы стремились к тому, чтобы нам не мешали рожать детей, охотиться и растить урожай так, как делали до нас наши предки. Мы спорили с пятнистым народом. А потом стали с ними сражаться.

Пятнистые отвратительный народ, хитрый и скользкий, словно желто-черные саламандры, живущие под гнилыми корягами. Мы не желали войны с ними, мы пытались торговать, но они всякий раз обманывали нас. Их женщины похотливы, точно бродячие кошки, к тому же они не считают нужным делить постель только с одним мужчиной, разводить скот и вести хозяйство, как положено женщине. Они разрушили жизнь многих наших молодых людей, соблазнив, а затем навязав им детей, хотя новоиспеченные отцы не были уверены, что это их дети. В результате между нашими воинами начались раздоры.

Мужчины пятнистого народа еще хуже женщин. Они не хотят сражаться в честном бою, используя «лебединые шеи» или копья, – нет, они наносят удар издалека, стреляя из лука или пращи, и душа воина, убитого ими, не попадает в земли богов. Если кидона застают врасплох, то он умирает в бесчестье, словно дичь, кролик или рябчик, – всего лишь кусок мяса на обед. Мы были против войны с пятнистым народом, но, когда они ее навязали, не стали отступать. Мы промчались по их деревням и убили всех, кто не успел убежать, и тогда они поклялись, что отомстят нам. И они послали на нас ветер смерти – наши мужчины умирали, задыхаясь от страшного кашля и корчась в собственных нечистотах. Многие наши дети осиротели, но вместо того, чтобы взять их в свои семьи, пятнистые оставили их умирать. Они направили против нас болезни, как охотник спускает собак на раненого оленя. Такая смерть уничтожает душу мужчины – для того, кого предало собственное тело, загробной жизни не существует.

Девара замолчал, но его покрытая перьями грудь вздымалась от волнения. Повисла тяжелая, пропитанная бессильной и оттого еще более глухой ненавистью тишина. Затем Девара снова заговорил, и голос его звучал тихо и как-то безжизненно:

– Воины твоего народа остановились на границе нашего леса, захваченного пятнистым народом. Они сильны. Они победили кидона, а ведь ни один другой народ равнин не смог нам противостоять. Я рассказал тебе о нашем самом страшном поражении, после которого мое племя покрыло себя несмываемым позором, чтобы ты понял – пятнистые не заслуживают милосердия вашего доброго бога. Вы должны поступить с ними так же, как поступили с нами. Используйте железное оружие, чтобы убивать их на большом расстоянии, и никогда не приближайтесь ни к ним, ни к их домам, иначе они обрушат на вас свою магию. Их следует растоптать, словно червей. Никакое унижение не может быть слишком страшным для них, никакое наказание – слишком жестоким. Никогда не жалея их, как бы ваши солдаты ни поступали с ними, ибо ты знаешь, что они сделали с нами. Они разрушили наш мост в мир мечты. – Его руки безвольно висели вдоль тела. – Когда я умру, моя сущность исчезнет без следа. Я не смогу пройти в земли, где родились духи моего народа.

Когда я был еще молодым, задолго до войны наших двух народов, я дал клятву, что снова открою эту дорогу. Я поклялся перед своими богами и всеми кидона. Я поймал и пролил кровь ястреба, чтобы между нами возникла связь. И она возникла. – Он показал на свою голову. – Я дважды пытался пройти на ту сторону. Я сражался с наводящим ужас стражем, которого пятнистые поставили у нас на пути. И дважды потерпел поражение. Но я не сдался и не отказался от своей клятвы. А потом твой отец выстрелил в меня железом, и магия вашего народа

проникла мне в грудь, ослабив мою магию кидона. И тогда я понял, что не смогу сдерживать слово. Я думал, что для меня все кончено.

Он замолчал и покачал головой.

– Я потерял надежду и смирился с тем, что после смерти мне суждено терпеть муки, на которые обрекают всех клятвопреступников. Но потом боги открыли мне свой путь. Вот почему они позволили, чтобы твой народ объявил войну моему и победил в ней. Вот почему твой отец разыскал меня и отдал тебя мне. Боги послали мне оружие. Я учил тебя и воспитывал. Ты владеешь магией железа, но ты принадлежишь мне. Я посылаю тебя открыть путь для кидона. Мне потребовалось исчерпать до дна жалкие остатки своей магии, чтобы привести тебя сюда. Дальше я идти не могу. Я вверяю тебе мою клятву, и наши имена будут прославлены в веках. Ты убьешь стража магией холодного железа. Иди. Открой нам путь.

– У меня нет оружия, – сказал я и вдруг почувствовал себя трусом.

– Сейчас оно у тебя появится. Смотри, как нужно призывать оружие.

Девара нетерпеливо нарисовал пальцем в пыли кривую линию. Затем наклонился и подул на присыпанный пылью камень, а когда она поднялась в воздух, я увидел сверкающую бронзовую «лебединую шею». Девара с гордостью показал на свое оружие и поднял его с земли. Очертания клинка остались на камне, словно отпечаток лошадиного копыта на мокром песке. Девара замахнулся и с силой вонзил сияющий клинок в синий камень у наших ног.

– Вот. Он будет удерживать этот конец моста кидона. А теперь ты должен призвать свое оружие, чтобы убить стража. Железо мне не подвластно.

Я постарался прогнать все сомнения, наклонился и нарисовал в пыли клинок, который так хорошо знал. Я делал это тысячу раз в детстве – изображал саблю офицера каваллы, гордую и прямую, с надежной рукоятью, украшенной кисточкой. Когда я водил пальцем по пыльной поверхности камня, я вдруг понял, как сильно хочу взять в руки эту саблю. А потом, когда подул на камень, сабля, оставленная в лагере Девара, вдруг появилась на земле у моих ног. Исполненный ликования и одновременно удивления, я поднял клинок с земли. Его след остался рядом с отпечатком «лебединой шеи». Когда я с гордостью взмахнул им над головой, Девара отскочил от меня и поднял щит, закрываясь от ненавистного железа.

– Бери его и уходи! – прошипел он, оставаясь в угрожающей позе птицы, приготовившейся атаковать врага. – Убей стража. И убери подальше от меня свое оружие, пока оно не ослабило магию, которая нас здесь удерживает. Иди. Мой клинок хранит этот конец моста. Твое железо укрепит другой.

Я до такой степени находился под его влиянием, что мне даже в голову не пришло сомневаться в его приказах. В этом месте и времени, в неверном и немного пугающем свете, я не мог и помыслить о том, чтобы послушаться. И потому я отвернулся от Девара и пошел по каменному уступу к краю скалы. Передо мной лежала бездонная пропасть. Высоченные каменные столбы и ненадежные мостики, соединявшие их, были единственной возможностью попасть на противоположную сторону. Конец моего пути терялся вдалеке, словно окутанный туманом или легкой дымкой, и я практически его не видел.

Вершины башен были самого разного размера: одни казались не больше стола, в то время как на других мог бы без труда разместиться огромный дворец, а также отличались друг от друга глубиной сине-серого цвета, и я решил, что они сделаны из более твердого камня, нежели сами колонны, выточенные упрямым ветром из скал. Между краем уступа и первой башней не было никакого моста, и я понял, что должен прыгнуть. Расстояние не выглядело слишком большим, а площадка, куда я должен был приземлиться, казалась довольно широкой – примерно в две скамьи фургона. Если бы мне пришлось прыгать на земле, меня бы это не беспокоило, но внизу раскрыла свою пасть бездонная пропасть.

Затем прямо у меня на глазах из оставшегося на скале отпечатка «лебединой шеи» к вершине первой башни протянулась узкая бронзовая тропинка, не шире самого клинка. Она рас-

кручивалась, словно лента сверкающего металла, и вскоре коснулась нужной мне площадки. Не широкий мост, конечно, но дорожка, повисшая над пропастью. Я засунул кавалерийскую саблю за пояс, развел руки в стороны, чтобы легче было сохранять равновесие, и ступил на бронзовую тропинку.

Я почти сразу начал падать направо, и мне показалось, будто моя сабля стала невероятно тяжелой и тянет меня вниз, точно наковальня. Я постарался выпрямиться, но стал крепиться в другую сторону и тогда бросился вперед к первой башне. Ее вершина оказалась слегка закругленной, словно большая шишечка, какими украшают спинки кровати. Вся поверхность была покрыта скрипучим песком, и я, заскользив по ней, упал на колени, чтобы остановиться. Тяжело дыша, я на мгновение скорчился на самом краю, пытаясь немного успокоиться. Глупо ухмыляясь от пережитого страха, я оглянулся на Девара. Похоже, мой подвиг не произвел на него никакого впечатления, он лишь нетерпеливо махнул рукой, чтобы я шел дальше.

Тонкий слой песка зашуршал у меня под ногами, когда я поднялся и посмотрел на поджидавший меня хрупкий мостик. Он показался мне слишком узким и ненадежным. Осколки ярко раскрашенных глиняных горшков словно плавали в паутине. У моих ног из песка торчали три раскачивающихся на ветру ястребиных пера. Прозрачные нити тянулись от этих дурацких якорей к мосту, переброшенному через пропасть. Я сомневался, что даже мышонку удастся пройти по такой хлипкой конструкции, чего уж говорить о человеке. Я снова посмотрел на Девара, надеясь, что он подскажет, как мне поступить дальше. Он расправил одно крыло и показал, что у него не хватает нескольких перьев. Значит, эти чары принадлежали ему. Очевидно, он в них верил, потому как принялся размахивать руками, показывая, что я не должен стоять на месте.

Потом собственное поведение покажется мне неизвестной глупостью, но в тот момент у меня не было выбора, и я шагнул на мост. Он провис под моей тяжестью, одна нога ухнула вниз, словно я ступил на сеть. Я уже понял, что именно из-за моей сабли переправа стала столь ненадежна. Я сделал еще один шаг, мост провис сильнее и начал раскачиваться. У меня возникло ощущение, будто я иду по старому гамаку, украшенному осколками глиняной посуды. Впрочем, это тоже не совсем точное описание. Думаю, то, что я пережил, относится только к тому миру, и о нем невозможно внятно рассказать, оставаясь в пределах нашей реальности.

Я неуверенно продвигался вперед. Глиняные черепки выскальзывали из-под ног, а мост с каждым шагом раскачивался все сильнее. Иногда я проваливался вниз так сильно, что мне приходилось чуть ли не до груди задираť ногу, чтобы ступить на следующий осколок, у меня даже появилось такое чувство, будто я взбираюсь вверх по крутой лестнице. Осколки посуды, составлявшие диковинный мост, были расписаны необычными узорами, каких я до сих пор никогда не видел. Некоторые из них почернели, словно ими долго пользовались. Порой я проваливался до самого пояса и с большим трудом выбирался на очередную «ступеньку», в свою очередь провисавшую подо мной.

Идти было труднее, чем прокладывать тропу в глубоком мокром снегу, однако я не сдавался, – впрочем, все равно ведь назад дороги не было. Тропа оказалась очень узкой, и по обе ее стороны зияла страшная пропасть. Я ненадолго остановился, чтобы отдышаться, и посмотрел вниз. Мне представлялось, что там должна быть река, проточившая русло среди древних каменных монументов, но спиральные столбы, казалось, уходили в бесконечность, а их основания терялись в густом тумане. Если я упаду, я умру от голода раньше, чем мое тело коснется земли. Я покачал головой, прогоняя глупые мысли, и заставил себя идти вперед.

Прошло довольно много времени, прежде чем мне удалось ступить на вершину второй башни из синего камня. Я выбрался на круглую площадку и в изнеможении опустился на ее холодную поверхность. Оглянувшись, я с удивлением обнаружил, что нахожусь все еще совсем недалеко от того места, где начался мой путь. Девара, в волнении переступая с ноги на ногу, стоял на скале и не сводил с меня глаз, а его клюв был широко раскрыт.

– Дорога предстоит трудная, но мосты оказались надежными, – произнес я первые за все время слова, и ветер проглотил их.

Тогда я крикнул и увидел, как Девара склонил голову набок, словно услышал меня, но не разобрал ни единого слова. А ведь мне представлялось, что он достаточно близко от меня.

Я медленно поднялся на ноги. И хотя совсем не отдохнул, я чувствовал, как что-то толкает меня вперед, будто у меня было мало времени, чтобы выполнить свою задачу. Я принялся разглядывать следующий мост, состоящий из тонких нитей, переплетенных между собой таким образом, что получалась яркая, сверкающая дорожка. Я опустил на колени и, коснувшись ее рукой, с удивлением обнаружил, что это человеческие волосы всех цветов и оттенков, от черных до бледно-золотых. Однако тропинка производила впечатление вполне надежной. Тогда я выпрямился и ступил на диковинный висячий мостик. В первый момент я испытал облегчение, почувствовав под ногами твердую поверхность, но уже в следующее мгновение он начал раскачиваться, словно качели.

Мои сестры любили играть в волчок, пуская его по туго натянутой ленте. Я превратился в волчок и двигался по ленте, которую никто и не думал натягивать. Чем дальше я уходил от второй башни, тем сильнее провисал под моей тяжестью мост. Я вытащил саблю и, держа ее горизонтально в правой руке, сумел сохранить равновесие. Некоторое время это помогало, но потом мост снова начал раскачиваться, словно скакалка в руках ленивой девчонки. У меня закружилась голова и внутри все сжалось, но я продолжал идти вперед, поднимаясь по провисшему мосту из человеческих волос. У меня за спиной Девара что-то крикнул, но я едва различал его голос и не осмелился оглянуться.

Добравшись до третьего каменного столба, я выполз на его вершину и тут же сел, чтобы хоть немного отдышаться. Я посмотрел на Девара, но он, опустив голову и крепко обхватив себя руками, неподвижно стоял на краю уступа. Вряд ли мне следовало ждать от него совета или помощи.

Я посмотрел на следующую башню. К ней вела более длинная дорожка, чем те, что я уже оставил позади, а площадка на ее вершине выглядела совсем крошечной. Мост, лежавший передо мной, был сплетен из растений, сплошь покрытых крошечными белыми цветами меньше ногтя на моем мизинце. Прежде чем сдвинуться с места, я с сомнением потрогал его рукой, но он оказался весьма прочным. Когда я прикоснулся к коричневатым корням и зеленым стеблям, они потемнели и пожухли. Так не пойдет – в мои планы не входило убивать растения, делая тем самым мост ненадежным.

Я снова убрал саблю за пояс и сделал шаг вперед. Тропа была шире предыдущих, а корни растений крепко цеплялись за каменный столб, на котором я стоял, наподобие плюща, упрямо ползущего вверх по стволу дерева или стене дома.

Я двинулся по этому мосту гораздо смелее, чем по предыдущим, – он без проблем выдерживал мой вес, и, хотя растения рассыпались прямо под ногами, переправа не раскачивалась, а поэтому я чувствовал себя гораздо увереннее. Раздавленные цветы и листья издавали диковинный горьковатый аромат, но я решил, что он вряд ли мне повредит. Когда я был уже на середине, на руках у меня появились мелкие ожоги, тут же начавшие ужасно зудеть. Я сжал пальцы в кулаки, и крошечные волдыри стали лопаться, а от вытекавшей из них жидкости на коже появлялись новые ожоги.

Я старался держать руки подальше от тела и не обращать внимания на резкую боль. Какое счастье, что я был в высоких гернийских сапогах, а не в мягких и низких, какие носят жители равнин. Если бы растения обожгли мне ноги, не думаю, что вообще смог бы идти дальше. Но тут у меня начало дико щипать глаза и потекло из носа. Мне потребовалось собрать всю свою волю в кулак, чтобы не трогать лицо руками. Спотыкаясь, я продолжал брести вперед и наконец выбрался на вершину следующего камня. Она действительно оказалась совсем маленькой.

Я шагнул прочь от мерзких растений и уселся на крошечную, не больше суповой тарелки, площадку.

Мои мучения тут же прекратились, ожоги перестали гореть огнем, но я по-прежнему не решался прикоснуться к лицу, лишь когда, чуть склонив голову набок, плечом стер слезы, окончательно убедился, что все мои неприятности остались позади. Я бы чувствовал себя значительно лучше, если бы находился на каменном островке более солидного размера. Отдохнуть здесь как следует было невозможно, поэтому я решил идти дальше.

Следующий мост был сделан из птичьих костей, мастерски подобранных по размеру и связанных тонкими нитями. Тут и там поблескивали бусинки, раковины или гладко отполированные камешки. Наверное, прежде они были браслетами или ожерельями, а потом их вплели в подвесной мост. Когда я сделал первый шаг, крошечные косточки издали тихий мелодичный звон. Несмотря на их хрупкость, они не трещали и не ломались у меня под ногами, да и сам мост не раскачивался и не прогибался подо мной. Однако меня заставил остановиться усилившийся ветер, который принялся дергать меня за одежду и нашептывать свои тайны.

Откуда-то издалека он принес необычную музыку, и я остановился, чтобы ее послушать. Я узнал голоса флейт и звон костяных кастаньет и сразу понял, что это музыка кидона. Она показалась мне совершенно чуждой, но при этом завораживала. Я взглянул на мост у себя под ногами и вдруг сообразил, что птичьи кости являются частью музыкального инструмента. Одновременно с музыкой звучали слова, они показались мне знакомыми, и я замер, пытаюсь их разобрать. Думаю, если бы я был настоящим жителем равнин, мне не удалось бы так легко справиться с чарами. Но будучи гернийцем, я без особого труда стряхнул с себя наваждение и снова двинулся вперед. Вскоре я уже добрался до очередного каменного столба.

Здесь оказалось достаточно места для отдыха, я даже мог бы вытянуться в полный рост и уснуть, не опасаясь свалиться в пропасть. То, что мне очень захотелось это сделать, остановило меня, заставив одуматься. Только теперь я понял, что эти мосты не для меня. Девара сделал все, что было в его силах, чтобы научить меня мыслить и чувствовать как кидона, но я, дитя иной культуры, не смог по-настоящему превратиться в воина его племени. Я прошел по мостам, абсолютно не понимая истинной сути происходящего, и подозревал, что каждая переправа имела свой тайный смысл, скрытый от меня. По необъяснимой причине я ощутил жгучий стыд и почувствовал себя слабым и ущербным, словно неуч, который не в силах оценить красоту великолепного стихотворения. Ведь я не мог даже до конца уяснить, в чем в действительности заключаются испытания, выпавшие на мою долю, а следовательно, они не являлись для меня полноценными испытаниями. Охваченный смирением и не оглядываясь больше на Девара, я подошел к началу нового моста.

Он был из льда, но не из толстых глыб, какие приходится в середине зимы выпиливать на поверхности реки, чтобы добраться до воды, а из хрупких пластин, что причудливыми узорами украшают оконные стекла. Он казался совсем тонким, и я видел сквозь него синие глубины жуткой пропасти. Я прошел всего несколько шагов, когда меня едва не сковал дикий холод. Я прислушался, пытаюсь уловить треск ломающегося льда, задрожал и, поскальзываясь, неуверенно стал пробираться вперед. Меня окружили чужие воспоминания. О тяжелых временах, когда умирали старики и дети и даже самым сильным приходилось принимать жестокие решения, чтобы остаться в живых. Если бы по мосту шел настоящий кидона, он испытал бы такую боль, что опустился бы на колени, не в силах сдержать слезы. Но эти ужасные события происходили давно и не с моим народом. Я сочувствовал их бедам, однако они не были моими, и я двинулся дальше, к следующему столбу, где смог немного отдохнуть.

Я проходил один мост за другим, и каждый, испытывая мою отвагу, неотвратимо приближал меня к противоположному краю пропасти. Но, остановившись перед последним мостом, я вдруг почувствовал себя обманщиком, словно без приглашения вмешался в детскую игру. Неужели принадлежность к другой расе или наличие холодного железа в руках сделали меня

невосприимчивым к опасностям, с которыми сталкивались кидона? Я оглянулся на Девара, он продолжал стоять на краю уступа, в самом начале моего пути. И тут у меня в голове возникло нехорошее подозрение. Он действительно надеется на мой успех, или же я стал пешкой в игре, затеянной человеком, чью логику просто не в силах понять? Я замер возле моста, раздираемый сомнениями, но потом все равно шагнул вперед.

Этот мост был построен из древних, но крепких кирпичей. Его ограждали надежные стены, из кладки которых через равные расстояния вырастали небольшие башенки. А еще он был достаточно широким для телеги, запряженной мулом. Он не раскачивался и выглядел вполне надежным, но я почувствовал, как волосы у меня на голове зашевелились. Здесь водятся призраки, вдруг подумалось мне. Мост рассказывал о временах, когда кидона строили на века. Ко мне потянулись туманные воспоминания о прекрасных городах, но я не мог в них поверить. Ступив на мост, я сразу увидел, что время наложило на него свой отпечаток. Ветер и дождь скруглили углы кирпичей, стены пошли трещинами, резные барельефы, некогда украшавшие арки и балюстрады, почти сгладились. Великолепная работа мастеров исчезала, медленно, слой за слоем, как постепенно исчезало и само племя кидона. Неожиданно я почувствовал, что здесь существует связь – когда ветер, дождь и время окончательно разрушат мост, сгинет и народ, его создавший, и не только из этого, но и из моего мира.

Чем дальше я шел, тем заметнее становились разрушения. Все чаще у меня под ногами появлялись дыры, сквозь которые я видел синюю пропасть. Между рассыпающимися кирпичами пробивались цветущие растения, их корни цеплялись за края трещин, а стебли оплетали камни, полностью закрывая своей листвой.

Я вошел в диковинные сумерки и, оглянувшись, увидел, что дневной свет остался далеко позади. Теплое сияние солнца окутывало нахолившуюся фигуру Девара, но по мере того, как я продвигался вперед, оно медленно, но неуклонно тускнело. Растений стало больше, начали появляться небольшие деревья, вокруг которых росла трава. Я услышал голоса насекомых и уловил аромат цветов. Теперь я уже почти не видел кирпичей, их поглотил лес, окутавший все вокруг своим зеленым плащом. Под ногами я чувствовал упругие ветки ползучих растений, образовавших слева и справа от меня глухие стены, а над головой настоящую крышу. Мост превратился в зеленый туннель. Вечернее небо и синюю пропасть я видел лишь изредка сквозь щели в листве.

В какой-то момент я остановился, почувствовав, что мост остался у меня за спиной. Я стоял в лесу, поглотившем переправу кидона. Зеленые заросли казались мне чужими, словно я шагнул из знакомого мне мира в обитель неведомых существ, где не имел права находиться. Меня переполняло отчетливое ощущение неправильности происходящего, и мне безумно захотелось повернуть назад. Дорога передо мной выглядела враждебной, но я не смог бы объяснить причин нашего с лесом взаимного неприятия, ведь это была приятная для глаза тропа, залитая мягким вечерним светом. Прохладный ветерок нес запах цветов, где-то вдалеке пели птицы.

Я с тревогой посмотрел вперед и в сгущающихся сумерках увидел старое дерево, стоящее в самом конце туннеля. Его кривые корни цепко держались за край обрыва, а самый длинный из них, повиснув над бездонной пропастью, будто бы указывал на мою тропу. Красные цветы размером с тарелку кокетливо выглядывали из-под огромных листьев. Основание ствола терялось в густой траве, а над раскидистой кроной лениво порхали бабочки. Казалось, все здесь дышало миром и покоем. Однако я продолжал с подозрением рассматривать огромное дерево. Может быть, передо мной тот самый страж, о котором говорил Девара? Возможно, это ловушка и дивный покой всего лишь видимость, обман, направленный на то, чтобы я утратил бдительность... Вдруг я шагну на мост из переплетенных корней, а они расползутся у меня под ногами и я рухну в пропасть?

Я принялся вглядываться в тропу, созданную чужой для племени кидона магией, тропу, что должна была привести меня к таинственному стражу. Неожиданно я заметил, что из мха торчит кусок пожелтевшего черепа, чуть дальше искривленный корень обвивал раздробленную кость ноги. Ощущение было такое, будто он высосал из нее жизнь, чтобы поддержать собственные силы. Кости казались старыми, и мне это совсем не понравилось. Неподалеку лежал позеленевший от времени обломок «лебединой шеи».

Я оглянулся и посмотрел на Девара – кидона превратился в крошечную фигурку в конце зеленого туннеля. Он по-прежнему стоял на краю уступа и наблюдал за мной. Я поднял руку в знак приветствия, он же махнул мне, чтобы я продолжал путь.

Тогда я вытащил из-за пояса саблю и выставил ее перед собой. В глубине души я понимал, что веду себя глупо: если я атакую мост и разрублю его, будет ли это считаться победой? Мне захотелось снова оглянуться на Девара, но я решил, что он посчитает мои колебания проявлением трусости. Стану ли я кидона? И еще: если я дойду до конца переправы, удастся ли мне снова открыть им путь?

Я шагнул на мост из переплетенных корней, решив проверить, выдержит ли он мой вес. Он не заскрипел и не начал раскачиваться, а у меня возникло ощущение, будто я стою на тропе, выложенной из кирпича. Приняв боевую стойку, которой меня научил Девара, я двинулся вперед. Я шел в таком странном полуприседе, стараясь очень плавно перемещать свое тело, и при этом держал перед собой саблю.

Когда я прошел примерно треть живой части моста, корни подо мной начали тихонько постанывать, так скрипит туго натянутая веревка. Я продолжал двигаться вперед, сосредоточенно следя за тем, куда ставлю ноги, готовый в любой момент отразить нападение пока невидимого врага. Все мои чувства были обострены до предела. Девара сказал мне, что дерево является стражем, и, продолжая свой путь, я сконцентрировал все внимание на нем, пытаюсь понять, кто может прятаться среди его ветвей и на что оно способно.

Ничего не происходило.

Я преодолел уже две трети лесного участка последнего моста, а дерево продолжало мирно стоять на своем месте, не обнаруживая никаких агрессивных намерений, и я начал чувствовать себя довольно нелепо. Мне даже в голову пришла неожиданная мысль о том, что, наверное, Девара решил таким образом надо мной подшутить. Как правило, его шуточки были довольно злыми, но, не исключено, на сей раз он собрался меня еще и унижить. А может быть, дерево какое-то особенное и он хотел мне его показать. Тогда я решил как следует рассмотреть это необычайное творение природы.

Чем ближе я к нему подходил, тем яснее понимал, какое оно огромное. Деревья, которые я видел до сих пор, были детьми равнин и гнулись под порывами сильного ветра. Они росли очень медленно, но даже самое старое из них показалось бы чахлым подростком по сравнению с этим исполином. Высокое и прямое, с толстым стволом и густой кроной, оно, широко раскинув ветви, тянулось к солнечному свету. Как выяснилось, зеленая трава не без труда пробивалась сквозь толстый ковер опавших листьев, что устилала землю у его основания, я даже сумел разглядеть там коричневые вкрапления прошлогодней листвы. У красных цветов были длинные желтые тычинки, и, когда на них налетал ветер, в воздух поднимались тучи золотистой пыльцы, напоминавшие дым. У нее оказался сильный и довольно грубый запах, и в глазах у меня защипало. Я принялся моргать, чтобы стряхнуть пыльцу с ресниц, а в следующее мгновение увидел, что перед деревом стоит женщина. Я остановился.

Она совсем не походила на стража-воина! Не в силах справиться с потрясением, я уставился на нее во все глаза. Старая и очень толстая, она могла бы быть чьей-нибудь бабушкой, если не считать того, что мне еще ни разу в жизни не доводилось видеть таких тучных женщин. Блестящие глаза прятались в складках морщинистой кожи, жирные щеки, нос и уши увели-

чилились с годами, пухлые губы были поджаты, словно она разглядывала меня с не меньшим изумлением, чем я ее.

Я не сводил с нее глаз, пытаюсь понять, кем же она является. Девара хочет, чтобы я сразился с *этим* существом? Я смотрел на дряблые руки и множество подбородков, на пухлые пальцы, унизанные кольцами, на усыпанные драгоценными камнями серьги, оттянувшие мочки ушей. Огромная грудь покоилась на колышущемся животе. Длинные с проседью волосы, больше похожие на лошадиную гриву, словно дождевая туча, лежали на ее слишком уж круглых плечах, и ветерок играл выбившимися неровными концами. Мне показалось, что ее платье соткано из серо-зеленого лишайника. Оно почти касалось земли, но все же из-под него виднелись толстые лодыжки и босые ступни. Солнечный свет, падавший сквозь густую листву, раскрасил одеяние и лицо женщины темными пятнами.

Затем она пошевелилась, но я не сразу понял, в чем дело, – темные пятна на коже и платье остались на прежнем месте, и оказалось, что солнечный свет и тени от дерева тут совсем ни при чем. Ее ноги, обнаженные руки и лицо были словно бы раскрашены неровными мазками краски. Но даже издалека я сразу понял, что это никакая не грязь и не татуировка. Однако мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что я впервые в жизни вижу спека.

Действительность оказалась далека от тех образов, что я нарисовал в своем воображении. Я думал, что кожа спека испещрена крошечными, точно веснушки, точечками, а на самом деле она была покрыта большими неровными кляксами. Так у некоторых котов полосы вдруг обрываются, превращаясь в пятна самой разной формы. Именно такое впечатление у меня возникло, когда я смотрел на диковинную женщину. Темная полоса украшала ее нос, и еще несколько разбегались от уголков глаз. Внешняя сторона ладоней и пальцев тоже была темной, будто лапка кота, перепачкавшегося в саже, а выше запястий они становились светлее.

Вид незнакомки настолько зачаровал меня, что я шагнул к ней навстречу, начисто забыв о предупреждении Девара. Я подбирался к своей цели, точно кот к блюдцу с молоком, а не как воин, встретившийся с опасным врагом. Лицо женщины оставалось совершенно неподвижным, на нем застыло спокойное и одновременно величественное выражение. Она больше не казалась мне старой, скорее лишенной возраста, а ее морщины свидетельствовали о том, что она часто смеется и вообще радуется жизни. Будь она гернианкой, ее огромное тучное тело вызвало бы у меня отвращение, но она принадлежала к племени спеков, и ее необычный внешний вид представлялся мне лишним доказательством того, какие мы разные.

– Кто идет? – спросила женщина на джиндобе.

Лицо ее по-прежнему оставалось бесстрастным, а голос прозвучал вежливо. Такой вопрос мы задаем незнакомцам, постучавшимся в дверь нашего дома.

Я остановился, чтобы ответить ей, но вдруг понял, что забыл свое имя. У меня возникло ощущение, будто я оставил его, когда перенесся в мир кидона. Мне пришлось напомнить себе, что я являюсь орудием Девара и хочу стать воином его племени, заслужив тем самым уважение своего учителя, а для этого мне необходимо одержать победу над врагом, стоящим передо мной. Однако он не сказал мне, что стражем будет пожилая женщина. Часть меня, не имевшая отношения к миру кидона, устыдилась того, что я держу в руке обнаженный клинок и что не в силах вежливо ответить на ее вопрос. Гернийские солдаты не угрожают оружием женщинам и детям. Я опустил саблю. Стараясь продемонстрировать хорошее воспитание и при этом показать ей, что перед ней стоит воин, я ответил:

– Тот, кто привел меня сюда, называет меня «солдатский сынок».

Женщина склонила голову набок и улыбнулась, как будто я на ее глазах превратился в несмышленного малыша, а затем ласково заговорила – так добрая мудрая женщина отчитывает ребенка, забывшего о манерах:

– Это не твое настоящее имя. Да и представляться так не полагается. Какое имя дал тебе отец?

Я глубоко вдохнул и вдруг вспомнил то, чего всего минуту назад, казалось, не знал.

– Я не могу назвать это имя здесь, ибо пришел сюда, чтобы стать кидона. У меня пока нет имени.

Стоило мне произнести эти слова, как я сразу понял, что совершил ошибку – открыл важную тайну своему врагу. Тогда я напряг мышцы и снова поднял саблю.

Мое грозное оружие, судя по всему, не произвело на женщину никакого впечатления. Она потянулась ко мне, и только сейчас я заметил, что ее волосы цепляются за ствол, словно дерево держит ее в плену. Женщина рассматривала меня, и я почувствовал, что она заглядывает в самые потаенные глубины моей души. Тихим, почти заговорщицким голосом она сказала:

– Я вижу, в чем кроется твое заблуждение. Он хочет использовать тебя, чтобы пройти мимо меня. Он заставил тебя поверить, будто, убив меня, ты завоеешь его уважение и обрешь репутацию настоящего мужчины. Он тебя обманул. Убийство – это убийство, и больше ничего. Уважение, которое кидона испытает к тебе, если ты меня убьешь, реально только для него. Больше никто в него не верит, и меньше всего – ты сам. Чтобы завоевать настоящее уважение, не нужно меня убивать. Моя кровь дарует тебе лишь расположение недоумка. Мне придется заплатить высокую цену, чтобы тобой стал восхищаться дикарь. На свете нет ничего, что стоило бы иметь, купив ценой чужой жизни, юноша.

Я задумался над тем, что она сказала. Красивые слова, которые годятся только для возвышенных философских рассуждений, ведь я знал, что большая часть моего мира куплена именно кровью. Мой отец часто повторял, что наши воины, в особенности офицеры каваллы, «приобрели новую Гернию ценой своей жизни, а земля, ставшая нашей, орошена кровью сыновей-солдат».

– Это неправда! – выкрикнул я и тут же сообразил, что повышать голос не стоило.

Каким-то непостижимым образом, сам того не заметив, я оказался совсем рядом с таинственной женщиной. Наверное, тропа из сплетенных корней сама принесла меня к ней. Я огляделся по сторонам, но не нашел никаких подтверждений этому предположению.

Женщина улыбнулась, и ее глаза осветились мудростью пожилого человека.

– Правда остается правдой вне зависимости от того, признаешь ты ее или нет, юноша. Все как раз наоборот – правда должна признать тебя. И пока этого не произойдет, ты не будешь настоящим. Но давай пока оставим обсуждение правомерности приобретения чего бы то ни было ценой крови. Мы постараемся вспомнить, кто ты такой, взглянув с другой стороны. Главное не то, ради чего умирает человек, а то, ради чего он живет. Ты готов признать эту истину?

Каким-то невероятным образом ситуация изменилась. Диковинная женщина меня провела, не обращая ни малейшего внимания на мой вызов. Я чувствовал, что она охраняет мост и хочет понять, достоин ли я по нему пройти. Если я заслужу ее уважение, она меня пропустит. И для этого мне не нужно быть кидона.

Неожиданно до меня донесся далекий, словно крик птицы, принесенный ветром голос Девара:

– Не разговаривай с ней! Она превратит все твои мысли в переплетение виноградных лоз, и ты сам в них запутаешься. Не обращай внимания на ее слова. Иди вперед и убей ее! Это твоя единственная надежда!

Женщина даже не стала повышать голос, чтобы ему ответить, и потому, наверное, ее слова прозвучали особенно веско:

– Молчи, кидона. Пусть твой «воин» сам говорит за себя.

– Убей ее немедленно, солдатский сынок! Она хочет подчинить тебя себе.

Но его приказ, на этот раз принесенный прихотливым ветром в виде едва различимого шепота, казалось, не имел ко мне никакого отношения. Я не стал обращать на него внимания

и задумался над словами древесного стража. Главное в человеке – то, ради чего он живет. Относится ли это ко мне? Должен ли солдат задумываться над подобными вещами?

– Я готов умереть за то, ради чего я живу, – ответил я, представив себе своего короля, страну и семью.

Женщина медленно кивнула, напомнив мне крону дерева, зашелестевшую под порывами ветра.

– Понятно. Ты хочешь жить ради всего этого. Ты хочешь жить больше, чем умереть ради того, чтобы завоевать уважение кидона. Ведь именно он послал тебя с приказом меня убить. На самом деле в твоём сердце нет такой цели, она в том сердце, которое он пытается тебе навязать. Он думает, что не может потерпеть поражение. Ты остаешься сыном его врага. Если я умру, ты послужишь его целям. Если погибнешь, он не будет слишком сильно горевать. Но я считаю, что и в том и в другом случае ты окажешься в проигрыше. Каково твоё предназначение, солдатик? Почему боги послали тебя ко мне, почему тебе удалось преодолеть все ловушки целым и невредимым? Не думаю, что ты должен умереть, пытаюсь убить меня. Ты пришел сюда в качестве орудия. Может быть, поэтому боги и направили тебя ко мне, именно как орудие?

– Я не понимаю.

– Это простой вопрос. – Она потянулась ко мне и принялась внимательно меня разглядывать. – Ты прошел через переправу в этот мир, чтобы отнять жизнь или подарить ее?

– В каком смысле?

– В каком смысле? Неужели не понятно? Я прошу тебя сделать выбор: жизнь или смерть. Чему ты поклоняешься?

– Я не... это... я хочу... не знаю! Я не понимаю, что вы имеете в виду! – Я мучительно искал ответ и не мог найти.

Неожиданно я понял, что мне грозит страшная опасность, опасность, которая растянулась на целую вечность, и ей подвергается не тело, а душа. В эту минуту мне больше всего на свете хотелось вернуться в мой собственный мир, снова стать сыном своего отца и служить моему королю. Ответ пришел слишком поздно. Я не мог произнести ни звука.

– Думаю, мне придется узнать ответ за тебя. Живи или умри, солдатский сынок.

Корни вдруг разошлись, и мост разверзся подо мной. Растения не погибли и не сломались, они раздвинулись так, чтобы я провалился в пропасть. В этот исполненный отчаяния миг я метнулся вперед и помчался по шевелящимся корням в безумной надежде добраться до земли.

Всего в нескольких шагах от цели я вдруг почувствовал под ногами пустоту.левой рукой я цеплялся за корни, которые выскальзывали из пальцев, стоило к ним прикоснуться, и мне никак не удавалось получше за них ухватиться. Подо мной была бездонная пропасть, а чуть впереди голый камень. В безнадежной попытке спастись я выбросил вперед руку с саблей, кончик которой едва достал до края обрыва.

Но она вонзилась в камень, да еще с такой силой, что у меня заболела рука. Произошедшее бросало вызов всем известным мне физическим законам, и мне стало страшно. Женщина вскрикнула – не знаю от чего, от удивления или боли. Однако я продолжал медленно соскальзывать вниз и тогда в отчаянии ухватился за клинок левой рукой, убрав правую с рукояти. Острие рассекло кожу на пальцах, но эта боль не шла ни в какое сравнение с ужасом перед падением в пропасть. В следующее мгновение я схватился за клинок и правой рукой. Я висел, цепляясь за любовно наточенное оружие и шаря ногами по каменной стенке в безнадежной попытке отыскать хоть какую-нибудь опору. Я знал, что это скоро закончится. Либо мозг отдаст приказ рукам разжаться, либо клинок перережет пальцы.

– Помогите! – крикнул я, обращаясь вовсе не к женщине, которая без всякого сочувствия стояла и смотрела на меня, и не к Девара, пославшему меня навстречу страшной судьбе.

Скорее, я взывал к равнодушной вселенной в безумной надежде, что кто-то сжалится над повисшей над пропастью букашкой и спасет ее.

Боль была почти невыносимой, и руки стали скользкими от крови. Я хотел отпустить одну руку и попробовать ухватиться за синий камень, но он был совершенно гладким, и мне пришлось смириться с тем, что ничего у меня не выйдет. Тогда я закрыл глаза, чтобы не видеть, как клинок отрежет мне пальцы, после чего я свалюсь в пропасть.

– Тебя поднять наверх? – внезапно раздался спокойный голос древесного стража.

– Помогите мне! Пожалуйста! – взмолился я.

Мне было все равно, враг она или друг. Только она могла меня спасти. Я открыл глаза. Женщина подошла ближе, но все равно оставалась еще достаточно далеко. Она стояла и с любопытством разглядывала меня. А я увидел листья папоротника, растущие на ее платье из мха.

– Пожалуйста, что? – спросила она меня ласково и одновременно сурово.

– Пожалуйста, помогите мне подняться! – задыхаясь, ответил я.

– Пожалуйста, поднять тебя наверх? – переспросила она, словно хотела убедиться, что правильно меня поняла. – Значит, ты хочешь жить? Пройти по мосту и завершить путь?

– Прошу вас! Пожалуйста, поднимите меня наверх! – почти кричал я.

Кровь уже текла по запястьям. Острие клинка добралось до суставов и безжалостно вгрызлось в них. Я боялся, что потеряю сознание от боли, даже если клинок не перерубит пальцы.

Женщина оставалась неумолимой.

– Я должна дать тебе возможность сделать выбор. Либо ты хочешь умереть, но не желаешь, чтобы у тебя отняли жизнь, либо настаиваешь на том, чтобы тебя подняли в эту реальность. Ты должен ясно осознать, каково твое решение. Магия никого не берет против его воли. Ты выбираешь мост?

Она встала на колени на краю скалы и склонилась надо мной, но я по-прежнему не мог до нее дотянуться. Я чувствовал зловоние, исходящее от ее тела, – тяжелый запах пожилой женщины и перегноя, отчего у меня отвратительно закружилась голова.

– Я... выбираю... жизнь!

Кровь стучала у меня в висках, я задыхался и едва смог пролепетать эти слова. Я мог бы сказать, что не осознал глубинного смысла, заключенного в ее предложении, но это не совсем правда. Женщина говорила не о жизни и смерти, как я их понимал, она имела в виду совсем другое. Наверное, я мог бы потребовать у нее объяснений, но, боюсь, поступил как самый настоящий трус. Я выбрал жизнь, за которую должен был заплатить страшную цену, но еще не понимал какую. Впрочем, в ту минуту, теряя сознание, я не собирался выяснять условия предложенной древесным стражем сделки. Я буду жить и сделаю все, что должен.

Неожиданно до меня донесся приглушенный расстоянием голос Девара:

– Глупец! Идиот! Она тебя поймала. Теперь ты принадлежишь ей! Ты открыл путь и приговорил всех нас!

Я отчетливо слышал его слова, хотя они прозвучали на противоположной стороне огромной пропасти. Мне казалось, что я уже испил до дна чашу ни с чем не сравнимого ужаса, но крик Девара наполнил все мое существо кошмарным предчувствием еще больших страданий. На что я согласился? Что означает для меня победа древесного стража?

Однако в голосе женщины, когда она заговорила со мной, не прозвучало даже намека на ликование, только стремление исполнить мое желание.

– Будет так, как ты просишь. Я поднимаю тебя. Иди к нам.

Я думал, что она схватит меня за запястья и поднимет наверх, но она потянулась вниз, и я почувствовал, как она прикоснулась пальцами к моей макушке. Мой отец всегда требовал, чтобы меня стригли коротко, как полагается сыну-солдату, но за время, проведенное с

Девара, волосы у меня отросли. Женщина пошевелила пальцами, будто пыталась понадежнее ухватиться за них.

Из какой-то запредельной дали я услышал, как она, словно забыв о моем существовании, обратилась к Девара:

– Так вот каково твое оружие, кидона? Мальчик с Запада? Ха. Магия выбрала его и преподнесла мне. Я использую его, правильно использую. Спасибо за такой замечательный подарок, кидона!

Затем ее голос стал настолько тихим, что мне даже показалось, будто он звучит только у меня в голове. Ее слова проникали в мой мозг, в то время как я из последних сил пытался удержать саблю в скользких от крови руках. Женщина с силой потянула меня за волосы, но я не сдвинулся с места.

– Возьмите меня за запястья! – простонал я, но она не обратила на мою мольбу ни малейшего внимания.

Она продолжала спокойно говорить, как если бы я слушал ее наставления, стоя рядом с ней на твердой земле.

– Магия преподнесет тебе дар. Береги и храни его. А от тебя я получу дар для себя. Он соединит нас, солдатский сынок. Я буду слышать все, что ты скажешь. Я буду есть пищу, которую ты ешь. И тогда я смогу тебе помогать. Я узнаю все твои тревоги и радости и разделю их с тобой.

Я поставлю перед тобой великую цель – ты остановишь захватчиков. Ты повернешь вспять поток врагов, покушающихся на наши земли и несущих с собой разрушение. Я сделаю из тебя оружие, которое победит тех, кто хочет нас уничтожить. – В голове у меня все путалось от страшной боли, но я все равно пытался понять странные слова древесного стража, а она вдруг заговорила громче: – Теперь он служит мне и моей магии, кидона. И дал мне его ты! Возвращайся к своим соплеменникам, и пусть они узнают об этом. Ты вложил оружие в мои руки! И я его взяла!

Ее речь казалась мне совершенно бессмысленной, но раздумывать над тем, что она хотела сказать, я был не в состоянии. Женщина еще крепче схватила меня за волосы, и на меня накатилась новая волна ужаса. Затем она дернула изо всех сил, и я почувствовал, что она вырвала клочок волос. Внутри у меня все сжалось от дикой боли. А в следующее мгновение показалось, что она, словно тонкую нить, вытянула из глубины моего существа нечто очень важное.

Неожиданно ее лицо оказалось совсем рядом с моим, и я ощутил ее дыхание на своих губах. Я видел только серо-зеленые глаза древесного стража, а затем она произнесла:

– Теперь ты мой. Можешь отпустить руки.

Я повиновался. И провалился в темноту.

Глава 5

Возвращение

Где-то совсем рядом спорили мои родители. Голос матери звучал напряженно, но негромко, а это означало, что она очень сердита. Каждое слово, сорвавшееся с ее губ, казалось осколком льда с бритвенно-острыми кромками.

– Он еще и мой сын, Кефт. Ты поступил... нехорошо, скрыв от меня свои намерения.

Я понял, что она в последний момент заменила более резкое слово на «нехорошо».

– Селета, некоторые вещи не касаются женщин.

По тому, как отец это произнес, я понял, что он наклонился вперед в своем кресле. Я представил себе, как он уперся руками в бедра, выставив вперед локти и опустив плечи, нахолодившись под сердитым взглядом жены.

– Когда речь идет о Неваре, я не просто женщина. Я его мать. – Я знал, что она скрестила на груди руки. Мне казалось, я вижу ее – прямая, точно натянутая струна, прическа безупречна, волосок к волоску, на щеках красные пятна. – Все, что касается моего сына, касается и меня тоже.

– Да, когда затронуты дела семейные, – не стал спорить отец и тут же добавил суровым тоном: – Но Невар еще и сын-солдат, а это значит, что только я решаю, каким испытаниям его подвергать.

Я чувствовал, что мне пришлось совершить путешествие по множеству снов, чтобы попасть в это место и время, но был твердо уверен, что голоса родителей звучат наяву. Я вернулся в свою прежнюю жизнь. И как только я понял, что нашел дорогу домой, все остальные видения рассеялись, точно туман в лучах солнца. Я так спешил, что забыл обо всем. Я попытался открыть глаза, но тяжелые веки не желали слушаться. Тогда я попробовал улыбнуться, но в ответ на это, по сути, еще не начатое движение в мышцы лица словно воткнули тысячи раскаленных иголок. Это было похоже на тот случай много лет назад, когда я обгорел на солнце и мать обмазала меня с ног до головы мазью из агу. И в самом деле, сделав глубокий вдох, я почувствовал знакомый запах мази. Да...

– Он очнулся! – В голосе матери слышались облегчение и надежда.

– Селета, это всего лишь рефлекс. Нервы. Перестань терзать себя. Тебе нужно отдохнуть. Он либо очнется, либо нет. Ты понапрасну себя изводишь, просиживая у его постели круглые сутки. Твоя самоотверженность не принесет пользы ни ему, ни тебе. Ты забыла о других детях. Иди займись домашними делами. Если будут какие-нибудь изменения, я тебя позову.

В голосе отца не было надежды, – более того, в нем звучало горькое смирение. Я чувствовал, что он ругает себя за случившееся не меньше, чем пытается упрекать за беспокойство мать. Я услышал, как скрипнуло кресло для чтения в моей комнате, и понял, что он откинулся на спинку. Значит, вот я где. Дома. Однако раньше мне казалось, что не здесь. А где? Я напряг память, но тщетно. Все воспоминания исчезли точно сон, который вспугнуло слишком резкое пробуждение.

Зашуршали юбки, и до моего слуха донеслись легкие шаги матери. Прежде чем выйти из комнаты, она задержалась на пороге. – Неужели ты хотя бы не скажешь мне, почему? – едва слышным, чуть севшим голосом спросила она. – Почему ты доверил нашего сына дикарю, человеку, у которого имеется множество причин ненавидеть лично тебя со всей яростью, присущей его ужасному народу? Почему ты намеренно подверг риску жизнь Невара?

Отец шумно вздохнул. Я, как и он, ждал, когда мать уйдет, потому что не сомневался – он не станет ей отвечать. Как ни странно, в ту минуту меня гораздо больше занимало, почему

она не ушла, а не то, что он мог бы ей сказать. Я был уверен, что он промолчит, и даже не пытался представить, каким мог бы быть его ответ.

И тут отец заговорил. Очень тихо. Я уже слышал это объяснение, но каким-то непостижимым образом здесь, в доме моей матери, оно приобрело больший вес.

– Есть вещи, которым Невар не может научиться у друзей. Эти уроки ему должен был преподать враг.

– Какие уроки? Что такого ценного он мог почерпнуть из общения с язычником, если, конечно, не считать бессмысленную смерть? – В голосе матери звенели слезы. Я не хуже ее знал, что, если она расплачется, отец велит ей отправиться в свою комнату и сидеть там, пока не успокоится. Он не переносил женских слез. – Он хороший сын, послушный, честный, старательный, – превозмогая душевную боль, проговорила она. – Чему он мог научиться у дикаря вроде этого кидона?

– Не доверять. – Отец ответил так тихо, что я едва разобрал его слова.

Я даже засомневался, произнес ли он их вообще. Затем он откашлялся и добавил уже более твердым голосом:

– Не знаю, сможешь ли ты это понять, Селета. Но я попытаюсь тебе объяснить. Ты когда-нибудь слышала о проклятом недомыслии Дернела?

– Нет, – негромко ответила она.

Меня не удивило, что мать никогда не слышала про капитана Дернела. Он пользовался дурной славой среди военных, но гражданские про него не знали. Его обвиняли в нашем поражении в битве при Тобале, когда победу одержали жители Поющих земель. Ему доставили приказ генерала, где говорилось, что он должен повести наступление в очевидно самоубийственной ситуации. Дернел находился в самом центре боя и прекрасно знал, что расстановка сил значительно изменилась с тех пор, как из тыла был отдан приказ. Он даже сказал об этом своему адъютанту, которого оставил в палатке. Однако Дернел поступил как послушный солдат и повел на верную смерть 684 кавалериста. Он подчинился приказу генерала, несмотря на то что понимал всю его абсурдность. Каждый кавалерист знает о непоправимой глупости, совершенной капитаном Дернелом. Его имя стало нарицательным, и теперь так называют офицеров, слепо выполняющих приказы.

– Ладно. Я не стану читать тебе лекцию по военной истории. Но я не хочу, чтобы мой сын стал таким, как Дернел. Ты совершенно права, Невар хороший сын. Послушный. Он делает все, что я ему приказываю, без малейших сомнений и колебаний. Он подчиняется сержанту Дюрилу. И тебе. Всем. Это отличное качество для сына и необходимое для солдата. Последние несколько лет я наблюдал за тем, как он растет и взрослеет, и все ждал, когда он выкажет неповиновение, пойдет против моей воли. Я ждал, когда он попытается сделать так, как считает правильным сам. Более того, я рассчитывал, что наступит время, когда он противопоставит собственное мнение моему или сержанта Дюрила.

– Ты хотел, чтобы он тебя ослушался? Почему?

Я услышал в голосе матери неподдельное изумление.

– Я знал, что ты не поймешь, – тяжело вздохнув, проговорил отец. – Селета, я хочу, чтобы наш сын стал хорошим командиром, а не просто послушным солдатом. И чтобы он достиг высокого положения не только из-за того, что мы купим ему чин, но и благодаря собственным способностям. Чтобы стать настоящим офицером, он должен быть больше, чем просто честным и старательным. Он должен научиться вести за собой людей. А это означает умение принимать решения и находить выход из сложных ситуаций. Ему необходимо уметь правильно оценивать происходящее и понимать, когда следует полагаться на интуицию.

Вот почему я совершенно сознательно поместил его в такие трудные условия. Я знал, что Девара сумеет научить его самым разным вещам. Но я также не сомневался, что однажды Невару придется самостоятельно принимать решение. Когда он усомнится в необходимости

подчиняться Девара, а также в правильности моего выбора. Я прекрасно понимаю, что пошел на крайние меры, но, судя по моим наблюдениям, Невар не сумел бы самостоятельно развить в себе необходимые качества.

Я знал, что ему придется пересечь границу, за которой заканчивается детство и начинается взрослая жизнь. И надеялся, что он научится верить себе и распознавать, когда следует проигнорировать приказ, отданный теми, кто находится в безопасности и не знает истинного положения дел на поле боя. Я хотел, чтобы он понял: каждый солдат несет ответственность за свои действия. Чтобы он овладел искусством управлять собой, ведь только тогда он сможет вести других. – Отец пошевелился в кресле и откашлялся. – Он должен был уяснить, что даже его собственный отец не всегда знает, что для него хорошо.

Повисла долгая пауза, а потом моя мать заговорила, и в ее голосе явственно слышалась едва сдерживаемая холодная ярость:

– Иными словами, ты доверил жизнь нашего сына дикарю, чтобы мальчик смог до конца осознать: оказывается, его отец не всегда знает, что для него хорошо. Ну что ж, я тоже получила урок. Жаль, что Невар не выучил его раньше.

Я никогда не слышал, чтобы мать говорила такие ужасные вещи отцу. Я вообще представить себе не мог, что между ними возможен подобный разговор.

– Наверное, ты права. Но в этом случае он не слишком долго протянул бы на военном поприще.

Еще никогда голос моего отца не звучал так холодно. Однако я услышал в его словах еще и печаль. И кажется, вину... Я не мог примириться с тем, что отец корит себя за то, что со мной произошло, и попытался заговорить, но у меня ничего не вышло. Тогда я попробовал поднять руку. И тоже не смог. Мне удалось лишь слегка пошевелить кистью, и я почувствовал, как мои пальцы скребут по постели. Мне показалось этого мало, я поглубже вдохнул, напрягся изо всех сил и приподнял-таки правую руку. Я дрожал от напряжения, но сумел удержать ее в воздухе.

Я услышал, как мать тихонько позвала меня по имени, и почувствовал, что отец обхватил мои забинтованные пальцы своей мозолистой ладонью. Только в тот миг, когда он взял мою руку, я понял, что весь замотан бинтами.

– Невар, послушай меня! – Отец говорил очень громко и четко, словно я находился где-то далеко. – Ты дома. И в безопасности. С тобой все будет в порядке. Не пытайся ничего сделать. Ты хочешь воды? Сожми мою руку, если да.

Мне с трудом удалось пошевелить пальцами, и тут же около моих распухших и покрытых коркой губ появился стакан с холодной водой. Пить было трудно, и я намочил бинты на подбородке. Потом меня снова уложили, и я провалился в сон.

Позже я узнал, что меня вернули в родительский дом со свежим порезом на ухе, рядом с уже заросшим – за непослушание, как и обещал Девара. Но пока я был совершенно беспомощен, он сделал не только это.

В предрассветных сумерках лай собак предупредил отца, что кто-то приблизился к дому. Талди сбросила меня на порог вместе с грубыми носилками, сделанными из веток. Моя одежда превратилась в лохмотья, кожа кое-где была содрана до мяса, поскольку время от времени кобылка тащила меня за собой по земле. Кроме того, я сильно обгорел на солнце. В первый момент отец решил, что я мертв.

Девара сидел на своем скакуне на некотором расстоянии от нашего дома. Когда во двор выскочили отец и слуги, чтобы посмотреть, что происходит, он поднял ружье и выстрелил Кикше в сердце. Она закричала, упала на колени, а потом на бок. Девара же развернул Дедема и ускакал прочь. Никто не стал преследовать кидона, потому что все бросились к моему бесчувственному телу, чтобы уберечь его от дергающихся в предсмертной конвульсии копыт маленькой талди. Если не считать моего дважды надрезанного уха и умирающей кобылы, Девара не оставил моему отцу никакого послания. Позже я узнал, что он либо не вернулся к сво-

ему народу, либо кидона спрятали его, чтобы не выдавать гернийскому правосудию. Наличие огнестрельного оружия у представителя его народа уже само по себе являлось преступлением. Почему он так открыто его продемонстрировал, до сих пор остается для меня загадкой, – возможно, хотел бросить моему отцу вызов или же надеялся на то, что его тут же прикончат.

Я получил множество самых разных повреждений, но только одно из них угрожало моей жизни: я обгорел на солнце и страдал от обезвоживания. Кроме того, кожа была во многих местах содрана оттого, что меня волокли по земле, а из свежепорезанного уха обильно шла кровь. На макушке был вырван клочок волос размером с монетку. Отец пригласил врача, тот осмотрел меня и покачал головой.

– Если не считать ожогов и мелких ран, он не нуждается в моей помощи. Возможно, мальчик получил сильный удар по голове, который, по-видимому, стал причиной комы. Но наверняка я не знаю. Придется подождать. А пока сделаем то, что можно.

Он промыл раны, наложил швы и повязки, и я стал похож на тряпичную куклу. Мой отец сказал, что я произошел из рода крепких и сильных мужчин. Выздоровление шло медленно и мучительно, но когда я пришел наконец в себя, то сразу же начал поправляться. Мать настояла на том, чтобы мое тело обильно покрывали мазью с целью не допустить к ожогам воздух. Благодаря этому мои пальцы не слипались, когда с них сходила старая кожа и появлялась новая, бледно-розовая, но лежать на жирном белье, когда зудит все тело, было ужасно. Этого ощущения я не забуду никогда. Вонючая мазь не подпустила ко мне инфекцию, зато моя комната надолго провоняла ее резким запахом. Рана на голове зажила, но волосы на крохотной проплешине так и не отросли.

Говорить тоже было трудно, и в течение двух дней отец не задавал мне никаких вопросов. Родные боялись за мою жизнь, и я со смущением обнаружил, что возле моей кровати постоянно находится либо мать, либо кто-нибудь из сестер. То, что эту обязанность не возложили ни на кого из слуг, указывало на глубину беспокойства глав нашего семейства.

Когда пришел отец, подле меня сидела Элиси. Он отослал сестру из комнаты и тяжело опустился в кресло для чтения.

– Сын, – позвал он и, когда я слегка повернул голову на его голос, спросил: – Хочешь воды?

– Пожалуйста, – прохрипел я.

Я слышал, как он налил воду в стоящий на столике у кровати стакан. Я рывком вскинул руку и сдвинул в сторону жирную повязку, закрывавшую глаза. Все лицо у меня жутко обгорело на солнце, и новая кожа постоянно зудела. Отец наблюдал за тем, как я осторожно приподнялся, чтобы занять полусидячее положение. Мне было страшно неудобно брать забинтованными руками этот дурацкий стакан, но я видел, что он доволен моими попытками обрести самостоятельность. Я выпил воду, и отец торопливо забрал у меня стакан, когда я собрался поставить его на столик, где лежал единственный предмет, напоминавший о тех днях, что я провел с Девара.

Сержант Дюрил помогал переносить меня в дом, на мою постель, и сохранил один из камешков, которые врач достал из ран на моем теле. Ничего особенного он собой не представлял – всего лишь кусок кварца с примесью других минералов, но он стал символом того, что мне удалось обмануть смерть, и это доставляло мне невероятную радость. Дюрил наверняка предполагал, что наступит день, когда я без содрогания буду вспоминать это тяжелое время и порадуюсь своему трофею.

Отец откашлялся, стараясь привлечь мое внимание:

– Ну что, чувствуешь себя немного лучше?

– Да, сэр, – кивнув, ответил я.

– Говорить можешь?

Мои губы напоминали две обгоревшие сосиски.

– Немного, сэр.

– Хорошо. – Отец откинулся на спинку кресла, немного подумал, а потом снова наклонился ко мне. – Я даже не знаю, какие вопросы задавать, сын. Расскажи все сам. Итак, что же все-таки произошло?

Я попытался облизнуть губы, однако делать этого не следовало, поскольку кусочки сухой растрескавшейся кожи неприятно оцарапали язык.

– Девара учил меня обычаям кидона. Охоте. Езде верхом. Показал, как они разводят огонь, что едят. Как выпускают кровь из лошадей, если нет другой пищи. Научил пользоваться рогаткой, чтобы убивать птиц.

– За что он порезал тебе ухо?

Я попытался вспомнить. Часть времени, проведенного с кидона, словно была окутана густым туманом.

– У него была еда и вода, но он мне ничего не давал. Поэтому... я ушел от него, чтобы самому найти воду и пищу. Он запретил мне уходить, но я все равно ушел. Я думал, что умру от жажды и голода, если этого не сделаю.

Отец кивнул каким-то своим мыслям, и в его глазах загорелся интерес. Он не стал ругать меня за то, что я ослушался Девара. Может быть, посчитал, что я выучил урок, который он хотел мне преподать? Но стоил ли этот урок того, что мне пришлось вынести? Неожиданно во мне вспыхнула ненависть к отцу. Я подавил ее и заставил себя выслушать его вопрос.

– И все? Он за это так с тобой поступил?

– Нет. Нет. Это в первый раз.

– Итак... ты от него ушел. А потом вернулся за едой и пищей?

Я услышал в его вопросе разочарование, смешанное с удивлением.

– Нет, – вскинулся я. – Он меня догнал, сэр. Я не приползал к нему, умоляя о спасении. Когда я уехал от него, он помчался за мной. Он догнал меня на своем талди и порезал ухо, хотя я изо всех сил пытался от него убежать. Я не возвращался к нему и не стоял на месте, дожидаясь, когда он меня пометит. Я бы скорее умер, чем опустился бы до такого.

Наверное, возмущение в моем голосе потрясло отца.

– Ну конечно, Невар. Я знаю, что ты никогда бы так не поступил. Но когда он тебя догнал...

– Я ехал полтора дня, а потом сам нашел воду. Тогда я понял, что буду жить. И решил, что оттуда отправлюсь домой. Но он снова меня догнал, и той ночью я набросился на него и мы сражались, потом разговаривали, он меня учил тому, как кидона выживают на равнинах и как делают разные полезные вещи.

Я тяжело вздохнул и неожиданно почувствовал, что очень устал, словно несколько часов тренировался с сержантом Дюрилом, а не пару минут отвечал на вопросы. Я сказал об этом отцу.

– Я знаю, Невар, и скоро дам тебе отдохнуть. Только скажи мне, почему Девара так с тобой поступил. Пока я этого не услышу от тебя, я не буду знать, как себя вести. – Он нахмурился. – Надеюсь, ты понимаешь, что он нанес мне страшное оскорбление? И я не могу допустить, чтобы это сошло ему с рук. Я уже послал людей с приказом его найти. Он мне за все ответит! Но прежде чем я буду судить Девара, мне необходимо понять, что заставило его повести себя именно так.

Я всего лишь человек, Невар. Если между вами произошло что-то такое... чем можно объяснить такую его ярость... даже если, пусть и ненамеренно, ты нанес ему оскорбление, тогда как честный человек ты мне должен об этом рассказать. – Он подвинул кресло поближе к моей кровати и заговорил тише, словно открывал мне огромный секрет. – Боюсь, я получил у Девара гораздо более важный урок, чем ты, и такой же тяжелый. Я ему доверял, сын. Я знал, что он будет с тобой суров, что не станет ради тебя нарушать обычаи кидона. Он был моим врагом,

однако врагом, достойным доверия, – если эти слова можно употребить рядом. Я верил в его честь воина. Он дал мне слово, что будет учить тебя как самого обычного юного кидона. А потом... совершил такое... Я ошибся, Невар. И ты дорого заплатил за мою ошибку.

Я старался как можно тщательнее подбирать слова, потому что уже обдумал все, что со мной произошло. Если я открою отцу, что хотел стать дикарем, он больше никогда не будет меня уважать. И потому я сказал ему правду в том виде, в каком он мог ее принять.

– Девара сдержал свое слово, отец.

– Он нарушил свое слово. Порезать тебе ухо... Мне пришлось попросить доктора зашить твои раны. У тебя останутся шрамы, но не такие заметные, как хотелось бы Девара. С этим я мог бы смириться, поскольку ты признался, что послушался его. Если честно, я предполагал, что ты вернешься домой с каким-нибудь шрамом – такова доля солдата. Но сознательно держать тебя под лучами палящего солнца, пока ты был беспомощен, позволить тебе обгореть, лишиться воды... он про это ничего не говорил, да и я не слышал, чтобы такому наказанию подвергались воины кидона, проходящие подготовку. Думаю, он ударил тебя по голове. Ты что-нибудь помнишь?

Я покачал головой, и он кивнул, словно соглашаясь с какими-то своими мыслями.

– Наверное, ты так ничего и не сможешь вспомнить. Частичная амнезия в результате ранения в голову. Думаю, ты довольно долго находился без сознания, раз так сильно обгорел.

Я раздумывал над его словами, которые он произнес в беседе с матерью, и теперь решил повторить их, чтобы он услышал это от меня.

– Ты знал, что я его слушаю. Знал, что я вернусь домой с порезанным ухом – а то и хуже, – если он меня поймает.

Отец помолчал немного. Не думаю, что ему хотелось признаваться в этом мне.

– Я знал, что последствия твоего обучения могут быть и такими. – Он немного отодвинулся и, склонив голову набок, посмотрел на меня. – Как ты думаешь, это стоило того, чему ты у него научился?

Я задумался. Чему я научился у Девара? У меня не было внятного ответа на этот вопрос. Езда верхом и умение выживать в тяжелых условиях. Но что он сделал с моим разумом? Научил ли меня чему-нибудь действительно стоящему, показал ли то, чего я не знал? Или только обманывал, оскорблял и заставлял терпеть лишения? Я понимал, что отец вряд ли поможет мне отыскать ответы на эти вопросы. Значит, лучше их и не поднимать. И сделать так, чтобы отец успокоился.

– Наверное, то, чему я научился, стоит парочки шрамов. Ты же сам говорил, что шрам для солдата обычное дело. – В надежде, что он не станет больше терзать меня вопросами, я добавил: – Отец, прошу тебя, прости его. Я хочу, чтобы все закончилось. Я его послушался. Он порезал мне ухо, как и обещал. Пусть так все и останется.

Он смотрел на меня, разрываясь между облегчением и удивлением.

– Ты знаешь, что я не могу этого сделать, сын. Он оставил тебя едва живого на нашем пороге, и, если мы позволим кидона хоть раз так поступить с будущим солдатом из благородной семьи, жители равнин посчитают, будто им дозволено творить такое и впредь. Девара не поймет и не оценит ни терпимости, ни прощения. Он будет уважать меня только в том случае, если я завоюю его уважение. – Он потер нос и устало добавил: – Мне следовало подумать об этом, когда я отдавал тебя в его руки. Боюсь, я слишком поздно понял, что совершил. Возможно, мои действия приведут к волнениям среди кидона. Теперь я уже не могу притвориться, будто ничего не произошло, или предоставить другим расхлебывать кашу, которую я заварил. Нет, сын. Я должен знать все, а потом действовать.

Во время его речи я тихонько почесывал заживающие ожоги на левой руке. От жира кожа облезала лохмотьями, и я был похож на рыбу в конце сезона миграции. Сблазн все содрать был таким сильным, что я едва сдерживался, уговаривая себя потерпеть, чтобы не выглядеть

в глазах окружающих капризным ребенком. Я тихонько потирал место, чесавшееся особенно сильно, и старательно не смотрел отцу в глаза.

– Невар? – напомнил мне о себе отец, когда молчание затянулось.

Наконец я принял решение. И впервые солгал. Меня самого удивило, как легко слова слетели с моих губ.

– Девара отвел меня на высокогорное плато. Он хотел научить меня перебираться через пропасть. Мне это показалось неразумным и слишком опасным, я не захотел рисковать и отказался. Возможно, я вел себя слишком резко. Я сказал, что это глупо и только дурак попытается это сделать. Он хотел заставить меня силой, и я ему ответил тем же. Кажется, я ударил его по лицу. – Мой отец знал, что это смертельное оскорбление, с точки зрения кидона. Теперь поведение Девара должно было стать ему понятным. Я помолчал немного, а потом решил, что больше ничего говорить не нужно. – Остального я не помню.

Отец сидел в кресле неподвижно, и я чувствовал его разочарование. Я не жалел, что не рассказал ему правду, а укорял себя лишь за то, что не придумал более удачную ложь. Я ждал, пока он обдумает мою историю. Вина за то, что со мной произошло, должна была лечь либо на Девара, либо на меня самого. Я принял ее на свои плечи не потому, что чувствовал себя столь уж неправым, просто даже в своем юном возрасте понимал, что может произойти, поступи я иначе. Если Девара ранил меня без серьезной причины, отец, как истинный воин, должен будет найти его и покарать. Если же я сам напросился на неприятности, отец не станет с такой яростью стремиться отомстить Девара.

Я, конечно, предвидел последствия такого решения, ибо то, что отец не станет устраивать охоту на Девара, вызовет удивление у окружающих. А насчет меня пойдут кривотолки: что же я сделал кидона, чтобы заслужить подобное обращение и такие раны? Если мой отец сможет сказать, что я ударил кидона по лицу, тогда все встанет на свои места. Отцу будет немного стыдно, что я не победил его в схватке, но, с другой стороны, он сможет гордиться тем, что я не побоялся ударить Девара. И единственное, о чем я жалел, что не обдумал заранее, как объясню произошедшее. Мое заявление о том, что я отказался перейти пропасть, звучало так, будто я испугался. Но я уже ничего не мог изменить и потому постарался об этом не думать. Я страдал от боли, слишком быстро уставал, и порой мне казалось, что мои мысли мне не принадлежат.

Но ни на одно мгновение я не усомнился в правильности своего решения не рассказывать отцу всю правду. Именно эту версию узнают все окружающие во время моего долгого выздоровления. Моя же правда заключалась в том, что в мире кидона я не выполнил приказ наставника и не убил древесного стража. Я послушался его, положившись на собственный невеликий разум. А ведь он предупреждал меня, что страж – страшный и очень опасный враг. Я не нанес смертоносный удар, когда у меня была такая возможность, и теперь мне не дано узнать, что произошло бы, прикончи я женщину сразу же, как увидел. И отныне мне суждено пожинать плоды своего непослушания. Я умер в том призрачном мире и чуть не умер в своем собственном.

Иногда я задавал себе вопрос, смогу ли я хоть когда-нибудь обсудить мой «сон» с отцом, и понимал, что это невозможно. С тех пор как мне стало известно, что он на самом деле обо мне думает, когда я узнал о его сомнениях относительно моей способности командовать другими людьми, между нами словно выросла стена. Он отдал меня в руки дикаря, чтобы тот подверг меня испытанию, и не посчитал нужным предупредить об опасностях, которые могут меня подстергать. Интересно, а думал ли он о том, что я могу не вернуться? Или он был готов рискнуть? Может быть, он решил, что лучше сейчас потерять сына, чем стыдиться за него, когда он станет солдатом. Я посмотрел на отца, и на меня вдруг нахлынули два совершенно противоположных чувства: бесконечное отчаяние и пожирающая душу ярость.

И тогда я тихо произнес первое, что пришло мне в голову:

– Думаю, сейчас мне больше нечего тебе сказать.

Отец кивнул, не заметив моих переживаний.

– Я понимаю, что ты еще не до конца пришел в себя, сын. Поговорим об этом в другой раз.

В его голосе я услышал сострадание, и меня снова охватили противоречивые чувства. Может быть, я все-таки не разочаровал его и у меня есть необходимые качества, чтобы командовать людьми? А хуже всего было то, что я засомневался в собственном будущем. Не исключено, что мой отец понимает меня лучше, чем я сам. И мне действительно не суждено стать настоящим солдатом. Я услышал, как тихо закрылась дверь моей комнаты, и у меня возникло ощущение, будто меня отрезали от будущего, которое всегда казалось ясным и понятным.

Я откинулся на подушки и сделал несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоиться. Мне удалось расслабиться, но мысли словно безумные продолжали метаться в мозгу. У меня даже возникло ощущение, что от их бесконечного бега в голове у меня появились глубокие колеи. Лежа в постели и медленно поправляясь, я чувствовал необычную слабость, вызванную, как мне казалось, вовсе не телесными ранами, и я без конца мысленно возвращался к произошедшим событиям, надеясь в них разобраться.

Но у меня ничего не получалось. Все, что было после того, как мы с Девара по очереди прыгнули в пропасть, не имело логического объяснения. Если случившееся было всего лишь сном, то совершенно непонятна ярость Девара. Очевидно, я находился под воздействием какого-то наркотика: сначала дым костра, а потом – если я не ошибаюсь, это было на самом деле – он положил мне в рот сушеную лягушку. Разумеется, все дальнейшее было иллюзией, плодом моего воображения. И на самом деле я просто спал и видел сон.

Тогда почему Девара так разозлился? Глубина его гнева потрясла меня. Он бы разделался со мной, если б осмелился. И только страх перед полковником Бурвилем заставил его сохранить мне жизнь. В таком случае с какой стати он меня наказал за воображаемое преступление, о котором не мог знать? Если только не рассматривать такую вероятность, что он последовал за мной в мой сон. Может быть, мы каким-то непостижимым образом вошли в таинственный мир жителей равнин, где путешествовали вдвоем...

Эти не слишком логичные рассуждения привели меня к новому выводу. Сон был вовсе не моим. И не имел никакого отношения к реальности. Он оказался настолько фантастичным, что просто не мог родиться в моем мозгу, до определенной степени скованном условностями цивилизации. Мне не могла присниться Немезида в образе толстой старухи. Будь сон моим, речную переправу или каменный мост охранял бы двухголовый великан или древний рыцарь на коне, ведь именно о таких стражах рассказывалось в наших легендах.

Да и моя реакция на происходящее представлялась мне неправильной. Я испытал изумление, как будто прочитал сказку далекой страны и не понял ни смысла поступков героя, ни ее концовки. Я даже не знал, почему этот сон казался мне таким важным. Мне хотелось, чтобы он растаял без следа, как и положено всем нормальным видениям, а он не желал уходить.

Шли дни, я медленно выздоравливал, и мой сон постепенно превратился в одно из событий тех дней, что я провел с Девара, а затем мое путешествие по равнине и вовсе начало казаться нереальным. Мне даже трудно было расположить все, что тогда происходило, в хронологическом порядке. Я мог продемонстрировать сержанту Дюрилу умения, которые приобрел во время скитаний с кидона, но был не в силах вспомнить, как ими овладел. Они стали частью меня, как дыхание... Я не хотел брать кидона в свою жизнь, но одновременно стремился к этому. Он словно проник в мою кровь и навсегда остался со мной – так Девара обвинял моего отца в том, что он стрелял в него железом и этот выстрел навсегда запятнал его душу.

Иногда я стоял перед своей коллекцией камней и смотрел на небольшой шершавый обломок, который доктор вытащил из моего тела, и спрашивал себя, что в моих воспоминаниях было настоящим. Камень и шрамы являлись единственным подтверждением того, что я ничего не выдумал. Порой я прикасался к круглому, лишенному волос пятну на голове, решив в конце концов, что, пока я находился без сознания, Девара ударил меня, а мозг перенес боль в мой сон.

Лишь однажды я попытался рассказать о своем путешествии над пропастью. Прошло примерно шесть недель после моего возвращения домой. Я быстро шел на поправку, хотя даже после того, как мое тело окончательно исцелилось, кое-где на руках и щеках еще оставались нелепые розовые пятна. Я уже вставал и завтракал вместе со всеми. Ярил, моя младшая сестра, часто видела очень яркие сны и за завтраком постоянно донимала нас длинными рассказами о фантастических событиях, в которых ей довелось поучаствовать. Однажды утром, когда она, как всегда, принялась живописать нам очередную захватывающую историю (на сей раз ее спасла стая птиц, вырвав прямо из пасти кровожадной овцы), отец не выдержал и, лишив ее завтрака, отправил в гостиную.

– Женщина, которая не может сказать ничего умного, должна помалкивать! – сурово объявил он.

После завтрака я отправился в гостиную к Ярил, зная, что она – гораздо более впечатлительная, чем ее братья и старшая сестра, – будет долго плакать после выговора, на который мы с Элиси просто не обратим внимания. Я не ошибся. Ярил с опущенной головой и красными от слез глазами сидела на диване и делала вид, что вышивает. Когда я вошел, она даже не посмотрела на меня. Я сел рядом, протянул ей пышку, тайком прихваченную с общего стола, и тихонько проговорил:

– Знаешь, мне страшно интересно, что там было дальше. Ты мне расскажешь?

Ярил взяла пышку и благодарно взглянула на меня. Откусив кусочек, она севшим голосом ответила:

– Нет. Папа прав, это действительно глупо. Не стоит зря тратить ваше и мое время на дурацкие истории.

Я не мог сказать своей младшей сестре, что отец был не прав. – Да, это, конечно, глупо, но многое из того, что доставляет нам удовольствие, далеко не всегда бывает образцом глубокомыслия. Думаю, отец считает, что за завтраком рассказывать подобные истории не стоит, вот и все. Но я с радостью тебя послушаю в другое время – вот, например, сейчас.

У моей младшей сестры были огромные глаза, серые, словно у угольного кота. Ярил очень серьезно посмотрела на меня и вздохнула:

– Ты такой добрый, Невар, но я понимаю, что ты меня жалеешь. Сомневаюсь, что тебе интересны мои сны, да и то, что я делаю или о чем думаю днем. Просто ты хочешь меня утешить, после того как отец прогнал меня из-за стола.

Она была совершенно права насчет своих снов, но мне захотелось ее переубедить.

– По правде говоря, сны меня очень интересуют, потому что мне самому они редко снятся. Зато ты, похоже, видишь ужасно увлекательные вещи почти каждую ночь.

– Я слышала, что нам всем каждую ночь снятся сны, но только немногие люди в состоянии их запомнить.

– Если все забывают свои сны, как они могут доказать, что видели их? – улыбнувшись, возразил я. – Когда я опускаю голову на подушку и закрываю глаза, в голове у меня до самого утра царит тишина. А с тобой все иначе. Мне кажется, ты заполняешь свои ночи самыми разными приключениями и сказочными историями.

– Наверное, со мной во сне происходят самые разные увлекательные вещи, потому что в моей жизни так мало интересного, – отвернувшись от меня, ответила Ярил.

– Ну, не думаю, что у тебя такая уж скучная жизнь, малышка.

– Нет, не скучная. У меня ее попросту нет, – ответила она, и я уловил горечь в ее словах. Когда я удивленно на нее посмотрел, она всего лишь покачала головой и вдруг спросила: – Значит, тебе никогда не снились необычные сны, Невар? И ты никогда не просыпался с бьющимся сердцем и не задавался вопросом, что более реально – мир, где ты только что побывал, или тот, в котором живешь?

– Нет, – ответил я и неожиданно для себя добавил: – Только один раз.

Ярил посмотрела на меня своими кошачьими глазами.

– Правда? И что же тебе приснилось, Невар? – Она потянулась ко мне, словно все это имело для нее огромное значение.

Пока я раздумывал, как рассказать ей о своем сне, меня вдруг охватило диковинное ощущение. Шрам на голове словно обожгло пламенем, а тело скрутило в мучительном спазме. Я закрыл глаза и отвернулся, голова у меня кружилась, а жгучая боль буквально низвергла меня в тот сон со всеми его ослепительными, жуткими подробностями. Я снова вдыхал запах древесного стража и снова хватался окровавленными, изрезанными пальцами за клинок сабли. Отдышавшись, я попытался заговорить, но в первый момент не смог произнести ни звука.

– Ну, это был плохой сон, Ярил. Пожалуй, лучше я не стану тебе про него рассказывать.

Боль схлынула так же неожиданно, как и захлестнула, но мне все равно не сразу удалось заставить себя разжать кулаки и вытереть холодный пот со лба. Когда я снова повернулся к Ярил, то увидел тревогу в ее удивительных глазах.

– Что же могло испугать во сне мужчину? – спросила она меня.

Ее детская наивность, с которой она считала меня уже совсем взрослым, хотя была всего на несколько лет младше, яснее боли дала понять, что мне следует замолчать. Тогда я решил, что неожиданную боль вызвали воспоминания о страшном переживании. Для моей сестры я был настоящим мужчиной, даже несмотря на продемонстрированную в ее присутствии слабость, и я знал, что не сделаю и не скажу ничего такого, что могло бы изменить ее мнение обо мне. Поэтому я просто покачал головой и серьезно проговорил:

– В любом случае это неподходящая тема для разговора с дамой.

Ее глаза широко раскрылись от удивления – оказывается, ее брату, будущему солдату, могут сниться сны, которые не пристало обсуждать с дамой, но я видел, что она осталась довольна – ведь я назвал ее «дама», а не «ребенок». Она снова откинулась на спинку и проговорила:

– В таком случае, Невар, я больше не буду тебя ни о чем спрашивать.

Да, какими же мы тогда были наивными...

Дни проходили за днями и складывались в месяцы – так сухие листья, падая на землю, постепенно превращаются в перегной. Я старался не думать о том, что со мной произошло, и почти забыл свой страшный сон. Ожоги зажили, зашитое ухо рубцевалось, а порезы стали шрамами, которые остались со мной навсегда. На голове у меня тоже остался шрам, похожий на крохотную проплешину. Я вернулся к обычной жизни, урокам и тренировкам. Но в душе у меня остался неприятный осадок, ведь теперь я знал, что, невзирая на ласковые слова, отец сомневается в моих способностях. Его сомнения стали и моими – и этого противника мне так никогда и не удалось одолеть.

Я сделал всего одну уступку своему недавнему прошлому. Поздней осенью я сказал отцу, что хочу один отправиться на охоту, дабы проверить себя. Он ответил, что это глупо, но я настаивал, и в конце концов он отпустил меня на шесть дней. Я сообщил, что намерен охотиться вдоль плато, начинавшегося неподалеку от берега реки, и действительно двинулся в ту сторону. Сначала я побывал на том месте, где Девара и его женщины стояли лагерем, когда отец решил отдать меня для получения необходимого опыта воину кидона. Пепел и камни, окружавшие кострище, а также след от палатки на земле остались единственным напоминанием о его присутствии. Неподалеку валялись ножны от моей старой кавалерийской сабли, и кожа, которой они были обтянуты, уже начала потихоньку гнить. Самой сабли я нигде не нашел. Может быть, ее забрал какой-нибудь путник, проходивший мимо. Впрочем, вряд ли он оставил бы ножны и взял только сам клинок. Я снова бросил ножны на землю и покинул место стоянки. Человек не может призвать к себе оружие, по крайней мере в моем мире. У меня заныл шрам на голове, я потер его и отвернулся от лагеря Девара. Мне не хотелось о нем думать.

Я направил Гордеца в сторону от нашего дома. С приходом осени степь изменилась, но я это учел и прикинул, сколько времени понадобится моему коню, чтобы проделать расстояние, которое талди Девара промчалась бешеным галопом. Первые два дня я скакал к своей цели галопом по утрам и переходил на шаг днем. Благодаря осенним дождям воды было больше, чем когда мы были здесь с Девара. Крошечные ручейки снова принялись журчать в ущельях и в своих руслах на плато. Я ожидал, что это путешествие в одиночестве вернет мне воспоминания и поможет успокоиться, но весенние события теперь казались еще более странными и непонятными.

Наконец мне удалось найти место, где Девара в последний раз развел костер. Я подъехал к нему днем и долго стоял на краю уступа, глядя на раскинувшуюся передо мной равнину. Закопченные камни оставались на прежнем месте, но вокруг них выросла трава. Я нашел обгоревшую палочку для разжигания огня, которую сделал под руководством Девара, а также обломок подаренной им рогатки.

У меня сложилось впечатление, будто он нарочно сжег все, что давал мне и что я сделал сам. Некоторое время я обдумывал это предположение, заодно вспомнив, как Девара пристрелил кобылу, которая привезла меня домой. Может быть, по его представлениям, я каким-то образом запятнал Кикшу и воин кидона больше не мог ездить на ней? Девара не оставил мне ни одного ответа на мои вопросы, а те, что я находил сам, так навсегда и останутся приправленными сомнениями.

Затем, рискуя жизнью, ну, или по меньшей мере конечностями, я спустился вниз по крутому склону, пытаясь отыскать вход в пещеру. Я много об этом думал и пришел к выводу, что там обязательно должна быть пещера и уступ, куда мы спрыгнули и где Девара дал мне лягушку, вызвавшую галлюцинации. Я не сомневался, что именно так все и было.

Я ничего не нашел. Мне не удалось обнаружить ни уступа, на котором я смог бы устоять, когда спрыгнул вниз, ни пещеры. Я снова взобрался наверх и сел на краю, глядя на далекую реку. Значит, мне все приснилось или явилось плодом воображения, растормошенного дымом того растения, что Девара велел мне жечь в костре. Все, до мельчайшей подробности.

Я развел огонь на прежнем кострище при помощи старого доброго кремня и провел около него ночь, хотя заснуть мне так и не удалось. Завернувшись в одеяло, я смотрел на звездное небо и раздумывал над верованиями дикарей. Может быть, добрый бог подарил им другую правду, отличающуюся от нашей? Или он вообще не имеет над ними власти? Возможно, их исчезающие боги еще не до конца потеряли свою силу и мне довелось побывать в царстве одного из таких языческих божеств? От этой мысли по спине у меня побежали мурашки. Неужели темные жестокие миры действительно существуют всего в одном шаге от страны сновидений?

Добрый бог может сотворить все, что пожелает, так говорит Писание. Нарисовать квадратный круг и превратить деяния тирана в справедливые поступки, взрастить надежду из высохших семян пустыни... Если он может сделать все это для нас, то, вероятно, старые боги обладали таким же могуществом и дарили его своим народам. А вдруг я увидел мир, не предназначенный для глаз моих соплеменников?

Мальчик, стоящий на границе взрослой жизни, нередко задумывается над подобными вопросами, и той ночью я тоже размышлял над ними. Это не слишком способствует мирному сну, и на следующее утро, так и не сомкнув глаз, но не чувствуя усталости, я встал на рассвете. Когда первые лучи осеннего солнца скользнули по уступу, где находился мой лагерь, я понял, что добрый бог решил ответить на мои молитвы. Поток света на мгновение пролился на кучу камней, ослепительно вспыхнувших мириадами крошечных солнц, – это оказались просто вкрапления слюды. Затем солнце поднялось выше, лучи упали под другим углом, и груда булыжников снова приобрела самый обычный скучный серый цвет. Я подошел к ним, присел на корточки и прикоснулся пальцем, почувствовав их реальность. Именно от одного из этих

больших камней откололся маленький кусок, который сначала попал в мою рану, а затем вместе со мной и в отцовский дом. По крайней мере, он был настоящим и являлся частью моего мира. Я вскочил в седло Гордеца и направился в сторону дома.

Следующей ночью, словно для оправдания моей лжи отцу, я услышал шорох в кустах, растущих у маленького прудика в дальнем конце ущелья, где я разбил свой лагерь. Подкравшись поближе, я увидел оленя и убил его одним выстрелом. Затем перерезал ему горло, выпустил кровь, располосовал сухожилия на задних ногах и подвесил на кривое деревце, чтобы выпотрошить. Как и положено, я вскрыл грудную клетку и вставил туда палку, чтобы мясо побыстрее остыло. Олень оказался не очень большим, и его рожки напоминали тоненькие шипы, но зато теперь я мог представить доказательство, что не зря шесть дней скитался по равнине.

Я не слишком удивился, когда увидел, как по склону приютившего меня ущелья спускается сержант Дюрил. Он подъехал к моему костру, когда я жарил на огне печень.

– На свете нет ничего лучше свежей печенки, – заметил он, спрыгивая на землю.

Я не стал его спрашивать, давно ли он за мной едет и зачем он здесь. Наши стреноженные лошади стояли рядом и мирно щипали траву, а мы разделили мясо и с удовольствием поужинали, глядя на далекие звезды. Стояла уже глубокая осень, и костер радовал нас своим теплом.

Потом мы некоторое время молча лежали, завернувшись в одеяла и делая вид, будто спим, однако сержант все же не выдержал и спросил:

– Ты хочешь рассказать, как все было?

Я чуть не сказал: «Не могу», хотя это был бы честный ответ. Но он вызвал бы множество других вопросов, попыток выведать у меня, что же тогда произошло, и в конечном итоге породил бы лишнее беспокойство. Значит, придется говорить неправду. Но сержант Дюрил не тот человек, которому легко можно солгать. Поэтому я просто ответил:

– Нет, сержант, пожалуй, не хочу.

Этому я научился у Девара.

Глава 6

Меч и перо

Я разговаривал с людьми, которые получили серьезные ранения, пережили пытки или потеряли близких. Они рассказывают о том, что с ними произошло, как-то отстраненно, словно они постарались изгнать эти события из своей жизни. Я попытался сделать то же самое с воспоминаниями о днях, проведенных с Девара. Доказав самому себе, что встреча с древесным стражем не имела никакого отношения к реальности, я просто решил жить дальше. Я оставил кошмарные видения в прошлом, как поступил чуть раньше со своими детскими страхами, когда мне казалось, будто у меня под кроватью поселился домовый, как перестал загадывать желание всякий раз, когда видел падающую звезду.

Впрочем, я постарался забыть не только о загадочной женщине. Точно так же я больше не думал о тайных сомнениях отца относительно моего будущего. Девара явился для меня испытанием, возможностью понять, смогу ли я при определенных обстоятельствах усомниться в правильности решения командира, выступить против вожака дикарей и стать полководцем в своей собственной жизни. Я лишь единожды бросил Девара вызов, и то не слишком серьезно, а потом снова подчинился его воле. Я не усомнился в мудрости отца. Но я ему солгал. Солгал для того, чтобы он подумал, будто я нашел в себе силы противостоять кидона. Я рассчитывал, что ложь заставит отца меня уважать, но ничего подобного не произошло. Его отношение ко мне нисколько не изменилось.

Некоторое время я отчаянно старался завоевать его расположение и с удвоенным рвением не только тренировался во владении мечом и технике каваллы, что очень любил, но с головой погрузился в науки, которые ненавидел. Мои оценки взлетели на головокружительные высоты, и, проглядывая ежемесячные отчеты о моих достижениях, отец меня хвалил. Но слова были теми же, что я слышал от него всю жизнь. Теперь, когда я узнал, что он сомневается в моих воинских способностях, я вдруг обнаружил, что не верю в его похвалы. А когда он меня ругал, я чувствовал его неудовольствие в два раза сильнее, и тогда мое собственное отвращение к себе только усиливало его разочарование во мне.

Я до определенной степени осознавал: мне никогда не удастся совершить ничего такого, что помогло бы завоевать уважение отца. И потому принял совершенно осознанное решение не думать о том, что со мной произошло. Встреча с древесным стражем в мире грез и ложь отцу никоим образом не укладывались в мое представление о собственной жизни, и потому я их отбросил. Думаю, именно так живет большинство людей. Они стараются забывать о том, что не соответствует их представлению о себе. Как изменилось бы наше понимание реальности, если бы мы отбрасывали все дела и тревоги, которые не могут сосуществовать с нашими мечтами?

Однако эта мысль пришла мне в голову много лет спустя. А тогда я тратил все силы на то, чтобы жить самой обычной жизнью. После выздоровления я вдруг стал так стремительно расти, что удивил даже собственного отца. Я ел, точно изголодавшийся дикий зверь, вытягивался, словно молодой побег, и становился сильнее. В шестнадцать лет я за восемь месяцев сменил три пары сапог и четыре куртки. Мать с гордостью говорила подругам, что, если я в скором времени не перестану расти, ей придется нанять отдельную портниху только для того, чтобы прилично меня одевать.

Как и у большинства юношей моего возраста, у меня имелись собственные заботы, казавшиеся мне невероятно важными. Моего младшего брата, которому было суждено стать священником, отправили из дома для прохождения начального курса обучения. Ярил начала носить длинные юбки и высокие прически. Но все это прошло мимо. Меня слишком занимало, смогу ли я первым нанести удар своему наставнику по фехтованию, а также необходимость

улучшить меткость стрельбы из ружья. Теперь я смотрю на эти годы как на самые эгоистичные в моей жизни, однако, с другой стороны, считаю, что сосредоточенность на себе необходима молодому человеку, перегруженному занятиями и тонущему в потоке новых знаний. А именно на это я в то время себя и обрек.

Даже события, происходящие за пределами нашего дома, меня не особенно трогали, ибо я слишком много сил и внимания отдавал своим занятиям. Любые новости всегда преломлялись сквозь мои представления о собственном будущем. Я знал, что король и старая аристократия сражаются за власть и налоги. После обеда отец иногда говорил о политике с моим старшим братом Россом, и хотя я знал, что политика не должна интересовать солдата, прислушивался к их беседам. Мой отец имел право голоса в Совете лордов и часто получал послания, где содержались самые разные новости.

Он всегда поддерживал короля Тровена. А старым аристократам следовало наконец принять планы его величества касательно будущего нашего королевства, которое расширяло свои границы на восток, пересекая равнины, а не на запад – к побережью. Старые аристократы с радостью возобновили бы нашу древнюю борьбу с обитателями Поющих земель ради того, чтобы отвоевать у них назад прибрежные провинции. Мой отец считал, что король поступает мудро, и все представители новой аристократии были на его стороне, они всячески поддерживали экспансию Гернии на восток. Я не очень обращал внимание на все эти перипетии. Политическая борьба, разумеется, имела к нам отношение, но все главные события происходили в столице – в Старом Таресе, расположенном к западу от наших владений.

Меня гораздо больше интересовали новости с восточных границ, а они всегда начинались с распространения чумы спеков. Страх перед болезнью медленно пропитывал наши души в те годы, когда я вырос и становился мужчиной. Однако, несмотря на пугающие истории, мы знали, что все это далеко от нас. Правда, иногда отзвуки печальных событий долетали и до Широкой Долины. Как-то раз старый Перси попросил отца отпустить его на восток, потому что хотел побывать на могилах своих сыновей. Он сам был солдатом, оба сына, разумеется, пошли по его стопам, но умерли, не успев произвести на свет сыновей, которые продолжили бы род и дело Перси. Он рассказал об этом отцу, и я видел, как ему тяжело. Горе Перси сделало ужасы страшной эпидемии более реальными в моих глазах. Я знал Кифера и Роули, они были всего на четыре и пять лет старше меня и вот теперь лежали в могилах на далекой границе.

Но по большей части чума оставалась там, где началась, и бушевала на военных аванпостах и в поселениях у подножия Рубежных гор. Впрочем, на границе было полно и других опасностей: змеи и ядовитые насекомые, не поддающиеся здравому смыслу и пониманию атаки спеков, огромные кошки и злобные горбатые олени. Болезнь особенно яростно бушевала в жаркие летние месяцы и уносила в этот период множество жизней, а с приходом холодов эпидемия шла на спад.

Летом того года, когда мне исполнилось семнадцать, мы видели множество марширующих солдат. Каждую неделю они проходили мимо наших владений по дороге вдоль берега реки. Они направлялись на смену тем, кто пал жертвой страшной болезни. И все это были опытные солдаты, я почти не видел среди них новичков, отправляющихся на свое первое место службы. Похоронные караваны обтянутых черной тканью фургонов, заполненных гробами, медленно тянулись по дороге в сторону цивилизованного Запада. Они везли тела тех, чьи семьи были достаточно богаты или влиятельны, чтобы оплатить перевозку умерших для подобающих похорон. За ними мы наблюдали издали. Отец о них почти не говорил, а мать боялась, что мы заразимся, и строго-настрого запретила нам подходить к реке, когда вдоль нее проезжали такие процессии.

Каждое лето болезнь возвращалась и с неистощимым упорством пожирала наших солдат. Как-то отец подсчитал, что чума унесла жизни от двадцати трех до сорока шести процентов сильных мужчин. Пожилых людей, женщин и детей эпидемия косила еще яростнее, обходя

стороной лишь немногих. Здоровый мужчина за несколько дней превращался в скелет, обтянутый кожей. Кое-кому посчастливилось остаться в живых, и они вели почти нормальную жизнь, хотя мало кто мог вернуться к тяжелой службе в кавалле. Некоторые из них страдали потерей чувства равновесия, а это серьезный недостаток для всадника.

Мне доводилось видеть тех, кто перенес болезнь, и они поражали своей худобой. Это были вторые сыновья друзей моего отца, они останавливались у нас по дороге в Старый Тарес. Молодые люди ели и пили, как все здоровые мужчины, некоторые даже больше обычного, но не набирали свой прежний вес, и, казалось, силы не желали к ним возвращаться. К тому же они часто ломали кости и получали самые разные раны. Смотреть на молодых офицеров, когда-то здоровых и жизнерадостных, а теперь до ужаса исхудавших, равнодушных ко всему, что происходит вокруг, и вынужденных оставить военную карьеру в самом ее начале, было очень тяжело. Они быстро уставали и с трудом могли провести день в седле. Они рассказывали про города, полные вдов и сирот, чьи мужья и отцы, обычные солдаты, пали жертвой болезни, а не военных действий.

Пришла осень, и сырые ветра остановили распространение чумы. В конце года мне исполнилось восемнадцать, а мой день рождения приходился как раз на праздник Темного Вечера. В нашем доме его практически не отмечали, поскольку отец считал Темный Вечер языческим праздником, глупым суеверием, дошедшим до нас со времен старых богов. Кое-кто продолжал называть его Ночью Темной Женщины.

Законы старых богов гласили, что один раз в году замужняя женщина может изменить мужу и не понести никакого наказания, потому что в эту ночь она должна следовать только собственным желаниям. Моя мать и сестры, разумеется, такими глупостями не занимались, но я знал, что они завидуют представительницам некоторых семей в нашей округе, которые продолжали придерживаться этого обычая. В их домах Темный Вечер отмечали балами-маскарадами и роскошными пирами и дарили украшения из жемчуга и опалов, обернув подарки в яркую бумагу, украшенную звездами. У нас самая длинная зимняя ночь в году проходила без какого-либо блеска. Мать и сестры запускали в пруду крошечные лодочки со свечками, а отец дарил своим женщинам конверты с деньгами – и все.

Поскольку отец запретил в нашем доме празднование Темного Вечера, мой день рождения всегда отмечался с особым размахом, став заодно и праздником середины зимы. Мать устраивала великолепный обед и приглашала гостей из соседних поместий. Однако в этом году мне исполнилось восемнадцать – я становился мужчиной, – поэтому мой день рождения был более торжественным и на нем присутствовали только члены семьи.

Праздник получился официальным и скучным. Отец привез Ванзи из западного монастыря, где тот проходил обучение, чтобы брат провел церемонию. У Ванзи еще даже не начал ломаться голос, но он все равно был горд, что ему доверили семейную книгу и позволили надеть сутану. Облаченный по всем правилам, он читал о моем предназначении из Писания:

– «Второй мальчик, рожденный в благородном доме, станет сыном-солдатом своего отца, и его судьба – служить. Он возьмет в руки меч и будет защищать людей своего отца. Он будет отвечать за свои поступки, потому что его меч и перо прославят его семью или низвергнут ее в пучину позора. Пусть в молодости он служит законному королю, а в старости вернется домой, чтобы защищать дом своего отца».

Когда брат закончил, я показал родным подарки отца. В одной руке я держал новую саблю офицера каваллы в сверкающих черных ножнах. В другой – переплетенный в кожу дневник с гербом нашей семьи на обложке. Сабля станет моим оружием, а в дневник я буду записывать свои деяния. Второй дар имел огромное значение для всей моей семьи. Дело было не только в том, что я достиг возраста, когда мне положено вести себя, как подобает мужчине, – сегодняшний день знаменовал передачу мне семейного факела. Мой отец являлся представителем новой аристократии и первым из нашего рода получил титул лорда Бурвиля с Востока. Таким

образом, я становился первым сыном-солдатом новой благородной фамилии. Впервые в жизни я занял почетное место во главе стола. Дневник, который я держал в руках, прибыл сюда из Старого Тареса, а герб моего отца был вытиснен на обложке печатником самого короля.

В наступившем молчании я оглядел родных, рассевшихся за длинным овальным столом, и подумал о собственном месте в семье. Справа от меня – отец, рядом с ним мать. Слева – старший брат Росс, ему суждено унаследовать дом и земли отца. За ним – мой младший брат Ванзи, читавший Священное Писание в мою честь. Рядом с Ванзи с одной стороны и матерью – с другой заняли свои места мои сестры, изящная Элиси и похожая на милого котенка Ярил. Они получают хороших мужей, принесут им немалое приданое, и благодаря этому мы все обретаем новые связи. Мой отец создал семью, о которой мужчина может только мечтать, да еще произвел на свет вторую дочь.

А я, Невар, – его второй сын, и мне суждено стать военным. Сегодня я наконец это осознал. Именно такой порядок сохраняется в течение многих поколений: старший сын наследует, третий предназначен доброму богу, а второй отправляется на военную службу, чтобы принести своей семье славу и честь. Каждому второму сыну, рожденному в благородном доме, в восемнадцатый день рождения преподносится дневник вроде того, что я сейчас держал в руках, – переплетенный в телячью кожу, с плотно сшитыми двойными страницами кремового цвета. В Писании говорилось, что мои собственные слова станут отчетом о моих поступках.

Этот дневник и удобный пенал, который вкладывался внутрь корешка, будут сопровождать меня повсюду. Дневник сделан таким образом, чтобы можно было писать даже около переплета, а жесткая обложка позволяла это делать легко не только за столом, но и на привале у костра. В пенале лежали две крепкие ручки, запас чернил и перья, а также несколько разноцветных карандашей, отличающихся друг от друга весом, чтобы я мог зарисовывать местность, растения и животных. Когда я испишу последнюю страницу, дневник вернется в Широкую Долину, чтобы занять место на полке в библиотеке и стать частью нашего семейного архива. Он будет стоять рядом с книгами, где ведутся записи об урожаях, поголовье скота, рождениях, бракосочетаниях и смертях. Дневник, подаренный мне сегодня, станет первым томом первого дневника первого сына-солдата, которому суждено носить герб моего отца. Когда он будет заполнен и отправлен домой, я тут же начну новый. Я должен заносить туда все важные события во время моей службы королю, стране и своей семье.

В особняке моего дяди Сеферта в Старом Таресе целая стена в огромной библиотеке отдана полкам, где стоят бесконечные ряды таких дневников. Сеферт Бурвиль – старший брат моего отца, унаследовал родовой дом, титул и земли. И его долг хранить семейную историю. Мой отец Кефт Бурвиль был вторым сыном и солдатом в своем поколении. За сорок два года до моего восемнадцатилетия он сел на лучшего скакуна, что был у его отца, и отправился со своим полком на границу. Он не вернулся, чтобы поселиться в особняке «Каменная Бухта», доме его предков, там хранились только его военные дневники. Они заняли целых две полки в библиотеке брата и были заполнены отчетами о последних победоносных сражениях нашей армии с жителями равнин, когда король Тровен расширил владения Гернии за счет земель варваров.

Как только отец получил офицерский чин и собственное жилье в форте, он отправил домой письмо, сообщая, что готов воссоединиться со своей невестой. Селета Роуд – ей тогда уже исполнилось двадцать, но она была просватана за моего отца еще шестнадцатилетней – отправилась к нему в экипаже, затем фургоне и наконец верхом на лошади, чтобы обвенчаться с ним в полковой часовне в форте Ренолкс. Она была хорошей женой кавалериста и рожала ему детей, пока он честно воевал, о чем свидетельствовал длинный путь, проделанный им от чина лейтенанта до звания полковника. В молодости они думали, что все их мальчишки будут военными, потому что такова судьба сыновей второго сына.

Сражение у Горького Источника все изменило. Мой отец отличился во время двух последних атак, и когда король Тровен услышал о его подвигах, он наградил полковника Бурвиля поместьем в четыреста акров земли, с таким трудом отвоеванной у жителей равнин. Вместе с землей отец получил титул и собственный герб, став таким образом одним из первых представителей новой аристократии, чьи поместья располагались на востоке и в чьи обязанности вменялось нести в те края цивилизацию и традиции.

Именно герб моего отца, а не его брата был отпечатан на мягкой коже моего нового дневника, который я держал высоко в руках, чтобы его могли рассмотреть все мои братья и сестры. Герб представлял собой усыпанное плодами дерево, растущее на берегу реки. Дневник вернется сюда, в Широкую Долину, а не в наше родовое поместье в Старом Таресе, и станет первым томом на первой полке, отведенной сыновьям-солдатам, потомкам моего отца. Здесь, на бывшей границе Диких земель, мы создавали новую династию и знали это.

Молчание затянулось, я держал дневник высоко над головой, наслаждаясь своим новым положением. Наконец отец нарушил тишину:

– Итак, таково твое будущее, Невар. Оно только твое, и тебе предстоит прожить и записать его.

Голос отца прозвучал настолько торжественно, что я не смог найти слов, чтобы ему ответить в том же ключе.

Я осторожно положил подарки на красную подушку, на которой они мне были преподнесены, а когда слуга убрал их со стола, сел на свое место. Отец приподнял бокал, и по его знаку слуга налил всем вина.

– Давайте выпьем за нашего сына и брата и пожелаем Невару, чтобы ему выпало много возможностей продемонстрировать храбрость и покрыть свое имя славой! – предложил он.

Все подняли бокалы и пригубили напиток.

– Спасибо, сэр, – неловко сказал я, но оказалось, что отец еще не закончил.

Он продолжал держать бокал и ждал, когда я посмотрю ему в глаза. Я не знал, чем еще собирался меня порадовать отец, но надеялся, что он предложит мне самому выбрать себе кавалерийскую лошадь. Гордец – отличный конь, но он был уже староват, а я мечтал о более резвом скакуне. Я затаил дыхание, а отец, оглядев всех сидящих за столом, улыбнулся с довольным видом человека, выполнившего свой долг перед собой и семьей.

– А еще давайте выпьем за наше прекрасное будущее. Переговоры заняли много времени и были очень непросты, сын мой, но они завершены. Если в течение трех лет ты с честью прослужишь в кавалле и получишь капитанские звездочки на воротник, лорд Гренолтер отдаст тебе в жены свою младшую дочь Карсину.

Прежде чем я успел хоть что-нибудь сказать, Ярил радостно захлопала в ладоши и воскликнула:

– О Невар, мы с Карсиной станем сестрами! Как чудесно! А наши дети будут кузенами и смогут играть вместе.

– Ярил, пожалуйста, успокойся. В конце концов, это праздник твоего брата, – тихонько пожурила мою неугомонную сестру мать, но я все равно услышал ее слова.

Несмотря на выговор, глаза матери сияли от радости. Я знал, что ей, как и Ярил, очень нравится Карсина, живая, симпатичная девушка со светлыми волосами и круглым лицом. Они с Ярил были лучшими подругами, и она часто приезжала в Шестой день с матерью и старшей сестрой, чтобы вместе с женской половиной нашего дома помолиться, заняться рукоделием и посплетничать. Лорд Гренолтер служил с моим отцом и получил земли и герб за выдающуюся храбрость, проявленную в тех же сражениях, в которых отличился отец.

Леди Гренолтер и моя мать вместе учились в школе и вышли замуж за кавалеристов. Будучи дочерью представителя новой аристократии, Карсина пройдет надлежащее обучение, чтобы стать образцовой женой военного. Я слышал множество историй про жен из числа старой

аристократии, которые впадали в отчаяние, когда выяснялось, что они должны жить на границе в окружении дикарей. Карсина Гренолтер будет для меня отличной партией. Я не испытывал ни малейшего огорчения оттого, что приданое Карсины, каким бы оно ни было, расширит владения моего брата, а не достанется нам. Таков закон, и я с удовлетворением думал о том, что благодаря моему браку наше поместье станет больше. В далеком будущем, когда я уйду в отставку, нас примут в Широкой Долине, чтобы мы смогли вырастить здесь наших детей. Мои сыновья пойдут по моим стопам – станут солдатами, а Росс позаботится о мужьях для дочерей.

– Невар? – Голос отца прозвучал сурово, напомнив мне, что я задумался и не ответил подобающим образом на его сообщение.

– Я онемел от счастья, узнав, чего ты для меня добился, отец, и постараюсь быть достойным Карсины и доказать лорду Гренолтеру, что в моих жилах течет благородная кровь.

– Очень хорошо. Я рад, что ты понимаешь, какую честь он нам оказал, доверив одну из дочерей нашим заботам. В таком случае выпьем за твою будущую невесту.

Мы снова подняли бокалы и выпили.

Так прошел мой последний вечер детства в доме отца. В день своего восемнадцатилетия я оставил за спиной все прежние дела и заботы. На следующее утро началась моя новая жизнь взрослого мужчины. Я встал с рассветом, скромно позавтракал с отцом и братом, а затем вместе с ними выехал из дома. Каждое утро мы отправлялись в разные уголки отцовского поместья, чтобы выслушать отчеты управляющих. Большинство из этих людей отец знал еще со времен службы в кавалле. Они с радостью согласились у него работать, когда годы заставили их покинуть армию. Отец построил для них хорошие дома, выделил по небольшому участку земли под сад, помог обзавестись коровой или двумя козами, а также десятком цыплят. Многим сосватал жен в западных городах, поскольку, хотя их сыновья должны были отправиться на военную службу, на дочерях с удовольствием женились сапожники, купцы и фермеры. Нашему маленькому городку на берегу реки требовались ремесленники и торговцы, чтобы расти и развиваться.

Я знал людей моего отца всю свою жизнь, но за эти дни узнал еще лучше. Несмотря на то что, выйдя в отставку и сняв форму, они автоматически лишились чинов, отец продолжал называть их «капрал» или «сержант», и мне кажется, им нравилось это напоминание о прошлых заслугах.

Сержант Джеффри приглядывал за нашим стадом овец на поросшем сочной зеленой травой пастбище около реки. Этой весной родилось много ягнят, а у некоторых маток даже по два ягненка. Но не у всех хватало молока и терпения заботиться о двух детенышах одновременно, и Джеффри нанимал мальчишек и девчонок из деревни, где селились остатки племен терну, чтобы те кормили малышей из бутылочек. Дети радовались возможности заработать пару монет да еще получали за усердие сахарные конфеты. А отец гордился тем, что он не только укротил дикарей-кочевников, но еще и прививает их юному поколению полезные навыки. Он считал, что задача гернийской новой аристократии состоит в том, чтобы нести цивилизацию и культуру этим отсталым людям. Когда они с матерью устраивали торжественные обеды и праздники, он часто специально заводил разговор о необходимости таких благотворительных дел и убеждал других представителей семей новой аристократии следовать его примеру.

Капрал Карф на войне лишился части правой стопы, но это ему не слишком мешало. Он следил за работами на полях, где выращивали зерновые и заготавливали сено – причем занимался этим на протяжении всего сезона, от первой борозды, оставленной плугом, до сбора урожая. Он был ярким сторонником орошения, и они с отцом нередко обсуждали, насколько реально претворить в жизнь этот проект. Капрал видел, как на востоке жители равнин доставляли воду на поля, и был готов провести эксперимент. Отец считал, что мы должны выращивать то, что по воле доброго бога дает нам земля, но Карфу хотелось обеспечить водой и

верхние поля. Я сомневался, что они сумеют договориться за те годы, что остались до моей отставки. Карф не покладая рук работал на моего отца, применяя самые разные методы, чтобы вернуть земле плодородие после трех лет посевов.

Сержант Рефдом занимался садом. Это было новым для нас делом, и отец не видел причин, почему бы фруктовым деревьям, посаженным на склонах холмов над полями, не порадовать нашу семью богатым урожаем. Я тоже. Но они плодоносить не желали. Болезнь листьев практически уничтожила все сливовые деревья, а какой-то жуткий червяк напал на крошечные яблочки, как только они завязались, однако сержант Рефдом оказался человеком упрямым. В этом году он получил вполне приемлемый урожай нового сорта вишен, которые, похоже, неплохо прижились.

Мы возвращались домой к полудню, пили чай с мясным рулетом, а затем отец отправлял меня на занятия. Он считал разумным обучить меня основам ведения хозяйства, чтобы, выйдя в отставку и вернувшись домой, я мог помочь брату в его трудах на благо поместья. Если случится так, что Росс заболит или с ним произойдет какое-нибудь несчастье, он сможет отправить прошение королю, чтобы тот позволил его брату-военному вернуться на земли своего отца для их защиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.